

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

e-mail: ef@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru>

2019. № 3

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Т. Г. Строителева, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (г. Алма-Ата, Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
А. В. Боговиз, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Г. Г. Вукович, д-р экон. наук, проф., акад. РАЕ (г. Краснодар);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва)

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай (Управление Роскомнадзора по Алтайскому краю и Республике Алтай). Свидетельство о регистрации ПИ №ТУ22–00576 от 20 ноября 2015 г.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» **50302**.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education "Altai State University"

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Deputy Editor-in-Chief

T. G. Stroiteleva, Prof.

Editorial Council

E. A. An, Prof. (Alma-Ata, Kazakhstan);
A. M. Asaliyev, Prof. (Moscow);
A. V. Bogoviz, Prof. (Moscow);
G. G. Vukovitch, Prof., Academician of RANH (Krasnodar);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Moscow);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow)

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media in the Altai Region and the Altai Republic. The Certificate of Registration PI №ТУ22–00576 issued on November 20, 2015

Index in the Catalogue of Russian Press "Pochta Rossii" is 50302

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library)

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content

© Оформление.

Издательство Алтайского государственного университета, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ан Е. А., Кундиус В. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ: КАК БАЗИСА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ.....	5
<i>Бутакова М. М., Горянинская О. А.</i> АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ МАСЛОЖИРОВОЙ ПОДОТРАСЛИ АПК АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ.....	15
<i>Волкова С. С.</i> СИСТЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	24
<i>Воронкова О. Ю.</i> УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО, РЕСУРСНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	32
<i>Грентикова И. Г., Алабина Т. А.</i> ГЕЙМШТОРМИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ БИЗНЕСОМ.....	39
<i>Ковалева И. В.</i> РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ВЛИЯНИЯ ПРИРОДНО-ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ.....	44
<i>Крохмаль Л. А., Фефелова А. А., Бакума Д. А.</i> БЕНЧМАРКИНГ: ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	48
<i>Кулмаганбетова А. С., Дубина И. Н., Рахметулина Ж. Б.</i> ПОКОМПОНЕНТНАЯ ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА: ОПЫТ КАЗАХСТАНА	60
<i>Мищенко Вал. В., Лякишева В. Г., Добрынина И. Ю.</i> СОЗДАНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ БРЕНДОВ И ТОРГОВЫХ МАРОК МЕСТНОЙ ПРОДУКЦИИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	69
<i>Перекаренкова Ю. А., Крышка В. И., Беляев В. И., Троцкий А. Я., Солопова Н. Н.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ОПЛАТЫ ТРУДА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ФАКТЫ	76
<i>Семина Л. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ СОСТОЯНИЯ ОБОРОТНЫХ АКТИВОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ В РЕГИОНЕ.....	84
<i>Nie Yongyou, Федорова Д. С.</i> КИТАЙ В ПОПЫТКЕ ПРЕОДОЛЕТЬ ПРЕДЕЛЫ РОСТА.....	88
НАШИ АВТОРЫ	94
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА. ПРОФЕССИЯ. БИЗНЕС»	96

CONTENTS

<i>An E. A., Kundius V. A.</i> FORMATION OF THE EURASIAN TECHNOLOGY PLATFORM AS A BASIS OF INNOVATIONAL DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF THE TRANSBOUNDARY REGIONS.....	5
<i>Butakova M. M., Goryaninskaya O. A.</i> ASIAN VECTOR OF EXPORT OF OIL AND FAT PRODUCTS OF AGRICULTURE IN THE ALTAI REGION: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES	15
<i>Volkova S. S.</i> ESTIMATION SYSTEM FOR THE EFFICIENCY AND PERFORMANCE OF THE REGIONAL STATE BUDGETARY PROFESSIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE ALTAI REGION: THEORY AND PRACTICE.....	24
<i>Voronkova O. Yu.</i> SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS ON THE BASIS OF INDUSTRIAL, RESOURCE AND ENVIRONMENTAL POTENTIAL	32
<i>Grentikova I. G., Alabina T. A.</i> GAMESTORMING AS A TOOL IN MAKING DECISIONS BY BUSINESS	39
<i>Kovaleva I. V.</i> DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL LOCAL TERRITORIES UNDER THE INFLUENCE OF NATURAL-EXOGENOUS FACTORS	44
<i>Krokhmal L. A., Fedelova A. A., Bakuma D. A.</i> BENCHMARKING: ESTIMATING EFFICIENCY AND ENSURING DEVELOPMENT TOOL OF NATIONAL HIGH EDUCATION SYSTEMS.....	48
<i>Kulmaganbetova A. S., Dubina I. N., Rakhmetulina Zh. B.</i> COMPONENT ASSESSMENT OF INNOVATION POTENTIAL OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES: A CASE OF KAZAKHSTAN	60
<i>Mishchenko Val. V., Lyakisheva V. G., Dobrynina I. Yu.</i> CREATION AND PROMOTION OF REGIONAL BRANDS AND TRADEMARKS OF LOCAL PRODUCTS AS AN IMPORTANT FACTOR OF FORMING A POSITIVE IMAGE OF ALTAI REGION.....	69
<i>Perekarenkova Yu. A., Krishka V. I., Belyaev V. I., Trotskovsky A. Ya., Solopova N. N.</i> THE RELATIONSHIP BETWEEN WAGES AND HUMAN CAPITAL IN THE RUSSIAN ECONOMY: THE BASIC THEORETICAL PRINCIPLES AND FACTS	76
<i>Semina L. A.</i> PROBLEMS OF INFLUENCE OF THE CURRENT ASSETS CONDITION ON THE ENTERPRISE ECONOMIC SECURITY IN THE REGION	84
<i>Nie Yongyou, Fedorova D. S.</i> CHINA ATTEMPTS TO OVERCOME THE LIMITS OF GROWTH.....	88
OUR AUTHORS	94
ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR “ECONOMICS. PROFESSION. BUSINESS”	96

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ КАК БАЗИСА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Е. А. Ан¹, В. А. Кундиус²

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алма-Ата, Казахстан)

² Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

В статье определены основные составляющие инновационной экономики, каждый из которых достигает конкурентоспособного уровня по мировым критериям: прежде всего это инновационный потенциал; институциональная инновационная система; инновационная инфраструктура и высокоорганизационные формы взаимодействия экономических субъектов, включая инновационные центры, кластеры, венчурный бизнес и другие. Представлены результаты исследования инновационных процессов в трансграничных территориях России и Казахстана, проблемы, сдерживающие развитие инновационной экономики, формы и механизмы развития инновационных экономик стран. Дано научное обоснование созданию Международного инновационно-производственного консорциума «R&IID» стран-участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС), показаны первые результаты его деятельности, мероприятия по дальнейшему развитию сотрудничества и обоснованы ожидаемые результаты внедрения новой парадигмы управления инновационными процессами — «бизнес-модели открытых инноваций» и технологий «инновационного инжиниринга».

Ключевые слова: инновационная экономика, базис, территориальные инновационные кластеры, Евразийская технологическая платформа.

FORMATION OF THE EURASIAN TECHNOLOGY PLATFORM AS A BASIS OF INNOVATIONAL DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF THE TRANSBOUNDARY REGIONS

E. A. An¹, V. A. Kundius²

¹ Al-Farabi Kazakh National University (Alma-Ata, Kazakhstan)

² Altay State Agrarian University (Barnaul, Russia)

In article the main components of the innovation economy are defined, each of which reaches competitive level by world criteria: first of all it is the innovation potential; institutional innovation system; the innovation infrastructure and highly organizational forms of interaction of economic subjects, including the innovation centers, clusters, venture business and others. Results of a research of the innovation processes in cross-border territories of Russia and Kazakhstan, the problems constraining development of the innovation economy, a form and mechanisms of development of the innovation economies of the countries are presented. Scientific justification is given to creation International it is innovative — production consortium “R&IID” of the countries of participants of the Eurasian Economic Union (EEU), the first results of its activity, an action for further development of cooperation are shown and the expected results of introduction of a new paradigm of management of innovative processes — “business models of open innovations” and technologies of “innovative engineering” are proved.

Keywords: innovation economy, basis, territorial innovation clusters, technology platform.

Инновационная экономика, являясь необходимым условием конкурентоспособности хозяйствующих субъектов и безальтернативным вектором их развития, невозможна без фундаментального базиса в единстве производительных сил и производственных отношений. Проведенные нами исследования инновационных процессов в трансграничных территориях России и Казахстана показали, что в настоящее время развитие инновационной экономики сдерживается проблемами финансирования науки, модернизации базы научных лабораторий и институтов, а также проблемами подготовки инновационно активных кадров специалистов, недостаточной инновационной активностью бизнеса в этом направлении, его низкими финансовыми возможностями [1–3].

В научной интерпретации инновационная экономика — это экономика знаний и высококачественного человеческого капитала [4–6]. По нашему мнению, инновационная экономика обусловлена экономической политикой и включает в себя семь основных составляющих, которые необходимо создавать и развивать до конкурентоспособного уровня по мировым критериям: образование, наука; человеческий капитал; институциональная инновационная система; материальные составляющие инновационной системы; инновационная промышленность, реализующая новшества; инновационное сельское хозяйство и агропромышленный комплекс; благоприятная среда функционирования человеческого капитала. Проводниками инноваций и инновационных идей становятся центры трансфера технологий, технопарки, технополисы, инновационные центры, кластеры, бизнес-инкубаторы, территории освоения высоких технологий, венчурный бизнес и другие структуры.

В связи с общностью целей и задач в науке, образовании и практике объективно формируются интеграционные связи в этой сфере между учеными и практиками не только отдельных территорий краев или областей, но и межстрановых, особенно приграничных территорий.

В условиях актуализации в настоящее время смены парадигмы региональной политики от поддержки регионов за счет средств федерального бюджета через различные программы помощи и развития к созданию и поддержанию условий для их саморазвития возрастает значимость интеграционного взаимодействия территорий [8]. Как известно, структурную динамику федеративных моделей наилучшим образом отражают показатели территориальной и функциональной интеграции, а также уровень конкурентоспособности субъектов федерации и характер распределения ресурсов между ними [4, с. 271].

Самостоятельные региональные социально-экономические системы необходимы в определенной мере для сохранения равновесия в центре, так как благодаря их существованию сокращаются расходы государственных средств на инфраструктуру и решение социальных проблем, включая проблемы занятости. Для апробации инновационных идей технико-технологических, организационных, управленческих и других целесообразно формирование территориальных кластеров. В экономике кластер является группой, агломерацией предприятий, объединенных географическим расположением и экономическими интересами повышения конкурентоспособности своих товаров и услуг, а также расширения рынка реализации продукции. Кластер определен нами как ключевой инструмент по управлению и комплексному использованию социально-экономического потенциала территорий.

Кластеры в перспективе могут оказать влияние на конкурентоспособность экономических субъектов в трех направлениях: они повышают производительность предприятий и отраслей, обеспечивают инновационный и производственный рост, стимулируют и облегчают формирование нового бизнеса, поддерживающего инновации. Кластер представляет собой более высокий уровень развития интеграционных процессов. Формирование их обусловлено переходом к программно-целевому управлению экономикой. Согласно опыту развития стран и отдельных регионов, наиболее эффективной формой экономического управления является кластерно-инновационная политика.

Главная особенность кластера — его инновационная ориентация. Организационной формой инновационного кластера предлагается ассоциация, которая представляет собой добровольное объединение физических и (или) юридических лиц с целью взаимного сотрудничества при сохранении юридической самостоятельности входящих в объединение субъектов.

Ассоциация — наиболее мягкая форма, представляющая собой единение действий, взаимопомощь экономических субъектов. Кластерные объединения создаются для совместного решения отдельных социально-экономических, научно-технических, производственных и коммерческих задач, представляющих общий интерес. Основная цель и задачи инновационного кластера — выявление ресурсного потенциала, точек экономического роста, приоритетов инвестирования, определение стратегии развития каждого отдельно взятого кластера, отраслей и регионов в целом.

Конкурентные преимущества кластерных систем — ресурсные, технологические, инноваци-

онные, логистические, организационно-управленческие. В кластеры, как правило, объединяются фирмы и организации, заинтересованные в выпуске конечной продукции и связанные географическим положением. Развитие инновационных кластеров предполагается путем проведения организационных и управленческих мероприятий с целью формирования единой цепочки добавленной стоимости и продвижения готовой продукции. По сравнению с другими, сложившимися ранее интеграционными формами организации агропромышленного производства, кластеры отличаются демократичностью управления и принятия управленческих решений, инновационной направленностью деятельности.

При сотрудничестве администрации региона с предприятиями, НИИ, университетами создаются условия для диверсификации экономики территории. Исследование кластерного подхода позволяет утверждать, что происходит формирование нового направления государственной экономической политики — кластерной. Кластер — это привлечение инвестиций и возможность для бизнеса и для экономики региона развиваться инновационно. Однако важно отметить, что кластеры, как и любая другая организационная форма, эффективны только тогда, когда они включены в стратегии регионального развития.

В научно-производственной сфере кластеры являются объединениями и ассоциациями, которые в наибольшей степени концентрируют социальный капитал в региональной зоне развития. Интересен успешный многолетний опыт ряда зарубежных государств по внедрению и развитию кластерных структур как в традиционных отраслях промышленности (Италия), так и в высокотехнологичных (например, Силиконовая долина). Главной отличительной чертой высокоразвитых экономик можно считать территориальное распространение кластеров. Согласно мировому опыту, высокотехнологичное производство базируется на интеграции различных типов научных, инновационных и производственных предприятий [9, 10].

Способность кластеров представлять систему региональной экономики в качестве единого взаимосвязанного комплекса, позволяющего принимать быстрые управленческие решения, лежит в основе концепции региональной кластеризации. В связи с этим теория кластеризации является не столько новшеством в региональном управлении, сколько новым комплексным подходом оценки региональных условий и тенденций развития, факторов внешней среды, оказывающих влияние на них.

Тем не менее как для Казахстана, так и для России в настоящее время полная изоляция от вне-

шнего мира и решение задач технологического отставания только за счет внутренних ресурсов неэффективны и недопустимы. Необходим взвешенный, дифференцированный подход к регулированию отечественного инновационного развития в контексте угроз и возможностей международного обмена знаниями и технологиями [6, 7]. Так, по мнению руководства Фонда национального благосостояния РК «Самрук-Казыша», основные конкурентные преимущества Казахстана на сегодняшний день сосредоточены в нефтехимической, металлургической, атомной отраслях, агропромышленном секторе [11]. Поэтому важно точечное стимулирование тех организаций и отраслей, которые имели бы научно-технологический задел в приоритетных областях, квалифицированные кадры, совместные проекты (или заказы) с зарубежными НИИ и университетами.

Важной основой для создания различного рода программ и проектов международного сотрудничества может стать наличие трансграничных кластеров. Усиление конкуренции на мировых рынках обуславливает целесообразность объединения ресурсов и возможностей национальных экономик России и Казахстана, особенно в сферах интеграции науки, образования и производственных систем. Как было отмечено, в данных государствах имеются все необходимые условия и предпосылки для подобного межрегионального трансграничного сотрудничества.

В обобщенном представлении научная концепция пространственной организации деятельности субъектов, формирующих базис инновационного развития регионов с особым географическим положением, в частности, трансграничных регионов, заключается в эффективном совместном использовании их потенциалов. Прежде всего, на основе активизации интеграционных процессов науки, образования и производства при разработке научных, инновационных идей, организации производства модельных и контрольных образцов новых техники и технологий, апробации их в производстве, предложении потенциальным потребителям, изучении рынков и организации массового производства. При этом осуществляется объединение не только научных достижений, но и инвестиционное обеспечение, организация подготовки специалистов, соответствующих требованиям инновационного производства в соответствии с нормативно правовыми актами и стратегией инновационного развития [12–20].

В современных условиях целесообразно формирование кластеров, представляющих собой пространственно локализованные инновационные подсистемы. Данный подход основан на учете положительных синергетических эффектов регио-

нальных агломераций. Восточно-Казахстанская область и Алтайский край — приграничные регионы, территориально расположенные в стороне от основных международных транзитных коридоров, поэтому развитие научного и экономического взаимодействия будет компенсировать их относительную удаленность. Особенно важно сотрудничество для разработки детально проработанных совместных трансграничных проектов, основанных на достижениях науки и техники, собственных разработках, экономической интеграции, ресурсном потенциале этих двух регионов.

В рамках данного исследования мы рассматриваем пространственную организацию взаимодействия науки, образования, производства трансграничных территорий с особым географическим положением Сибири и Казахстана. В качестве базы их инновационного развития нами разработана организационно-управленческая модель инновационного кластера с формированием его на территории Алтайского края Российской Федерации и Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

На основе представленных инновационных идей и разработок в 2016 г. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, НИИ ТОО «Казгипроцветмет» и Казахстанско-Корейский центр технологического сотрудничества Национального агентства по технологическому развитию АО «Национальный управляющий холдинг «Байтерек» создали Международный инновационно-производственный консорциум «R&IID» (МИПК «R&IID»). В деятельность МИПК «R&IID» вовлечены крупнейшие научно-технологические университеты, научно-исследовательские институты, транснациональные промышленные и инжиниринговые компании, предприятия машиностроения, энергетики, ассоциации горно-металлургического комплекса Казахстана, России, Индии, Индонезии, Австралии и Республики Кореи (рис. 1).

Цель создания консорциума — кооперация заинтересованных лиц в научно-технической и инновационной деятельности на Евразийском континенте для решения совместных задач по разработке инновационных технологий и внедрение их в промышленное производство.

Рис. 1. Международный инновационно-производственный консорциум «R&IID»

Преодоление отсталости стран участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и социально-экономическое развитие национальных экономик не представляется возможным без реализации инновационных стратегий по интеграции науки, образования и производственных систем, которые обусловлены действием объективных экономических законов.

Их развитие требует системного подхода, поиска новых нестандартных, оригинальных решений по объединению научно-технических и производственных потенциалов государств-членов ЕАЭС.

При этом инновационное развитие представляется более эффективным в условиях формирования территориально локализованных инновационных подсистем в форме кластеров на трансграничных и транснациональных уровнях и территориях, которые ускорят инновационную диффузию, обеспечат конкурентоспособность и социально-экономическое развитие участников научно-образовательных, инновационно-производственных кластеров.

Объективно необходимым становится внедрение новой парадигмы управления инноваци-

онными процессами — «бизнес-модели открытых инноваций» и технологий «инновационного инжиниринга». Организационно-правовая форма кластера предполагает некоммерческое партнерство — создание научно-инновационных, производственных консорциумов, которые создают долгосрочный импульс заинтересованного взаимодействия для широкого круга участников в целях формирования и укрепления горизонтальных и вертикальных связей между научно-исследовательскими институтами, университетами, инновационными компаниями и промышленностью, организационно-экономический механизм которого обеспечит эффективное функционирование бизнес-процессного управления, интеграции

онных связей образования, науки и производства (рис. 2).

В январе 2017 г. между ОАО «НПО Центр» (Республика Беларусь), НИТУ МИСиС (Российская Федерация), МИПК «R&ID» (Республика Казахстан) подписано трехстороннее Соглашение о создании «Евразийской технологической платформы» в сфере добычи природных ресурсов и экологического развития, промышленных технологий, металлургии и новых материалов, деятельность которой полностью отражает цели и задачи «Положения о формировании и функционировании Евразийских технологических платформ», утвержденного Решением Евразийского Межправительственного Совета от 13 апреля 2016 г. № 2.

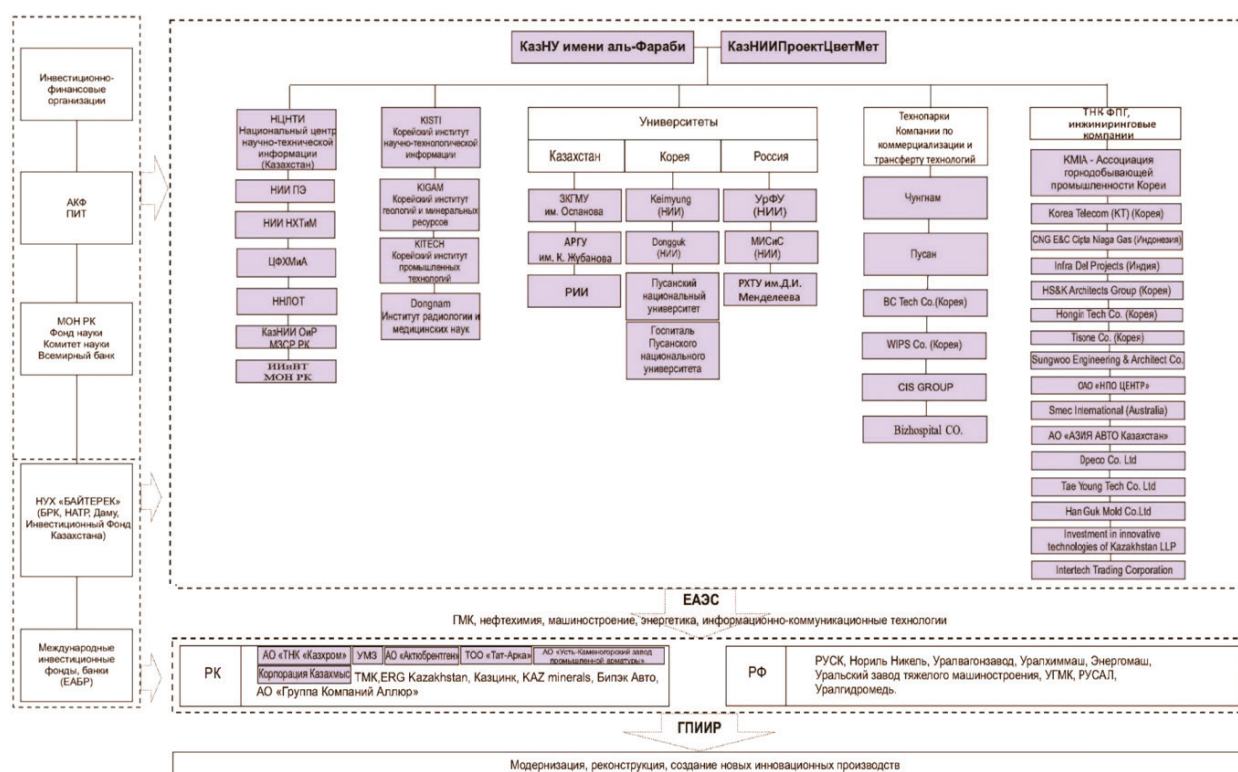

Рис. 2. Организационно-экономический механизм деятельности МИПК «R&ID»

Подписано 42 международных меморандума и соглашения по участию в совместной инновационной деятельности с ведущими научно-технологическими университетами, научно-исследовательскими институтами и предприятиями Казахстана, России, Беларуси, Кореи, Индии, Индонезии, Австралии (табл. 1). Участниками предоставлено 60 технологических задач для поиска инновационных технологий от АО «Корпорация Казахмыс», АО «ТНК Казхром», АО «УМЗ» НАК «Казатомпром», ТОО «Казцинк», АО «ТМК», АО «Русская медная компания» РФ.

Организация Евразийской технологической платформы становится реальным базисом актив-

зации инновационных процессов в странах участниках созданного объединения. В 2016–2017 гг. сформировано и предложено МОН РК для финансирования 19 научно-инновационных проектов, общей стоимостью 38,8 млн \$. В стадии рассмотрения в МОН РК на данный момент находятся 5 проектов.

В декабре 2017 г. был выигран конкурс по грантовой программе «Консорциумы производственного сектора» «КПС 1» на планирование: Индустриально-научный центр сотрудничества, в рамках которого сформировано 4 научно-технических проекта по технологическим задачам АО «ТНК Казхрома», ТОО «Корпорация Казахмыс» и ТОО «Казцинк».

Таблица 1

Участники Евразийской технологической платформы в рамках созданного международного инновационно-производственного консорциума «R&IID»

№	Наименование организации	Страна
1	Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»	Россия
2	ОАО «НПО ЦЕНТР»	Беларусь
3	НИИ по проектированию горно-металлургического комплекса ТОО «Казгипроцветмет»	Казахстан
4	Казахский национальный университет им. аль-Фараби	Казахстан
5	ДГП на ПХВ КазНУ им. аль-Фараби: Научно-исследовательский институт проблем экологии, Научно-исследовательский институт новых химических технологий и материалов, Центр физико-химических методов исследования и анализа, Национальная нанотехнологическая лаборатория открытого типа	Казахстан
6	Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина	Россия
7	Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева (РХТУ)	Россия
8	РГП на ПХВ «Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова»	Казахстан
9	РГП на ПХВ «Институт информационных и вычислительных технологий» (ИИиВТ)	Казахстан
10	Центр технологии переработки углеродных ресурсов при Корейском институте геологии и минеральных ресурсов (KIGAM)	Корея
11	Исследовательский институт конвергенции промышленных технологий при Корейском институте промышленных технологий (KITECH)	Корея
12	Фонд индустриально-академической корпорации университета Кеменг	Корея
13	ГУ «Управление здравоохранения Актюбинской области»	Казахстан
14	ТОО Юридическая компания «CISGroup»	Казахстан
15	Bizhospital	Корея
16	Ассоциация горнодобывающей промышленности Кореи	Корея
17	АО «Национальный центр научно-технической информации» (НЦНТИ)	Казахстан
18	BC Tech Co. LTD	Корея
19	Фонд индустриально-академического сотрудничества Университета Дангук	Корея
20	Технопарк «Чунгнам»	Корея
21	TisoneCo., LTD	Корея
22	InfraDelProjects	Индия
23	HSnKArchitecture&Engineering	Корея
24	CiptaNiagaGaz	Индонезия
25	SungwooEngineering&Architect Co.	Корея
26	HonginTechCo., LTD.	Корея
27	SMECInternational	Австралия
28	ТОО «Корпорация Казахмыс»	Казахстан
29	АО «ТНК Казхром»	Казахстан
30	АО «Ульбинский Metallургический Завод»	Казахстан
31	ТОО «Тат-Арка»	Казахстан
32	АО «Усть-Каменогорский завод промышленной арматуры»	Казахстан
33	АО «АЗИЯ АВТО Казахстан»	Казахстан
34	Tae Young Tech Co. Ltd	Корея
35	Han Guk Mold Co.Ltd	Корея
36	DpecoCo. Ltd	Корея
37	Технопарк «Пусан»	Корея
38	Институт радиологии и медицинских наук Донгнам (DIRAMS)	Корея
39	Корея Телеком (КТ корпорация)	Корея

Окончание таблицы 1

№	Наименование организации	Страна
40	Госпиталь Пусанского Национального университета (PNU)	Корея
41	Западно-Казахстанский государственный медицинский университет им. М. Оспанова	Казахстан
42	Казахский научно-исследовательский институт онкологии и радиологии (КазНИИОиР)	Казахстан
43	АО «Актюбрентген»	Казахстан

В январе 2018 г. консорциум победил в конкурсе на грантовое финансирование по научным и (или) научно-техническим проектам на 2018–2020 гг. Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Итак, формирование наукоёмкой экономики предполагает следующее:

- создать принципиально новые рынки инновационной продукции;
- повысить глобальную конкурентоспособность национальных экономик стран ЕАЭС. В рамках консорциума намечены мероприятия по дальнейшему развитию сотрудничества и обоснованы ожидаемые результаты (табл. 2).

Таблица 2

Мероприятия по дальнейшему развитию сотрудничества и ожидаемые результаты

№	Мероприятия	Ожидаемые результаты
1	Задача — создание и развитие Индустриально-научного центра сотрудничества (далее — ИНЦС), обеспечивающего международную консолидацию университетов, научно-исследовательских институтов нацеленных на трансферт и коммерциализацию инновационных технологий на конкретные технические задачи предприятий ГМК РК и создание Совета директоров консорциума (СДК)	Будет установлено научно-технологическое партнерство между предприятиями производственного сектора, научно-исследовательскими институтами и университетами на евразийском и мировом уровне; определены совместные международные исследовательские группы, инновационные технологические решения и план НИОКР Центра на 2018–2020 гг. в рамках казахстанского приоритетного научного направления 1 для решения технологических задач казахстанских предприятий
2	Подзадача — решение системных проблем отраслей экономики Казахстана (в том числе приоритетных секторов промышленности), участие в технологической модернизации; поиск и формирование предложений для решения технологических задач промышленных предприятий и организаций Казахстана путем организации участия на Казахстанской Секции Международного форума горняков, проводимой	Подписание консорциального соглашения о создании ИНЦС между КГЦМ и КазНУ им. аль-Фараби, НИИ проблем экологии, НИИ новых химических технологий и материалов, Национальная нанотехнологическая лаборатория открытого типа, Научно-технологический парк КазНУ им. аль-Фараби (Казахстан),
	участником Консорциума — НИТУ «МИСиС», российских, корейских и казахстанских научно-образовательных учреждений и промышленных компаний. Формирование совместных исследовательских групп и плана НИОКР ИНЦС на 2018–2020 гг. в сфере недропользования, переработки минерального и техногенного сырья, производств новых материалов и технологий в рамках казахстанского приоритетного научного направления 1	НИТУ «МИСиС», РХТУ им. Д. И. Менделеева, ВИСТ групп (Россия)

Общий ожидаемый результат от деятельности консорциума:

Придание межгосударственного статуса и функционирование Консорциума ЕТП предоставит участникам возможность:

- расширить и консолидировать научно-технологические и производственные кооперационные связи;
- увеличить объемы НИОКР при оптимизации затрат;

- повысить эффективность научно-технического сотрудничества и инновационный потенциал государств-членов ЕАЭС;
- оптимизировать доступность и обеспечить спрос промышленных предприятий на инновационные технологии в реализации технологической модернизации;
- повысить инновационную активность и восприимчивость промышленных предприятий в трансферте инновационных технологий.

Задачи деятельности консорциума Евразийской технологической платформы направлены на аккумуляцию передовых национальных и мировых достижений научно-технического развития, мобилизацию научного и материально-технического потенциала участников консорциума для совместного решения научно-технических за-

дач трансферт-национальных и международных инновационных технологий для ускоренной технологической модернизации предприятий ГМК, которые имеют стратегическое значение для устойчивого экономического роста стран — участников технологической платформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кундиус В. А., Ан Е. А. Теоретические основы интеграционной связности науки, образования и производства в формировании базиса инновационного развития трансграничного региона // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 11 (109). С. 112–116.
2. Ан Е. А. Формирование кластера науки, образования и производства как базиса инновационного развития трансграничных регионов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. Т. 3, спец. вып. 32. С. 23–27.
3. Ан Е. А. Формирование базиса инновационного развития, пространственно локализованных подсистем трансграничных регионов: монография / науч. ред. В. А. Кундиус. Алматы: Қазақ университеті, 2013. 236 с.
4. Территориальная конкуренция в экономическом пространстве / Важенін С. Г., Берсенев В. Л., Татаркин А. И. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 540 с.
5. Ефремов В. С., Ефремов С. В. Методология формирования интегрированной системы организации и управления научно-образовательным комплексом вуза. Отчет о внебюджетной аналитической ведомственной программы «Развитие потенциала высшей школы» (2006–2008) 01.2.00613887. М., 2007.
- Ипалаков Т. Т., Гольцев А. Г. Формирование региональной инновационной системы в Казахстане: общественно-политическая литература // Инновации. 2008. № 12. С. 14–19.
6. Материалы Международной научно-практической конференции «Роль вузов в подготовке специалистов для инновационной экономики. Интеграция образования, науки и производства». 19–20 мая 2006 г.: научное издание. Ч. 1 / Мин-во образования и науки РК, М-во труда и соц. защиты населения РК, Национальный инновационный фонд РК, Акимат ВКО, Восточно-Каз. гос. техн. ун-т им. Д. Серикбаева. Усть-Каменогорск: ВКГТУ, 2006. 317 с.
7. Татаркин А. И. Построение инновационной системы как условие обеспечения технологической модернизации экономики // Инновации. 2005. № 3. С. 19.
8. Liyanage S. Breeding innovation clusters through collaborative research networks // Technovation. Amsterdam, 1995. Vol. 15, N 9. P. 553–567
9. Freeman C. The National System of Innovation in Historical Perspective. // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19, No. 1.
10. Глобализация: противоречия, проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (13–15 апреля 2004 г.). Ч. 4 / Акимат ВКО, Малая Ассамблея народов Восточного Казахстана, Восточно-Каз. гос. техн. ун-т им. Д. Серикбаева, Восточно-Каз. гос. техн. ун-т им. Д. Серикбаева. Усть-Каменогорск: ВКГУ, 2004. 333 с.
11. Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года 319-III «Об образовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.01.2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30118747 (дата обращения 01.07.2019).
12. Закон Республики Казахстан «О некоммерческих организациях» от 16 января 2001 года № 142-II [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1021519 (дата обращения 01.07.2019).
13. Закон Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» от 24 июня 2010 года № 291-IV [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30770874 (дата обращения 01.07.2019).
14. «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» от 14 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii- (дата обращения 01.07.2019).

15. «Концепция формирования перспективных национальных кластеров РК до 2020 года» от 11 октября 2013 года № 1092 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31459344 (дата обращения 01.07.2019).

16. Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан «Об утверждении Правил конкурсного отбора территориальных кластеров» от 18 декабря 2015 года № 1212 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31977535 (дата обращения 01.07.2019).

17. «Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы» от 1 августа 2014 года № 874 [Электронный ресурс]. URL: <http://miid.gov.kz/ru/pages/gosudarstvennaya-programma-industrialno-innovacionnogo-razvitiya-respubliki-kazahstan-na-0> (дата обращения 01.07.2019).

18. Закон Республики Казахстан «О науке» от 18 февраля 2011 года № 407-IV [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30938581 (дата обращения 01.07.2019).

19. Закон Республики Казахстан «О коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности» от 31 октября 2015 года № 381-V [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31806330 (дата обращения 01.07.2019).

20. «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» от 29 октября 2015 года № 375-V [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854 (дата обращения 01.07.2019).

REFERENCES

1. Kundius, V. A. & An, E. A. (2013) Theoretical foundations of integration connectivity of research, education and production in the formation of innovative development basis of a cross-border region. *Bulletin of Altai State Agricultural University*, 11 (109), 112–116 (in Russian).

2. An, E. A. (2013) Forming science, education and production cluster as the basis for innovative development of cross-border regions. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*, S3 (32), 23–27 (in Russian).

3. An, E. A. (2013) Formation of a basis for innovative development, spatially localized subsystems of transboundary regions: monograph. Almaty: Kazakh University, 236 (in Russian).

4. Vazhenin, S. G., Bersenev, V. L. & Tatarkin A. I. (2011) Territorial competition in the economic space. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 540 (in Russian).

5. Efremov, V. C. & Efremov, S. V. (2007) The methodology of the formation of an integrated system of organization and management of the scientific and educational complex of the university. Report on the extrabudgetary analytical departmental program “Development of Higher School Potential” (2006–2008) 01.2.00613887. Moscow (in Russian).

6. Ipalakov, T. T. & Goltsev, A. G. (2008) Formation of a regional innovation system in Kazakhstan: socio-political literature. *Innovations*, 12, 14–19.

7. Materials of the International scientific-practical conference “The role of universities in the training of specialists for an innovative economy. Integration of education, science and industry. “May 19–20, 2006: scientific publication. Part 1 (2006). Ust-Kamenogorsk, 317 (in Russian).

8. Tatarkin, A. I. (2005) Building an innovation system as a condition for ensuring technological modernization of the economy. *Innovations*, 3, 19 (in Russian).

9. Liyanage, S. (1995) Breeding innovation clusters through collaborative research networks. *Technovation*, Amsterdam, Vol 15, 9, 553–567.

10. Freeman, C. (1995) The National System of Innovation in Historical Perspective. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 19, 1.

11. Globalization: contradictions, problems and prospects: materials of the international scientific-practical conference (April 13–15, 2004). Part 4 (2004). Ust-Kamenogorsk, 333 (in Russian).

12. The Law of the Republic of Kazakhstan dated July 27, 2007319-III “On Education” (as amended as of January 14, 2013). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30118747.

13. The Law of the Republic of Kazakhstan “On Non-Profit Organizations” dated January 16, 2001 No. 142-II. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1021519.

14. The Law of the Republic of Kazakhstan “On Subsoil and Subsoil Use” dated June 24, 2010 No. 291-IV. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30770874.

15. Strategy “Kazakhstan-2050”: a new political course of the established state “of December 14, 2012. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii-

16. "The concept of the formation of promising national clusters of the Republic of Kazakhstan until 2020" dated October 11, 2013 No. 1092. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31459344 (дата обращения 01.07.2019).

17. Order of the Minister of Investment and Development of the Republic of Kazakhstan "On approval of the Rules for competitive selection of territorial clusters" dated December 18, 2015 No. 1212. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31977535.

18. "State program of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2015–2019" dated August 1, 2014 No. 874. URL: <http://miid.gov.kz/ru/pages/gosudarstvennaya-programma-industrialno-innovacionnogo-razvitiya-respubliki-kazahstan-na-0>.

19. The Law of the Republic of Kazakhstan "On Science" dated February 18, 2011 No. 407-IV. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30938581 (дата обращения 01.07.2019).

20. The Law of the Republic of Kazakhstan "On the commercialization of the results of scientific and (or) scientific and technical activities" dated October 31, 2015 No. 381-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31806330.

Поступила в редакцию: 15.07.2019.

Принята к печати: 29.07.2019.

АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ МАСЛОЖИРОВОЙ ПОДОТРАСЛИ АПК АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ¹

М. М. Бутакова, О. А. Горянинская

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья содержит результаты анализа экспорта продукции масложировой отрасли на национальном и региональном уровнях, анализа конъюнктуры международного рынка растительных масел. Экспорт рассматривается авторами в контексте стимулирования роста объемов производства и повышения инвестиционной привлекательности масложировой отрасли. Авторами выявлены и проанализированы условия и возможности наращивания экспортного потенциала масложировой отрасли Алтайского края, исследованы экспортные возможности и показан возможный вектор экспортного развития отрасли.

Ключевые слова: масложировая отрасль, экспорт продукции, экспортный потенциал, конкурентоспособность.

ASIAN VECTOR OF EXPORT OF OIL AND FAT PRODUCTS OF AGRICULTURE IN THE ALTAI REGION: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

M. M. Butakova, O. A. Goryaninskaya

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article contains the results of the analysis of exports of oil and fat industry at the national and regional levels, the analysis of the international market of vegetable oils. Export is considered by the authors in the context of stimulating the growth of production volumes and increasing the investment attractiveness of the oil and fat industry. The authors identify and analyze the conditions and opportunities for increasing the export potential of the oil and fat industry of the Altai region. We also study export opportunities and show a possible vector of export development of the industry.

Keywords: oil and fat industry, export of products, export potential, competitiveness.

Масложировая отрасль выступает ведущей отраслью агропромышленного комплекса Российской Федерации, для которой характерны значительные инвестиционные вложения, динамичность развития, высокая степень конкуренции на рынке и сложность системы, объединяющей технологически и экономически взаимосвязанные элементы растениеводства и перерабатывающего производства. В условиях «экспортоориентированной модели роста экономики» [1] имеющиеся производственные мощности и ресурсы масложировой

отрасли определяют необходимость стабилизации положения на традиционных рынках сбыта и выхода на новые рынки. Развитие экспорта продукции выступает стратегическим направлением отрасли, направленным на усиление позиции страны на мировом рынке и источником обеспечения устойчивого развития отрасли.

Исследованию проблем и перспектив развития экспорта продукции АПК Российской Федерации посвящены работы В. Г. Кайшева, С. Н. Серёгина [2], О. В. Ермоловой, В. В. Кирсанова, Н. А. Яко-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, № 18-010-00593 А «Исследование глобальных цепочек создания добавленной стоимости как фактора повышения эффективности экономики региона».

венко, И. С. Иваненко, Т. В. Остапенко [3], К. Г. Бородин, В. Д. Гончарова, Е. Ю. Фроловой, В. В. Рау, С. Г. Сальникова [4]. Вопросы экспорта масличных культур и продуктов их переработки затрагиваются в трудах В. Д. Гончарова, С. В. Котеева [5], М. А. Николаевой, О. А. Рязановой [6], Н. А. Шелаховой [7] и др. Авторы единодушны в оценке необходимости и целесообразности ориентации АПК России на международные рынки, так и в понимании проблем и барьеров, затрудняющих экспорт продукции АПК.

Современные тенденции развития международной торговли и формирование торговой политики России, направленной на наращивание экспортного потенциала продукции АПК, определяют необходимость тщательного изучения возможностей, необходимых условий и предпосылок расширения экспорта продукции с высокой степенью обработки. Остаются недостаточно исследованными вопросы специфики и особенностей международного рынка масложировой продукции в силу

многообразия товарного предложения, различающегося степенью сложности технологической обработки, видовым предложением и т. д. Недостаточно изучены такие аспекты, как экспортный потенциал масложировой отрасли России на международном рынке и возможности диверсификации отрасли в направлении экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью, что и обуславливает актуальность исследования, прежде всего, на региональном уровне.

Алтайский край занимает значительное место в сборе и переработке масличных культур в Российской Федерации. Природные условия края являются благоприятными для культивирования ряда источников маслосемян, которые, пользуясь спросом на национальном и мировом рынках, не являются антагонистами для зерновых культур в классических севооборотах. Урожайность и объемы сбора масличных культур в Алтайском крае в 2017–2018 гг. отражены в таблице 1.

Таблица 1

Урожайность и валовой сбор масличных культур во всех категориях хозяйств, Алтайский край

Показатели	Урожайность, ц/га		Валовой сбор в первоначально-отпрессованном весе, тыс. т	
	2017 г.	2018 г.	2017 г.	2018 г.
Подсолнечник на зерно	10,8	10,1	619,7	673,2
Рапс	15,5	14,6	78,3	200,9
Соя	15,9	11,8	98,0	135,8
Лен-кудряш	10,4	11,6	45,0	78,7
Лен-долгунец	11,4	8,8	4,1	3,7

Регион входит в ТОП-10 регионов-лидеров по валовому сбору основных сельскохозяйственных культур (3-е место — лен-кудряш, 4-е место — лен-долгунец, 9-е место — подсолнечник и рапс,

11-е место — соя). Основной масличной культурой Алтайского края является подсолнечник, доля посевных площадей которого в 2017 г. составила 7,2% от общероссийского показателя (табл. 2).

Таблица 2

Посевные площади подсолнечника (в хозяйствах всех категорий, тыс. га), 2010–2017 гг.

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2010, %
Российская Федерация	7158,5	7620,6	6536,5	7278,3	6911,3	7013	7606,8	7994	111,67
Сибирский федеральный округ	584,5	545,3	564,8	682,7	590	567,2	706,4	645,8	110,49
Алтайский край	497,1	495,1	522,6	615,9	536,1	523,6	642,2	574,1	115,49

В 2017 г. валовой сбор семян подсолнечника в Алтайском крае составлял 5% от общероссийского показателя, 89% от показателя Сибирского федерального округа. Объем валового сбора увеличился в 2,5 раза по сравнению с 2010 г. (табл. 3).

В качестве позитивной тенденции отметим, что темпы роста валового сбора значительно пре-

вышают темпы роста площадей за счет значительного (в 2,2 раза) повышения урожайности данной культуры в анализируемом периоде (табл. 4). Общероссийский показатель урожайности семян подсолнечника растет не такими значительными темпами и за анализируемый период составил 1,6 раза.

Таблица 3

**Валовой сбор семян подсолнечника (в весе после доработки) в хозяйствах всех категорий,
тыс. т, 2010–2017 гг.**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2010, %
Российская Федерация	4980,4	9068,9	7501,3	9852,3	8480,9	9288,7	11015,1	10481,0	210,44
Сибирский федеральный округ	251,2	267,4	252,5	442,6	233,9	396,0	590,3	630,0	250,80
Алтайский край	227,6	240,3	229,4	381,2	195,5	356,8	513,0	560,7	246,35

Таблица 4

**Урожайность семян подсолнечника (в весе после доработки) в хозяйствах всех категорий,
ц/га убранный площади, 2010–2017 гг.**

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2010
Российская Федерация	8,9	12,5	12,2	14,5	13,1	14,2	15,1	14,5	162,92
Сибирский федеральный округ	4,4	5,2	5,2	7,3	6,7	7,2	9,6	10,3	234,09
Алтайский край	4,7	5,1	5,1	7,0	6,5	7,0	9,3	10,4	221,28

В хозяйствах Алтайского края выращивают также рапс, сою, лен, рыжик. Инвестиционная привлекательность возделывания семян рапса в первую очередь обусловлена высоким спросом на рапсовое масло на мировых рынках. Кроме того, наблюдается устойчивый спрос на рапсовый жмых как со стороны зарубежных покупателей, так и на внутреннем рынке.

Новой культурой для Алтайского края является рыжик — ценная масличная и кормовая культура, его семена содержат 36–42% масла, 25–30% белка, 8–16% клетчатки. Как агрономическая культура рыжик способен давать стабильный урожай семян в различных климатических условиях с достаточно высокой масличностью, при этом он хорошо переносит заморозки и засуху, не требователен к качеству почв и не нуждается в дополнительной агротехнической обработке. Масло из рыжика в натуральном виде широко используется в пищевых целях, в консервном и косметическом производстве как аналог оливкового масла, для производства биотоплива 2-го поколения, биокеросина, смазочных материалов, в лакокрасочной, фармацевтической, косметической и парфюмерной промышленности [8].

Алтайский край является крупным регионом-экспортером масел масличных культур на международный рынок. Количественный объем поставок масла соевого вырос в 22,5 раза в 2018 г. по сравнению с 2011 г., масла подсолнечного — в 32,6 раза, масла рапсового — в 3,8 раза, масла льняного — в 998 раз. В 2016 г. на мировой рынок Алтайским краем экс-

портированы рекордные за анализируемый период объемы подсолнечного масла — 43 тыс. т (рис. 1).

За анализируемый период исследования Алтайский край значительно увеличил экспортные доходы за счет поставок всех видов масел (рис. 2). Стоимость экспорта масла подсолнечного и масла соевого из Алтайского края в 2018 г. снизилась на 35 и 5% соответственно по отношению к предыдущему году.

Основные рынки сбыта масла подсолнечного, произведенного в Алтайском крае, — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Китай (рис. 3). За рассматриваемый период наметилась тенденция расширения географии поставок подсолнечного масла за счет стран ближнего и дальнего зарубежья (Казахстан, Монголия, Китай, Армения). В 2011 г. поставки масла подсолнечного осуществлялись только в Таджикистан, Монголию, Узбекистан.

Стратегическим партнером Алтайского края в экспорте масла льняного является Китай, доля которого в общем объеме поставок составляет 94,59% (рис. 4), что в количественном выражении составляет 2623 т. В незначительных количествах закупается масло льняное странами дальнего и ближнего зарубежья (Узбекистан, Белоруссия, Латвия и др.).

Основные покупатели масла рапсового из Алтайского края — Китай, Нидерланды, Таджикистан (рис. 5). В 2018 г. доля поставок масла рапсового в Китай составила 66,62%, что характеризуется тенденцией наращивания объемов экспорта и в стоимостном выражении темп роста составил 244% по сравнению с 2014 г.

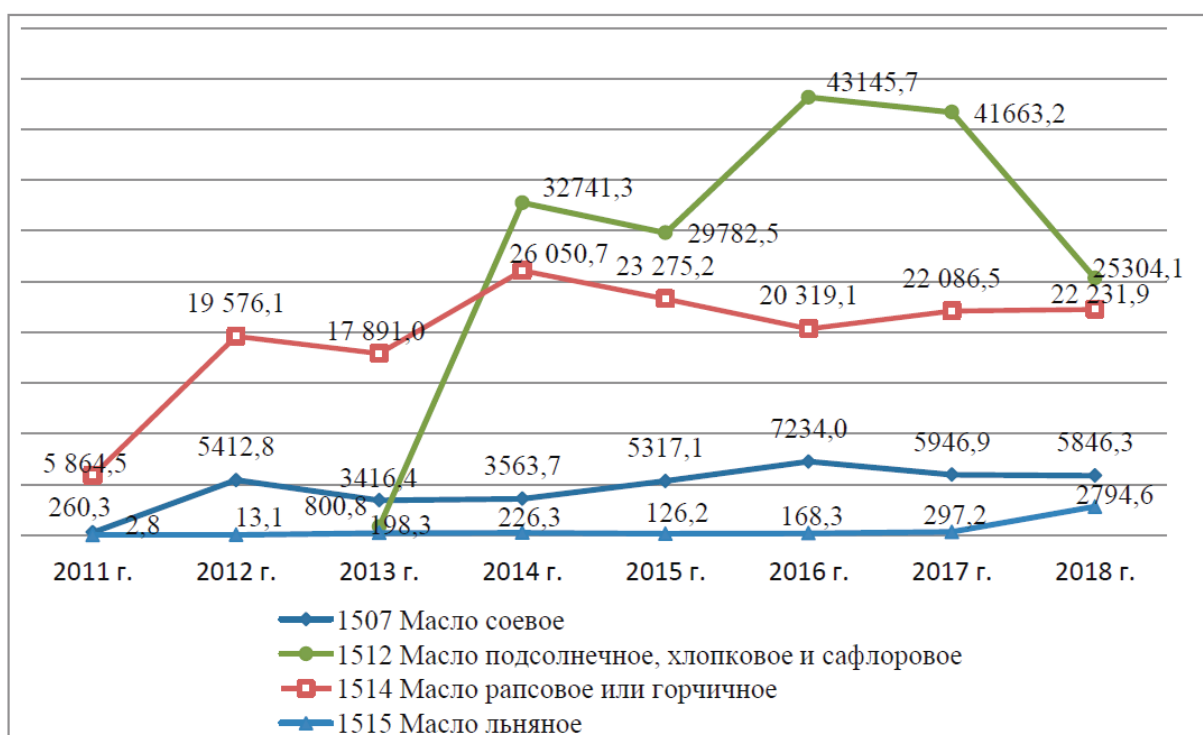

Рис. 1. Динамика экспорта масложировой продукции Алтайского края в 2011–2018 гг., т

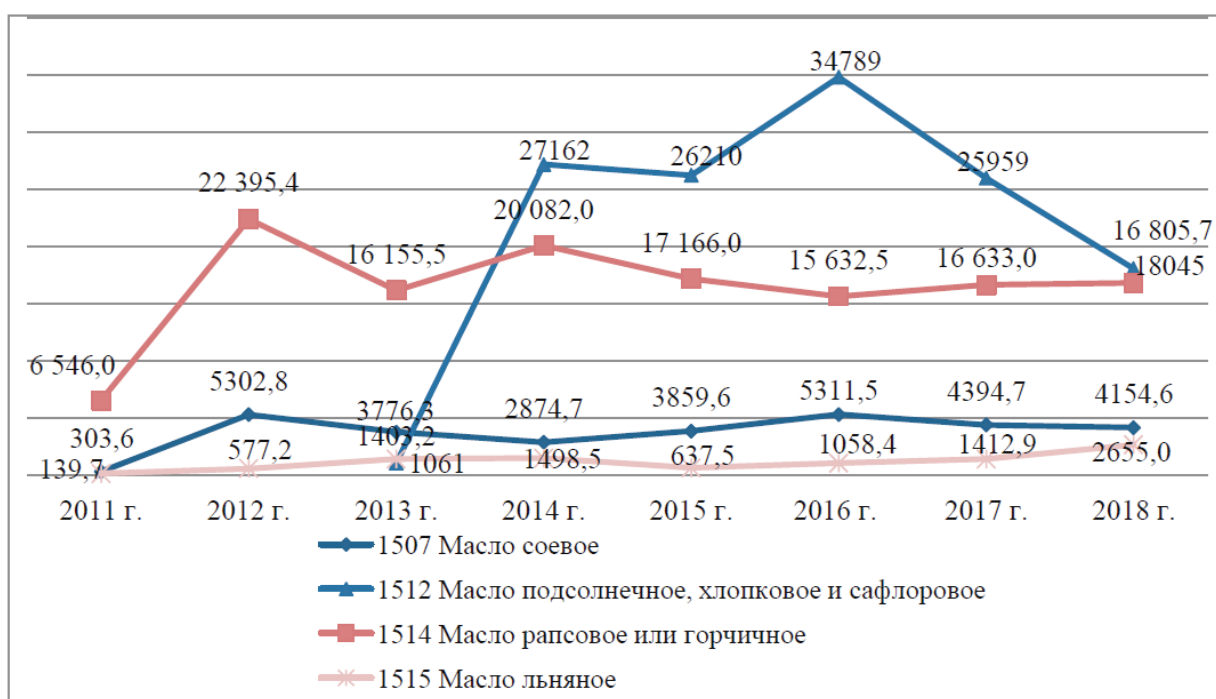

Рис. 2. Динамика экспорта масложировой продукции Алтайского края в 2011–2018 гг., тыс. дол. США

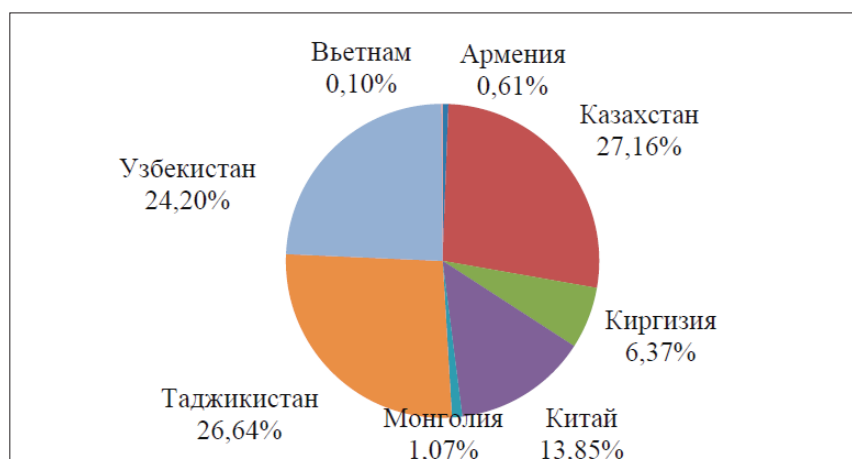

Рис. 3. Структура экспорта Алтайского края масла подсолнечного в 2018 г. в разрезе стран, %

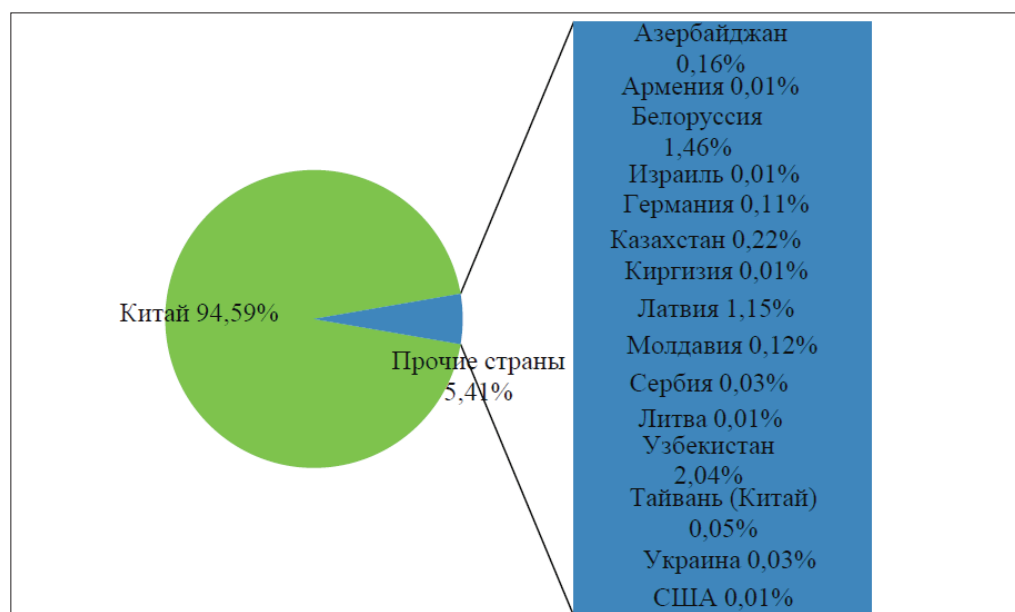

Рис. 4. Структура экспорта Алтайского края масла льняного в 2018 г. в разрезе стран, %

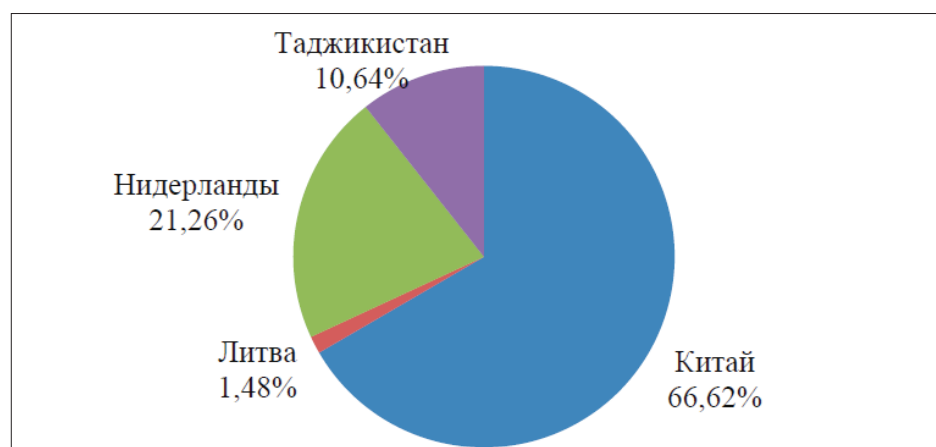

Рис. 5. Структура экспорта Алтайского края масла рапсового в 2018 г. в разрезе стран, %

Экспортные поставки соевого масла из Алтайского края в 2018 г. осуществлялись только в Узбекистан. Экспорт в Узбекистан стал осуществляться с 2012 г. (1165 т) и достиг в 2018 г. 5846 т. Можно предположить, что экспорт имеет потенциал к увеличению и в последующие годы.

Региональный проект «Экспорт продукции АПК», утвержденный в Алтайском крае в 2018 г., предусматривает к 2024 г. увеличение объемов экспорта масложировой продукции в 2,6 раза, с 49,5 млн долл. США в 2017 г. до 130 млн долл. США в 2024 г. В соответствии с поставленной задачей перед отраслью важна оценка потенциальных и экономически выгодных рынков экспорта. Перспективным направлением для Алтайского края является увеличение объемов производства масличных культур, в первую очередь высокомаржинальных (рапс, соя, лен), экономический потенци-

ал данных культур недооценен на региональном уровне.

Анализ импортеров масложировой продукции позволяет выделить азиатское направление, характеризующееся устойчивыми темпами роста импорта масел. Оценивая потенциальные возможности азиатского направления экспорта растительных масел, как наиболее территориально близкого региона, проведем анализ динамики емкости рынка основных импортеров данной продукции. В таблице 5 приведены данные об объеме и структуре импорта растительных масел в мире и азиатском регионе в разрезе только тех видов масел, для производства которых масличные культуры выращиваются в Алтайском крае. В анализ не включены масла тропической группы (пальмовое, арахисовое, оливковое, пальмоядровое, кокосовое).

Таблица 5

Структура импорта растительных масел, 2018 г.¹

Виды масел	Код ТНВЭД	Объем импорта, тыс. долл. США		Структура импорта, %	
		Мир	Азия	Мир	Азия
Масло подсолнечное, хлопковое и сафлоровое	1512	10399296	4963047	34,97	40,29
Масло соевое	1507	8510757	4272933	28,62	34,69
Масло рапсовое или горчичное	1514	6508968	1687989	21,89	13,70
Масло льняное	1515	4319254	1394388	14,52	11,32
Итого		29 738 275	12 318 357	100,00	100,00

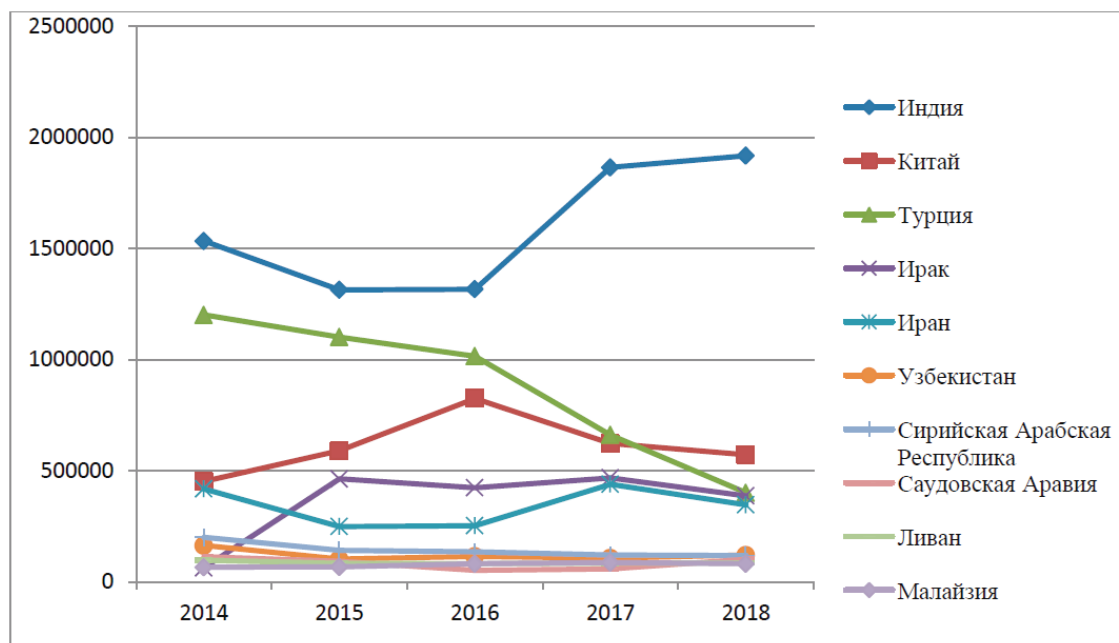

Рис. 6. Импорт подсолнечного масла крупнейшими импортерами Азии, тыс. долл. США

¹ В таблицу включены только данные о видах растительных масел, которые производятся в Алтайском крае.

Страны Азии являются основными импортерами подсолнечного масла (код ТНВЭД 1512). В 2018 г. их доля в мировом объеме импорта подсолнечного масла составила 47,7%. Крупнейшие импортеры азиатского региона — Индия (38,6%), Китай (11,5%), Турция (8,1%), Ирак (7,8%), Иран (7,0%) от объема азиатского импорта подсолнечного масла (рис. 6).

В десятку основных импортеров входят также Узбекистан, Сирия, Саудовская Аравия, Ливан, Малайзия, доля каждого из которых составляет от 1,5 до 2,5%. Не вошедшие в первую десятку импортеров в 2018 г. Казахстан, Таджикистан и Азербайджан играют также заметную роль в ка-

честве импортеров подсолнечного масла и заслуживают внимания экспортеров Алтайского края. Отметим также существенную нестабильность объемов импорта в 2014–2018 гг. Индии, Китая и Турции.

Страны Азиатского региона являются также основными импортерами соевого масла (код ТНВЭД 1507). В 2018 г. их доля в мировом объеме импорта соевого масла составила более 50%. Крупнейшие импортеры Азиатского региона — Индия (53,3%), Бангладеш (15,1%), Китай (10,3%), Республика Корея (5,6%), Демократическая Республика Корея (3,7%) от объема азиатского импорта соевого масла (рис. 7).

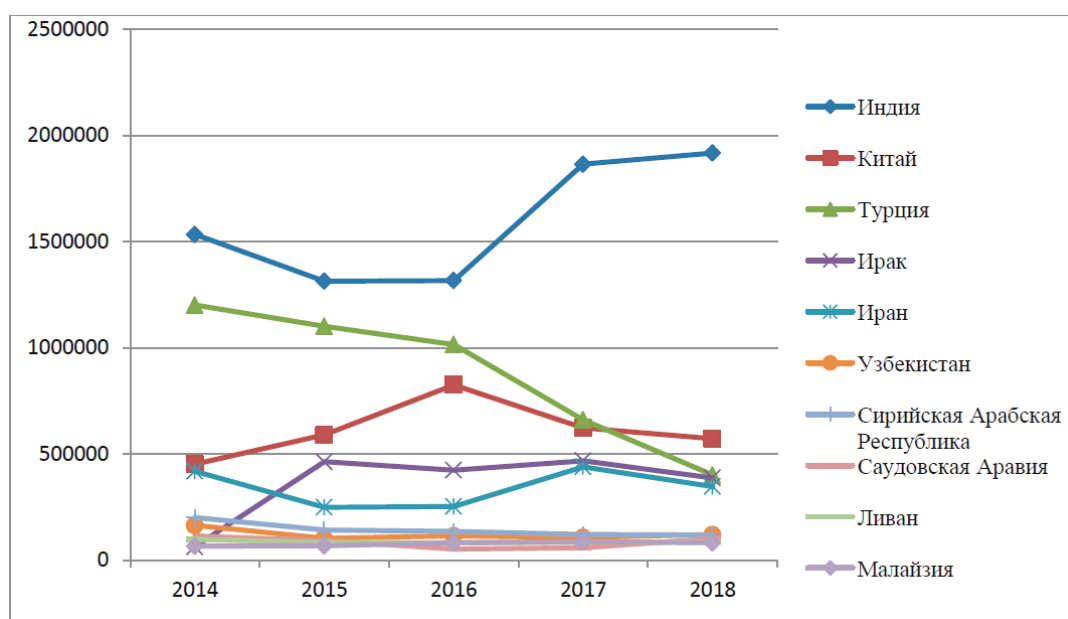

Рис. 7. Импорт соевого масла крупнейшими импортерами Азии, тыс. долл. США

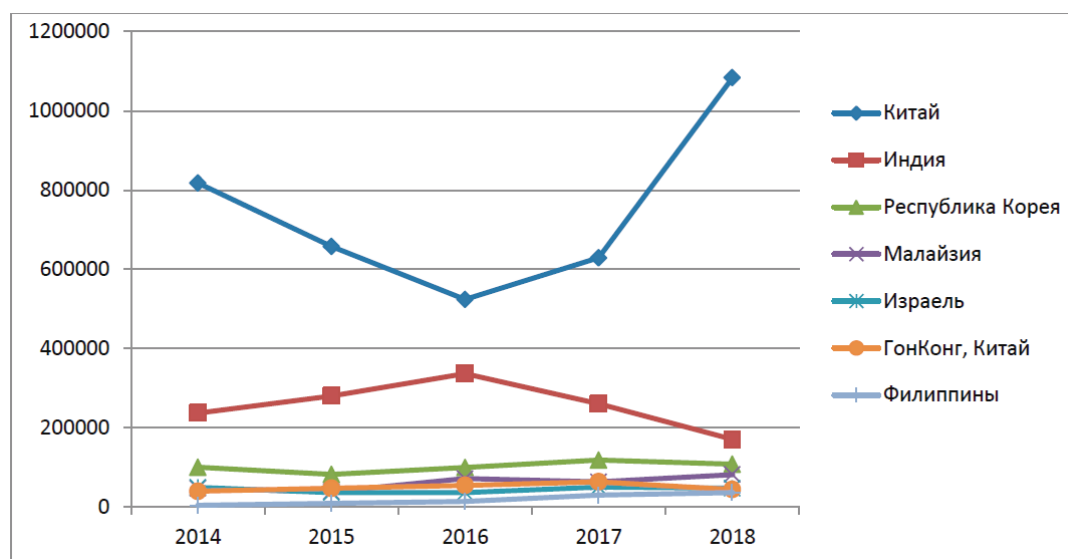

Рис. 8. Импорт рапсового и горчичного масел крупнейшими импортерами Азии, тыс. долл. США

Основным импортером рапсового и горчичного масел в Азиатском регионе является Китай, доля которого составляет 64,2% от объема импорта в азиатском регионе (рис. 8). Из стран ближнего зарубежья эти масла в гораздо меньших объемах импортируют Таджикистан, Казахстан и Азербайджан.

Импорт льняного масла на протяжении анализируемого периода имеет общую тенденции роста как в мире, так и в Азиатском регионе, что наиболее выражено у основного азиатского импортера льняного масла — Китая (рис. 9). Объем спроса остальных импортеров азиатского региона был более стабильным.

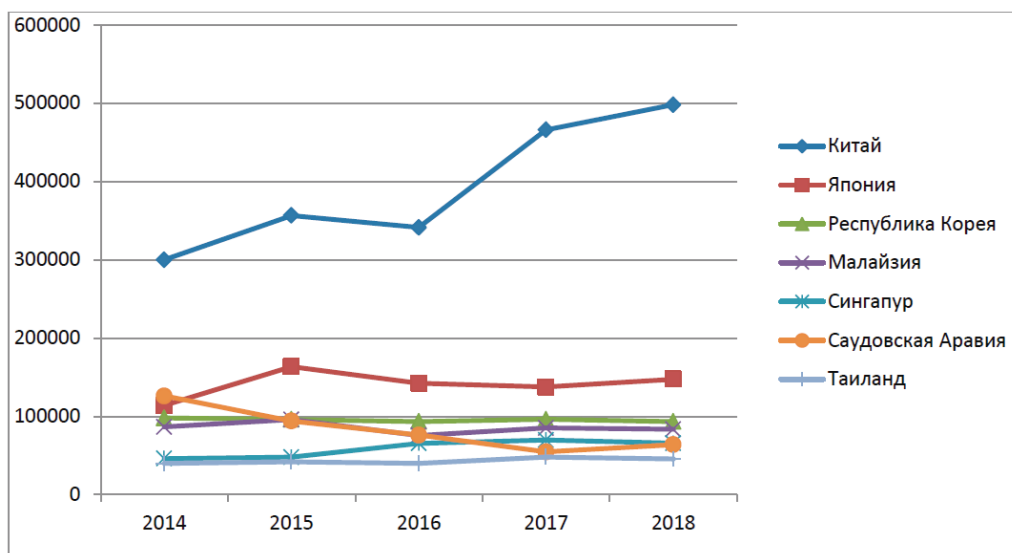

Рис. 9. Импорт льняного масла крупнейшими импортерами Азии, тыс. долл. США

Таким образом, азиатский рынок для Алтайского края является перспективным для наращивания объемов экспорта продукции масложировой продукции. Требуется увеличить долю алтайских масел на традиционных рынках сбыта (Китай, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан), а также перспективно диверсифицировать географию поставок посредством выхода на новые рынки сбыта стран Азии (Турция, Малайзия, Иран, Ирак, Индия, Республика Корея и др.).

Растительные масла имеют высокий потенциал использования в пищевой промышленности, лакокрасочном производстве, косметической промышленности, мыловарении, медицине, производстве биодизельного топлива. Жмых подсолнечника, сои, льна, конопли, рапса и горчицы служит ценным концентрированным кормом. Таким образом, разнообразие товарного предложения продукции масложировой отрасли и ее применения обуславливает специфику конъюнктуры соответствующих товарных рынков на международном уровне и требует применения маркетинговых подходов к продвижению.

Узкоспециализированным сегментом с незначительной емкостью рынка выступают уникальные масла, такие как облепиховое, пихтовое эфирное, кедровое, кунжутное, тыквенное, производимые на фармацевтических предприятиях края, которые при соответствующей маркетинговой полити-

ке могут расширить продуктовые и территориальные границы экспорта.

Возделывание масличных культур экономически эффективно, а производство растительных масел дешевле животных в 5–7 раз, что и определяет высокий спрос на данную продукцию на внутреннем и внешнем рынке. Несмотря на высокий спрос, сдерживающими факторами для российской продукции масложировой отрасли при осуществлении экспортных поставок являются «усиление конкуренции со стороны ключевых мировых производителей, появление новых игроков рынка, а также слабое развитие инфраструктуры и дороговизна логистики» [9].

Существенного увеличения экспорта подсолнечного, соевого и рапсового масел можно достичь при условии создания «возможностей для более глубокой переработки сырьевых ресурсов» [10] в результате сокращения экспорта маслосемян, что обусловлено экономической нецелесообразностью их экспорта вследствие снижения использования производственных мощностей перерабатывающей промышленности.

Таким образом, развитие масложировой отрасли Алтайского края должно быть направлено на повышение конкурентоспособности продукции на международном рынке с учетом современных тенденций и требований с использованием современных технологий переработки масличных культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бородин В. К., Гончаров В. Д. Оценка структурных изменений в российском экспорте продукции АПК // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 8. С. 48–69.
2. Кайшев В. Г., Серёгин С. Н. Состояние и перспективы развития рынка функциональных продуктов питания // Переработка молока. 2018. № 3 (221). С. 72–75.
3. Развитие продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе: межотраслевые аспекты исследования / О. В. Ермолова, В. В. Кирсанов, Н. А. Яковенко, И. С. Иваненко, Т. В. Остапенко и др.; под общ. ред. О. В. Ермоловой. Саратов: Саратовский источник, 2017. 156 с.
4. Экспорт продукции АПК: тенденции, факторы, эффекты / К. Г. Бородин, В. Д. Гончаров, Е. Ю. Фролова, В. В. Рау, С. Г. Сальников; под ред. К. Г. Бородина. М., 2018. С. 176.
5. Гончаров В. Д., Котеев С. В. Экспорт растительного масла и маслосемян // АПК: Экономика, управление. 2018. № 1. С. 44–51.
6. Николаева М. А., Рязанова О. А. Роль внешней торговли в развитии рынка масложировых продуктов в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 5. С. 66–84.
7. Шеламова Н. А. Развитие экспортного потенциала в масложировом подкомплексе АПК в рамках согласованной агропромышленной политики ЕАЭС // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. № 11. С. 87–91.
8. Олейникова Е. Н., Янова М. А., Бопп В. Л. Особенности возделывания и перспективы использования продуктов переработки рыжика посевного в Красноярском крае // Агрономия. 2018. № 4 (53). С. 17–24.
9. Обзор масложировой отрасли государств-членов Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия: [Электронный ресурс]. URL: <https://is.gd/slAAF9> (дата обращения 20.06.2019).
10. Беляев В. И., Брюханова Н. В., Бутакова М. М., Горянинская О. А. Развитие теории межфирменной кооперации и практики формирования цепочек добавленной ценности // Сибирская финансовая школа. 2019. № 3 (134). С. 73–84.

REFERENCES

1. Borodin, V. K. & Goncharov, V. D. (2018) Assessment of structural changes in Russian exports of agricultural products. *Russian Foreign Economic Journal*, 8, 48–69 (in Russian).
2. Kaishev, V. G., Seryogin S. N. (2018) The state and development prospects of the market of functional foods. *Milk processing*, 3 (221), 72–75 (in Russian).
3. Yermolova, O. V., Kirsanov, V. V. et al (2017) The development of food chains in the agri-food complex: intersectoral aspects of research / ed. by O. V. Yermolova. Saratov, 156 (in Russian).
4. Borodin, K. G., Goncharov, V. D. et al (2018) Export of agricultural products: trends, factors, effects / ed. by Borodin K. G. Moscow, 176 (in Russian).
5. Goncharov, V. D. & Koteev, S. V. (2018) Export of vegetable oil and oilseeds. *APK: Economics, Management*, 1, 44–51 (in Russian).
6. Nikolaev, M. A. & Ryazanova, O. A. (2018) The role of foreign trade in the development of the market of oil and fat products in Russia. *Russian Foreign Economic Journal*, 2018, 5, 66–84 (in Russian).
7. Shelamova, N. A. (2018) Development of export potential in the oil and fat subcomplexapk within the framework of the agreed agro-industrial policy of the EAEU. *Economics of agricultural and processing enterprises*, 11, 87–91 (in Russian).
8. Oleynikova, E. N., Yanova, M. A. & Bopp, V. L. (2018) Features of cultivation and prospects of use of products of processing of a carrot-top in Krasnoyarsk Krai. *Agronomy*, 4 (53), 17–24 (in Russian).
9. Review of the oil and fat industry of the Eurasian Economic Union member states. *Eurasian Economic Commission*. URL: <https://is.gd/>.
10. Belyaev, V. I., Bryukhanova, N. V., Butakova, M. M. & Goryaninskaya, O. A. (2019) Development of the theory of inter-firm cooperation and the practice of forming value chains. *Siberian Financial School*, 3 (134), 73–84 (in Russian).

Поступила в редакцию: 11.07.2019.

Принята к печати: 31.07.2019.

СИСТЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

С. С. Волкова

Министерство образования и науки Алтайского края (Барнаул, Россия)

Статья посвящена проблемам оценки эффективности деятельности региональных государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждений в Алтайском крае. Автор, анализируя методики оценки деятельности образовательных учреждений, с использованием статистических данных и отчетной документации Министерства образования и науки Алтайского края, рассматривает действующую систему оценки эффективности деятельности учреждений среднего профессионального образования. На основе результатов анализа в статье предлагаются пути совершенствования системы оценки при проведении регионального и федерального мониторинга этой сферы деятельности посредством разработки и применения, наряду с критериями эффективности, также и критериев результативности.

Ключевые слова: краевые государственные бюджетные профессиональные образовательные учреждения, эффективность, результативность, мониторинг, критерии, показатели.

ESTIMATION SYSTEM FOR THE EFFICIENCY AND PERFORMANCE OF THE REGIONAL STATE BUDGETARY PROFESSIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE ALTAI REGION: THEORY AND PRACTICE

S. S. Volkova

Ministry of Education and Science of the Altai Region (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the problems of assessment of the effectiveness of regional state budgetary professional educational institutions in the Altai Region. Analyzing statistical data and reporting documents of the Ministry of Education and Science of the Altai Region and the scientific literature, the author considers on the system of evaluating the performance and efficiency of the institutions of secondary vocational education, subordinated to the Ministry of Education and Science of the Altai Region. Through the approval of common criteria and regional and federal monitoring the article suggests the ways to improve the assessment system.

Keywords: regional state budgetary professional educational institutions, efficiency, effectiveness, performance evaluation, monitoring, criteria, indicators.

О необходимости измерения и оценки эффективности деятельности государственных учреждений говорят и пишут уже

давно. В рамках модернизации образования эта проблема стала ключевой. Для формирования инновационной экономики нашей страны требуются

специалисты и рабочие кадры, конкурентоспособные профессионалы, мобильные на современном рынке труда и отвечающие требованиям работодателей. Может ли качество их подготовки оцениваться единственным критерием эффективности профессиональных образовательных учреждений, как это делается сейчас? Вопрос, который требует ответа.

Показатели эффектности и их использование в оценке деятельности краевых государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждений. В настоящее время накоплена обширная база федерального, регионального и локального регулирования оценки эффективности деятельности образовательных организаций. Утверждены целые перечни критериев, показателей эффективности деятельности образовательных организаций. Кроме того, введено несколько уровней процедур оценки эффективности их деятельности: оценка, осуществляемая учредителем; независимая оценка; самообследование; мониторинг. Исследования продолжаются не один год: анализируются результаты, корректируются показатели, предлагаются новые методики оценки.

Однако практически все научные работы посвящены изучению вопросов оценки деятельности образовательных учреждений общего и высшего профессионального образования. Учреждения среднего профессионального образования выпадают из поля зрения ученых. Кроме того, несмотря на длительную историю, общепринятого определения эффективности до сих пор не сложилось ни в России, ни за рубежом.

В толковом словаре под редакцией И. М. Осадчей эффективность определяется как достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов [1]. Под экономической эффективностью в другом словаре понимается показатель способности организации производить и сбывать свою продукцию с наименьшими возможными издержками. Фирма может иметь высокую техническую эффективность, но быть низкоэффективной экономически из-за того, что ее цены слишком высоки, чтобы быть конкурентоспособной [2].

К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю в своем известном учебнике «Экономикс: принципы, проблемы и политика» определяют эффективность как результат с наименьшими затратами [3, с. 413].

Согласно еще одному определению, экономическая эффективность характеризует связь между количеством единиц ограниченных ресурсов, которые применяются в процессе производства, получаемым в результате этого процесса количе-

ством какого-либо продукта, т. е. охватывает проблему «затраты-выпуск» [4, с. 27]. Отсюда следует, что эффективность представляет собой отношение результата (выпуска) к затратам и является величиной измеримой. Это мнение разделяет большинство экономистов.

Следует отметить, что в отечественной практике оценки деятельности организаций критерий эффективности отождествляют с критерием результативности. Научные дискуссии по данному поводу ведутся уже на протяжении многих лет. В силу этих обстоятельств в настоящее время отсутствует четкое разделение понятий эффективности и результативности в оценке деятельности краевых государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждений (далее — КГБПОУ).

В современных экономических условиях КГБПОУ необходимо рассматривать как полноценных участников рыночных отношений, которые представляют собой систему особой производственной деятельности с использованием комплекса ресурсов и возможностей. Это однозначно предполагает необходимость оценки их деятельности по критериям эффективности и результативности. Эти критерии отнюдь не тождественны друг другу, и в практике оценки деятельности организаций, включая и образовательные учреждения, они должны дополнять друг друга.

Соотношение показателей эффективности и результативности. Для того чтобы понять, как можно использовать данные показатели в системном единстве, важно уточнить суть их различия. Ее хорошо пояснил известный американский ученый и практик в области менеджмента П. Друкер. «Результативность является следствием того, что «делаются нужные, правильные вещи» (doing the right things). А эффективность является следствием того, что «правильно создаются эти самые вещи» (doing things right). И первое, и второе одинаково важно» (цитируется по [5, с. 48]). Правильно делать свою работу означает, что надо применять передовые технологии, передовые методы и средства, передовые формы организации труда, которые приводят к экономичному расходованию ресурсов, т. е. к эффективному их использованию в производственных процессах. А делать нужные правильные вещи означает то, что производимые организацией продукты, услуги являются общественно востребованными; они нужны обществу. И чем в большей степени будут удовлетворены потребности общества, тем выше результативность. А чем меньше будет израсходовано на удовлетворение этих потребностей ресурсов, тем выше эффективность получения этого результата (результативности). Такова связь между критериями эффективности и результативности.

В. И. Беляев представил подробную характеристику этих двух критериев в сопоставлении с еще двумя — экономичностью и этичностью [6, с. 43–51]. А на основе критериев результативности и эффективности он предложил двухмерную

матрицу, показывающую возможные направления стратегической деятельности организации в целях повышения ее эффективности и результативности [7, с. 113–115].

		Эффективность	
		Высокая	Низкая
Результативность	Высокая	Стратегия, ориентированная на сохранение сложившегося <i>status quo</i> ; развитие продукта (услуги), расширение рынка, т.п.	Стратегия, направленная на совершенствование производственных систем, технологий, замену оборудования, методов; развитие персонала.
	Низкая	Стратегия, направленная на совершенствование маркетинговой деятельности: исследование рынков, разработка продуктов, т.п.	Стратегия, направленная на слияния, поглощения, санацию; возможно банкротство. Возможна стратегия изменения профиля предприятия.

Матрица «эффективность — результативность» [7, с. 114]

Как следует из содержания клеток матрицы, деятельность организации будет приемлемой только при высокой результативности в сочетании с высокой же эффективностью. Ведь если использовать терминологию П. Друкера, правильно можно делать и неправильные вещи; т.е. при высокой эффективности можно получать низкую результативность. Общественно полезной и успешной может быть только та деятельность, которая отличается и высокой эффективностью, и высокой результативностью, что соответствует положению левой верхней клетки.

Есть смысл рассмотреть содержание каждой клетки матрицы. Если и эффективность, и результативность низкие (нижняя правая клетка матрицы), организация нуждается в серьезной реструктуризации. При низкой эффективности, но высокой результативности (верхняя правая клетка) требуется улучшение организации труда, возможно внедрение новых процедур и структур управления, новых форм коммуникации, компьютерной техники, программного обеспечения, др. Если же эффективность высокая, а результативность низкая (нижняя левая клетка), надо менять целевые ориентиры и задачи деятельности организации. Для бизнеса это всегда связано с совершенствованием маркетинговой деятельности в традиционном ее понимании; для государственных учреждений — с совершенствованием качества общественных услуг,

с обеспечением наибольшего соответствия их содержания потребностям общества.

Анализ действующей системы оценки деятельности краевых государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждений. Теоретический анализ действующих в условиях развитой рыночной экономики систем измерения и оценки деятельности предприятий посредством сопоставления критериев эффективности и результативности в сопоставлении с содержанием деятельности КГБПОУ свидетельствует о возможности применении этой системы измерения и в оценке деятельности данной организации. При этом могут быть использованы и ранее применяемые показатели оценки. Они пригодны для оценки всех видов деятельности подобных учреждений (образовательной, финансово-экономической, управленческой и ресурсообеспечения). До 2015 г. применялись следующие виды оценок:

1. Ежегодное самообследование.
2. Учредительный контроль по оценке результативности и эффективности; один раз в три года по утвержденному перечню вопросов:
 - выполнения государственного задания;
 - аттестации и повышения квалификации педагогических работников;
 - комплексной безопасности;
 - бухгалтерского учета;

- предоставления мер социальной поддержки и дополнительных гарантий обучающимся из категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- воспитательной работы в общежитии и др.

Понятно, что подобные оценки носили эпизодический (точечный) характер и не могли объективно и полностью охватить всю деятельность образовательной организации.

Впервые комплексная оценка эффективности деятельности краевых профессиональных образовательных организаций в Алтайском крае была проведена в 2015 г., во исполнение пункта 1 Ука-

за Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [8]. Приказом Главного управления образования и молодежной политики Алтайского края от 31.03.2015 № 617 «Об оценке эффективности деятельности краевых профессиональных образовательных организаций по итогам работы» были утвержден перечень показателей для профессиональных образовательных организаций и их пороговые значения. Данный перечень состоял из 28 показателей. Каждый показатель имел свое пороговое значение.

Таблица 1

Перечень показателей и их пороговые значения для краевых профессиональных образовательных организаций

№	Наименование	Пороговое значение
1	Удельный вес численности выпускников профессиональных образовательных организаций очной формы обучения, трудоустроившихся в течение одного года по окончании обучения по полученной специальности (профессии), в общей численности выпускников очной формы обучения, %	69,0
2	Удельный вес численности принятых на обучение по образовательным программам среднего профессионального образования на места, финансирование которых осуществляется за счет средств краевого бюджета, %	100
3	Удельный вес численности студентов, с которыми органы местного самоуправления или организации заключили договоры о целевом обучении, %	4,2
4	Удельный вес объема выполненной государственной услуги в общем объеме государственной услуги, установленной государственным заданием профессиональной образовательной организации, %	100
5	Удельный вес численности лиц, освоивших образовательные программы среднего профессионального образования с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения, в общей численности выпускников, получивших среднее профессиональное образование, %	13,3
6	Удельный вес численности лиц, имеющих высшее образование, в общей численности педагогических работников (без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера) образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования (всего), %	80,0
7	Удельный вес численности лиц, имеющих высшее образование, в общей численности педагогических работников (без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера) образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования (преподаватели), %	98,2
8	Удельный вес численности лиц, имеющих квалификационную категорию, в общей численности педагогических работников (без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера) образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования: высшую квалификационную категорию, %	45,8
9	Удельный вес численности лиц, имеющих квалификационную категорию, в общей численности педагогических работников (без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера) образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования: первую квалификационную категорию, %	31,0
10	Численность студентов, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, в расчете на 1 работника, замещающего должности преподавателей и (или) мастеров производственного обучения, %	17,2
11	Отношение среднемесячной заработной платы преподавателей и мастеров производственного обучения государственных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования к среднемесячной заработной плате в субъекте Российской Федерации, %	88,2
12	Обеспеченность студентов профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, общежитиями (удельный вес студентов, проживающих в общежитиях, в общей численности студентов, нуждающихся в общежитиях), %	100

Окончание таблицы 1

№	Наименование	Пороговое значение
13	Обеспеченность студентов профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, сетью общественного питания, %	151,3
14	Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в расчете на 100 студентов профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования: всего, ед.	15,02
15	Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в расчете на 100 студентов профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования: имеющих доступ к Интернету, ед.	13,3
16	Площадь учебно-лабораторных зданий профессиональных образовательных организаций в расчете на одного студента, м ²	8–13
17	Удельный вес численности студентов с ограниченными возможностями здоровья в общей численности студентов, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, %	0,2
18	Удельный вес численности студентов-инвалидов в общей численности студентов, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, %	0,02
19	Удельный вес численности студентов очной формы обучения, получающих стипендии, в общей численности студентов очной формы обучения, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, %	54,8
20	Удельный вес численности несовершеннолетних студентов, совершивших преступление, в общей численности несовершеннолетних студентов профессиональных образовательных организаций, %	0,2
21	Удельный вес финансовых средств от приносящей доход деятельности в общем объеме финансовых средств, полученных образовательными организациями, %	19,0
22	Объем финансовых средств, поступивших в профессиональные образовательные организации, в расчете на 1 студента, руб.	71910,2
23	Удельный вес площади зданий, оборудованной охранно-пожарной сигнализацией, в общей площади зданий профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования: учебно-лабораторные здания, %	100
24	Удельный вес площади зданий, оборудованной охранно-пожарной сигнализацией, в общей площади зданий профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования: общежития, %	100
25	Удельный вес площади учебно-лабораторных зданий, находящейся в аварийном состоянии, в общей площади учебно-лабораторных зданий профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, %	0
26	Удельный вес площади общежитий, находящейся в аварийном состоянии, в общей площади общежитий профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, %	0
27	Удельный вес площади учебно-лабораторных зданий, требующей капитального ремонта, в общей площади учебно-лабораторных зданий профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, %	0
28	Удельный вес площади общежитий, требующей капитального ремонта, в общей площади общежитий профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования, %	0

Согласно данной методике, профессиональные образовательные организации относились к группе образовательных организаций, имеющих признаки неэффективности, в том случае если более 14 показателей имели значение ниже пороговых. В таком подходе оценки деятельности КГБПОУ не проводится различий между показателями эффективности и результативности. Более того, анализ содержания показателей, представленных в таблице, показывает, что они все характеризуют результат, т. е. это показатели критерия результативности. Показателями эффективности, которые бы отражали затраты

на единицу того или иного результата, в таблице нет. Так, анализ показателя «удельный вес численности выпускников профессиональных образовательных организаций очной формы обучения, трудоустроившихся в течение одного года по окончании обучения по полученной специальности (профессии), в общей численности выпускников очной формы обучения» свидетельствует, что в половине учреждений трудоустроившихся по специальности меньше 69%. Этот показатель характеризует результативность деятельности организации в решении данной задачи. Высокой и сколько-нибудь приемле-

мой ее назвать никак нельзя. Однако соотнесения этого результата с затратами на ее решение нет, поскольку затраты на достижение этого показателя не показаны (показателя нет). Следовательно, результативность в оценке деятельности не сопоставлена с эффективностью. Но поскольку такой результат никак нельзя назвать приемлемым, то тем более необходимо выяснить, с какими затратами на такое достижение по этому показателю ее (результативность) можно сопоставить? Возможны три исхода. Если затрат на решение этой задачи не было, то результат не должен и удивлять. Если затраты были большими, то их, при таких-то результатах, следует назвать неоправданными; и эффективность таких затрат следует оценить как низкую, неприемлемую (правая нижняя клетка матрицы «эффективность — результативность»). При таком соотношении эффективности и результативности надо в корне менять всю работу. Если же затраты были сопоставимыми с важностью задачи, отражаемой показателем, и отдача ниже порогового значения в 69%, то это свидетельствует об их приемлемой эффективности, что соответствует нижней левой клетке матрицы «эффективность — результативность». Но в этом случае надо что-то делать с содержанием деятельности по обеспечению устройства на работу выпускников учебных заведений с тем, чтобы этот показатель достиг своего порогового значения или превысил его.

Другой показатель «удельный вес финансовых средств от приносящей доход деятельности в общем объеме финансовых средств, полученных образовательными организациями» выявил, что 22 учреждения из 43 функционирующих на тот момент имеют низкие доходы, а у одного из них доходов вообще нет. В 18 из 43 КГБПОУ требуется капитальный ремонт учебно-лабораторных зданий, а в двух учреждениях износ составил практически 100%. Это тоже показатели результативности.

Следует отметить, что показатели эффективности как отношения результата к затратам, как свидетельства того, по терминологии П. Друкера, что вещи делаются правильно, в таблице вообще нет. Все показатели в зависимости от их названия отражают тот или иной результат, хотя общая оценка была вынесена по эффективности. В итоге по результатам проведенной оценки краевых профессиональных образовательных организаций к группе образовательных организаций, имеющих признаки неэффективности (точнее сказать, нерезультативности) было отнесено два учреждения, показатели которых имели значение ниже пороговых по 16 показателям. Данное заключение свидетельствует о том, что различий между показателями результативности и эффективности не производится, что является методологической

ошибкой, которая, безусловно, требует исправления. Последствия этой ошибки выражаются в том, что результат оценивается, а затраты на его достижение (или недостижение) не оцениваются. Такое положение дел не может, на наш взгляд, служить основой для обоснования решений по развитию системы учреждений среднего профессионального образования Алтайского края.

Перспективы развития системы оценки краевых государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждений. Несмотря на большой перечень показателей, по которым сегодня пытаются оценить если не всю деятельность учреждений среднего профессионального образования края, то хотя бы большую ее часть, в силу отсутствия данных по затратам на конкретные виды решаемых задач, получить полную информационную картину по состоянию дел в этой сфере сложно. Кроме того, есть и другие недостатки в данной системе оценки. Еще одной проблемой следует назвать отсутствие автоматизированного процесса оценки качества, который занял немало времени и в, силу влияния человеческого фактора, не исключил появление ошибок. Кроме того, слабо затрагивается экономическая эффективность учреждений. А удовлетворенность потребителей (студентов и их родителей) и вовсе не принимается во внимание, также как и подготовка по наиболее востребованным профессиям и специальностям на рынке труда.

Методы оценки также вызывают много вопросов. Так, по словам М. Л. Аграновича, «оценки результатов деятельности образовательных систем имеют одну общую отличительную особенность — отсутствие объективно обусловленных эталонов или аналитически рассчитанных нормативов (за исключением, зафиксированных в Санитарных правилах и нормах (СанПиН)» [9, с. 24]. Совершенно справедливое суждение. В данной методике при оценке результатов деятельности КГБПОУ основным методом является сравнение с другими образовательными организациями. В будущем планировалось использовать еще и анализ динамики, т. е. сравнение с показателями за предыдущие годы. Но данная система оценки эффективности и результативности учреждений профессионального образования просуществовала в крае один год.

В 2015 г. Минобрнауки России совместно с АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» создали новую систему мониторинга качества подготовки кадров (далее — «Мониторинг СПО») [10, 11], которая прошла пилотную апробацию в некоторых регионах, а с 2016 г. она включена в перечень ежегодных. Основными критериями качества такой подготовки являются трудоустройство выпуск-

ников среднего профессионального образования и результаты участия региональных и отраслевых команд в национальных чемпионатах профессионального мастерства, в том числе в национальном чемпионате «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia).

Первый мониторинг состоял из 8 критериев и 77 показателей (в 2019 г. будет — 9 критериев и 100 показателей). Критерии Мониторинга СПО:

1. Образовательная деятельность.
2. Международная деятельность.
3. Качество подготовки выпускников образовательных программ СПО.
4. Инфраструктура.
5. Финансово-экономическая деятельность.
6. Кадровый состав.
7. Трудоустройство выпускников образовательных программ СПО.
8. Реализация программ ДПО.

В 2018 г. введен 9-й критерий — социальная ответственность.

Мониторинг СПО является одним из мероприятий Комплекса мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования на 2015–2020 гг., утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.03.2015 № 349-р.

Мониторинг проводится с целью получения и анализа достоверной информации о деятельности образовательных организаций системы среднего профессионального образования по подготовке квалифицированных кадров — рабочих, служащих и специалистов среднего звена, позволяющей сегментировать образовательные организации, реализующие образовательные программы СПО, по уровню качества подготовки кадров для повышения эффективности принимаемых управленческих решений в сфере среднего профессионального образования [12, с. 3].

С 2017 г. вступили в силу новые федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования (далее — ФГОС СПО) по профессиям и специальностям в соответствии со списком 50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих СПО, утвержденным приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 02.11.2015 № 831.

Новые ФГОС СПО включают в себя следующее: требования профессиональных стандартов, международных стандартов, передовых технологий; требования к результатам освоения образовательной программы, к педагогическим работникам, к материально-технической базе (формируются в примерной основной образовательной программе); к основной литературе (формируются в примерной основной образовательной программе); введен в рамках государственной итоговой аттестации обязательный демонстрационный экзамен; указаны минимальные требования к результатам освоения основных видов деятельности образовательной программы.

Несмотря на то, что новые ФГОС СПО уже действуют, старые еще не отменены, поэтому учреждения СПО в течение последних двух лет находятся в переходном периоде. В идеале результаты мониторинга СПО должны отразить динамику этого переходного периода, выявить проблемные зоны и своевременно скорректировать их. Будет ли достигнута цель — покажет время. Хочется надеяться, что независимая оценка эффективности и результативности учреждений среднего профессионального образования с каждым годом будет становиться все объективнее и позволит в скором времени зоны неэффективности оптимизировать с учетом имеющихся ресурсов. Но решение этой задачи вряд ли возможно без четкого подразделения оценочных показателей по критериям результативности и эффективности.

Таким образом, и действовавшая до недавнего времени система оценки деятельности краевых государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждений, и предлагаемая новая система мониторинга отнюдь не предполагают совместного системного использования критериев эффективности и результативности. Значит, исследования по развитию этой системы оценки должны быть продолжены. Одно из возможных направлений исследования должно сводиться к разработке показателей оценки эффективности, которые бы можно было использовать с применяемыми показателями результативности. Сбалансированное применение этих групп показателей в их системном единстве, безусловно, способно предоставлять руководству соответствующих властных структур более точные и взвешенные знания о состоянии дел в этой сфере общественной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Экономика. Толковый словарь / Дж. Блэк; общ. ред. д. э. н. И. М. Осадчая. М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. 840 с.
2. Бизнес. Толковый словарь / Г. Бетс, Б. Брайндли, С. Уильямс и др.; общ. ред. д. э. н. И. М. Осадчая. М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000 1998. 760 с.

3. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: пер. с 13-го англ. изд. М.: ИНФРА-М, 1999. XXXIV, 974 с.
4. Экономическая теория: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. Д. Камаева. 10-е изд., перераб. и доп. М.: ВЛАДОС, 2003. 592 с.
5. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1992. 702 с.
6. Беляев В. И. Менеджмент. М.: Кнорус, 2009. 250 с.
7. Брюханова Н. В., Беляев В. И., Беляев В. В., Кузнецова О. В. Миссия университета: разработка и маркетинговое обоснование в системе стратегического управления ВУЗами // Сибирская финансовая школа. 2016. № 4. С. 111–125.
8. Электронное периодическое издание «Справочная правовая система КонсультантПлюс»: версия Проф. Версия 4016.00.36. 1992–2019 КонсультантПлюс. Сборка 236772.
9. Агранович М. Л. Оценка результатов деятельности общеобразовательных учреждений // Журнал руководителя управления образованием. № 6. 2009. С. 24–35.
10. Приказ Минобрнауки России от 17.06.2016 № 723 «О проведении в 2016 году мониторинга качества подготовки кадров в образовательных организациях, реализующих программы среднего профессионального образования» [Электронный ресурс]. Дата обновления: 09.07.2019. Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия 8.00.2.025.
11. Мониторинг СПО [Электронный ресурс]. URL: https://miccedu.ru/p/monitoring_spo, свободный. Загл. с экрана. (дата обращения 09.07.2019).
12. О результатах мониторинга качества подготовки кадров в 2018 году. Информационный бюллетень М.: МИРЭА, Российский технологический университет, 2018. 35 с.

REFERENCES

1. Black, J. (2000) *Economy. Explanatory dictionary*. General edition by Dr. of Economics Osadchaya I. M. Moscow, 840 (in Russian).
2. Bets, G., Brandley, B., Williams, S., et al. (1998) *Business. Explanatory Dictionary*/General edition by Dr. of Economics. Osadchaya I. M. Moscow, 760 (in Russian).
3. McConnell, C. R., Bru, S. L. (1999) *Economics: principles, problems and policies*. 13th ed. Moscow, XXXIV, 974 (in Russian).
4. *Economic theory: Textbook. for stud. higher studies. institutions* (2003) Ed. By V. D. Kamaev. 10th ed. Moscow, 592 (in Russian).
5. Meskon, M. H., Albert, M., Khedouri, F. (1992) *Management*. Moscow. 702 (in Russian).
6. Belyaev, V. I. (2009) *Management*. Moscow, 250 (in Russian).
7. Bryukhanova, N. V., Belyaev, V. I., Belyaev, V. V., Kuznetsova, O. V. (2016) The mission of the university: development and marketing justification in the system of strategic management of universities. *Siberian financial school*, 4, 111–125 (in Russian).
8. Law assistance system “Consultant Plus”: Prof. Version 4016.00.36. 1992–2019 Consultant Plus. Build 236772.
9. Agranovich, M. L. (2009) Evaluation of the performance of educational institutions. *Journal of the Head of Education Management*, 6, 24–35 (in Russian).
10. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated June 17, 2016 No. 723 “On the conduct in 2016 of monitoring the quality of training in educational organizations implementing secondary vocational education programs”. Access from the “Garant” Law assistance system. Version 8.00.2.025 (in Russian).
11. Monitoring of the secondary vocational education. URL: https://miccedu.ru/p/monitoring_spo, free (in Russian).
12. On the results of monitoring the quality of training in 2018. News bulletin (2018). Moscow: MIREA — Russian University of Technology, 35 (in Russian).

Поступила в редакцию: 12.07.2019.

Принята к печати: 26.07.2019.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО, РЕСУРСНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА¹

О. Ю. Воронкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Внимание к проблемам социально-экономического развития сельских территорий со стороны официальной власти, экономистов и научной общественности в основном носит теоретический, иногда точечно-практический характер. В то же время проблемами развития сельских территорий страны всегда выступают сельская бедность и высокий уровень безработицы, ухудшение демографической ситуации, сокращение сети учреждений социальной инфраструктуры сельских территорий, что в комплексе оказывает негативное влияние на воспроизводство трудовых ресурсов, снижение объемов производства, высокий уровень миграции. В целом, устойчивое развитие сельских территорий характеризует, с одной стороны, внешние важнейшие природно-ресурсные ограничения, которые формируют отдаленную перспективу, а с другой — определяют возможности социально-экономического развития сельских сообществ, хозяйствующих субъектов, диверсификацию экономики территории, формирование новых направлений деятельности, природообустройство. Это очень широкий спектр проблем, который в России, да и в ряде стран мира в настоящее время изучается с различных позиций.

В статье рассматриваются проблемы экономического развития сельских территорий как основного фактора обеспечения устойчивого развития аграрных регионов России. Определены основные ресурсы развития сельских территорий региона. Дана характеристика кластеров агробизнеса и туристической индустрии. Показаны их точки роста, каналы реализации продукции кластера, развитие туризма и рекреации.

Ключевые слова: сельская территория, устойчивое развитие, кластер, ресурсы, агробизнес, туризм, экология.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS ON THE BASIS OF INDUSTRIAL, RESOURCE AND ENVIRONMENTAL POTENTIAL

O.Yu. Voronkova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Attention to the problems of socio-economic development of rural areas by the official authorities, economists and the scientific community was mainly theoretical, sometimes point-practical. At the same time, rural poverty and high unemployment, the deterioration of the demographic situation, the reduction of the network of social infrastructure institutions in rural areas, which in combination has a negative impact on the reproduction of labor resources, a decrease in production, a high level of migration, have always been the problems of rural development in the country. In general, the sustainable development of rural areas is characterized, on the one hand, by external, the most important natural resource constraints that form a long-term perspective, and on the other — determine the possibility of socio-economic development of rural communities, economic entities, diversification of the economy of the territory, the formation of new activities, environmental management. This is a very wide

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–410–220024 п_а «Формирование концепции создания и развития агрокластеров в сфере производства и переработки органической продукции в аграрных регионах страны (на материалах Алтайского края)».

range of problems, which in Russia and in a number of countries around the world is currently being considered from different positions.

The article deals with the problems of economic development of rural areas as the main factor of their sustainable development in the agricultural regions of Russia. The main resources of development of rural areas of the region are defined. The characteristic of clusters of agribusiness and tourism industry is given. It shows their points of growth, the channels of products realization of the cluster, the development of tourism and recreation.

Keywords: rural area, sustainable development, cluster, resources, agribusiness, tourism, ecology.

Одним из первых международных документов, в котором упоминался термин «устойчивое развитие», была Всемирная стратегия охраны природы, разработанная Комитетом ООН по окружающей среде и Всемирным фондом дикой природы. В представленной стратегии подчеркивалась необходимость учета экологических факторов в процессе социально-экономического развития территорий. В 1983 г. под эгидой ООН был подготовлен доклад «Наше общее будущее», где впервые была представлена концепция устойчивого социально-экономического развития территорий в равновесии с окружающей средой (sustainable development) [2, с. 47].

Положения доклада положены в основу Декларации по окружающей среде и развитию, утвержденной Конференцией ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В Декларации был официально объявлен тезис о необходимости обеспечения сбалансированного решения социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды, природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей [4, с. 392].

Решение проблем стабильного развития экономики и повышения благосостояния населения в России во многом определяется развитием сельских территорий. Ориентация на модель устойчивого развития сельских территорий предполагает достижение социальной и экономической стабильности, планомерное повышение эффективности производственной деятельности хозяйствующих субъектов территории, доходов сельского населения и качества их жизни, рациональное использование природных ресурсов. Однако до сих пор нет четкой и понятной государственной методологии управленческих преобразований, способствующих устойчивому развитию сельских территорий.

Методика исследования. Представленное исследование основано на изучении вопросов устойчивого развития территорий на основе комплексного использования отраслевого, ресурсного и экологического потенциала, формирования организационно-экономических отношений субъектов устойчивого развития, в частности через механизм

территориальной кластеризации. Достижение целей исследования обеспечивается применением критического анализа литературных источников, общенаучных методов — системного подхода, методов аналогий, абстрактных, логических, монографических, статистических и экономических. Методологической основой является системный подход, что позволило обеспечить комплексность и целенаправленность исследования.

Полученные результаты и обсуждение.

Устойчивое развитие сельских территорий часто путают с устойчивым сельским жизнеобеспечением. Это действительно тесно взаимосвязанные между собой понятия, однако устойчивое развитие сельских территорий является гораздо широким, оно включает в себя социально-экономические и экологические аспекты ведения сельского хозяйства и обустройства сельских территорий в целом. В центре системы устойчивого сельского жизнеобеспечения — сельский житель, его потребности и интересы, а само жизнеобеспечение связывается с повышением качества жизни сельского населения.

Ряд ученых, рассматривая сельскую территорию как систему, обычно выделяют три подсистемы: экономическую, социальную и экологическую, каждую из которых также можно представить в виде отдельных систем, состоящих из совокупности элементов. Обозначенный подход вполне согласуется с парадигмой устойчивого развития, при которой оно рассматривается именно в контексте трех составляющих [3, с. 127; 6, с. 215; 7, с. 977; 9, с. 25].

В сельских территориях как социально-эколого-экономических системах возможно выделение следующих структурных элементов [8, с. 183]:

- 1) сельская территория как основа для проживания населения и осуществления жизненных потребностей;
- 2) производственная организационная структура, обеспечивающая развитие экономики при непосредственном участии населения данной территории;
- 3) эколого-хозяйственное равновесие территории, то есть устойчивое стабильное раз-

витие сельского хозяйства с применением сохраняющих природную среду интенсивных, но экологически безопасных агротехнологий.

Поскольку сельские территории — открытые системы, то управление ими не является автономной замкнутой структурой. Процесс управления сельскими территориями представляет собой составной элемент сложившейся системы государственного и муниципального управления. В структуре управления сельскими территориями формируются два абриса: внешний, где субъектом управления выступает государство, и внутренний, где субъектами управления являются органы местного и самоуправления и хозяйственного управления [5, с. 689]. Поэтому развитие сельских территорий происходит посредством взаимодействия организующих и самоорганизующихся основ.

Следовательно, можно констатировать факт развития сельских территорий, управляемых извне со стороны государства, а также параллельно саморазвитие данной системы. Успешность развития сельских территорий зависит от правильности соотношения внешнего регулирования и саморазвития. При этом целью деятельности государственных органов управления является создание предпосылок и условий для саморазвития сельских территорий аграрных регионов страны.

Аграрно ориентированный регион Алтайский край характеризуется трансграничным геоэкономическим положением на стыке границ Казахстана, Китая и Монголии, в непосредственном соприкосновении с исторически близкими государствами и растущими рынками Центральной Азии, на пересечении крупных миграционных и трансконтинентальных транспортных потоков.

С учетом уникальности природных ресурсов края и особенностей структуры региональной экономики данное обстоятельство определяет комплекс специфических возможностей (в части реализации потенциала интеграционного взаимодействия в макрорегионе Центральной Азии) и рисков (из-за угроз нарушения сбалансированности и безопасности природной, социальной, экономической и институциональной систем) для устойчивого развития региона для нынешних и будущих поколений людей.

В связи с этим представляется актуальной идея создания модели и технологии устойчивого развития территорий на примере Алтайского края как аграрного региона трансграничного сотрудничества, обуславливающих достижение положительных социальных, экологических и экономических эффектов развития экономики, социальной сферы и потребления природных ресурсов (рис. 1).

Сельские муниципальные районы Алтайского края являются развивающимися территориальными социально-экономическими системами с нестабильной устойчивостью. Основные проблемы развития сельских районов, требующие решения, следующие:

- низкий уровень жизни сельского населения края по сравнению с г. Барнаулом — столицей Алтайского края и средним уровнем жизни в стране;
- нерациональное использование земельных, рекреационных и трудовых ресурсов территории;
- неотрегулированная система партнерства между органами власти, бизнесом и населением.

В сельских районах Алтайского края, особенно отдаленных от краевого центра, возникла острая проблема закрепления населения. Работает стереотип, согласно которому, только уехав из сельской местности, можно получить более качественное образование, отдых, лечение, культуру, коммунальные и другие услуги. Молодежь в большей степени переселяется в другие регионы России. Вследствие этого значимым вектором социально-экономического развития аграрно ориентированных регионов России, в частности Алтайского края, является стратегия обеспечения устойчивого развития сельских территорий.

Основными ресурсами, способствующими реализации устойчивого развития сельской территории, выступают:

- природно-ресурсный блок, в максимальной степени адаптированный на формирование и поддержание внутреннего и внешнего спроса на территориальные продукты и услуги;
- принцип размещения населения должен быть неизменным, а тип производства и освоения природных ресурсов может быть трансформирован. Это позволит увеличить эффективность и комфортность освоения ресурсов, а также снизит социальную нагрузку сельских муниципальных территорий;
- формирование эффективной системы самоорганизации местного сообщества посредством укрепления системы местного самоуправления и формирования гражданских институтов;
- обеспечение энергетической независимости сельских территорий за счет местных топливных ресурсов и возобновляемых источников энергии;
- рациональное использование природных производственных и рекреационных запасов территории, соблюдение экологического баланса;

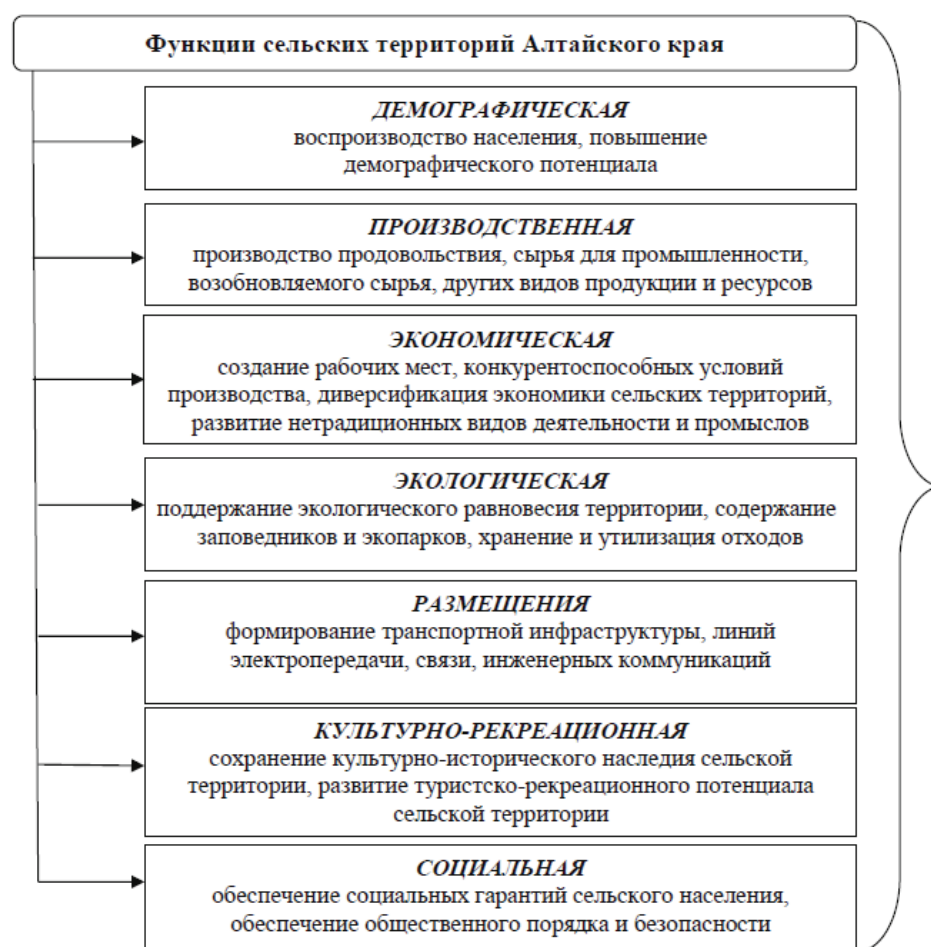

Рис. 1. Основные функции сельских территорий (на примере Алтайского края)

- развитие транспортной инфраструктуры, подтверждающей геополитический, социально-экономический и рекреационный статус сельских территорий;
- развитие сферы услуг за счет механизмов поддержки малого и среднего бизнеса;
- позиционирование сельскохозяйственного производства как фактора потенциального развития экономики территории, обеспечивающего и удовлетворяющего как ее потребности, так и нужды городских агломераций;
- сочетание уникальных природных, исторических памятников и культурное наследие сельских территорий должны стать брендом, визитной карточкой и базой для развития туризма, рекреации, как прибыльного сектора экономики.

В соответствии с вышеизложенным, принципиальной отличительной особенностью стратегического варианта развития сельских территорий является подход к развитию территории районов посредством кластерных сетей. Технологическая

цепочка может носить локальный характер и быть неполной (усеченной) или представленной системой цепочек.

Развитие кластеров в сельских территориях Алтайского края сдерживается низким уровнем квалификации рабочей силы, устаревшими технологиями, нехваткой доступного капитала и слабым развитием общественных институтов.

Следует отметить, что стандартного варианта кластерной структуры не существует. Формат кластера непосредственно зависит от конкретного местоположения, имеющихся ресурсов, их качественной и количественной характеристики, транспортно-логистической и информационной инфраструктуры, а также других факторов. Миссия сельской территории — достижение новых стандартов качества жизни людей при эффективном сочетании экологически чистых производств с уникальным природным комплексом.

В территориальных кластерах объединяются в единый цикл все процессы, связанные с планированием, научным обоснованием, производством, переработкой, хранением, реализацией, сертифи-

кацией продукции, т. е. от момента зарождения бизнес-идеи до ее воплощения в конечный продукт. Территориальный подход к формированию кластеров обусловлен значительным различием отдельных территорий регионов по природно-климатическому потенциалу, почвенному плодородию, плотности населения, уровню развития инфраструктуры, дорожно-транспортной доступности, наличию рынков сбыта продукции, а также туристическому и рекреационному потенциалу данной местности.

Формирование территориальных кластеров в целях устойчивого развития сельских территорий, по нашему мнению, имеет особую значимость для развития экономики агропромышленного региона и привлечения инвестиционных ресурсов. Причем важное значение здесь будет иметь общественная поддержка идеи создания территориальных кластеров и осознание их роли в стратегическом развитии сельского хозяйства страны.

Целесообразно включить мероприятия по поддержке территориальных кластеров в региональные программы по поддержке сельского хозяйства, обеспечению экологической безопасности землепользования, повышению инновационной активности территорий, снижению напряженности на рынке труда и т. д.

Так, экологическое состояние предгорной зоны Алтайского края, его туристско-рекреационный, а также земельно-ресурсный потенциал выступили основным критерием для выбора данной территории при разработке проекта территориального кластера. Данная зона отличается высокой почвенной продуктивностью и относительно экологически чистой территорией. В границах представленной зоны имеются все необходимые земельно-ресурсные и производственные предпосылки для создания территориального кластера с проектным названием «Предгорья Алтая». На территории данной почвенной зоны уже функционирует несколько компаний по производству и частичной переработке экологической сельскохозяйственной продукции, а также предприятия, специализирующиеся на производстве лекарственного растительного сырья (трав, корней, облепихи). Кроме того, все районы, входящие в данную зону, отличаются высоким уровнем культурного и туристско-рекреационного потенциала. Природа данной местности притягивает множество туристов чистыми озерами, водопадами, минеральными источниками и многими другими красотами экологически чистых заповедных предгорий Алтая [1, с. 107].

Рис. 2. Предполагаемые каналы сбыта продукции кластера «Предгорья Алтая»

В модели территориального кластера целесообразно выделить секторы: производственно-перерабатывающий, снабженческий, транспортно-логистический, сервисный, маркетингово-сбытовой, лабораторно-сертификационный, туристско-рекреационный и культурно-просветительский сектор. Для обеспечения жизнедеятельности кластера и развития дополнительных направлений его деятельности необходимо также предусмотреть сектор управления и координации, финансов и кадров; инновационный и научно-образовательный.

На основе исследований выявлено, что каналы сбыта продукции территориального кластера могут быть различны, в том числе прямые розничные продажи, среднеоптовые и мелкооптовые продажи, а также крупный опт (рис. 2).

Территория предгорной зоны отличается достаточно развитым уровнем переработки сельскохозяйственной продукции, по основным туристическим маршрутам присутствуют магазины, торговые точки и предприятия общественного питания.

Организационными принципами функционирования территориального кластера могут выступить формы кооперации или вертикально интегрированных формирований, где интегратором выступает исполнительная дирекция или ведущее перерабатывающее предприятие.

В целом следует отметить, что для планомерного перехода части организаций на принципы и производства, переработки и оказания услуг в формате территориальных кластеров необходим успешный опыт функционирования подобных кластерных формирований, а также соответствующий уровень информационной, организационной и финансовой поддержки со стороны региональных и муниципальных органов управления.

Полагаем, что деятельность территориальных кластеров может оказать значимый положительный эффект на уровень экономического, социального и экологического развития сельских административных территориальных образований региона путем активизации регионального рынка как экологически чистой, так и традиционной сельскохозяйственной продукции, полного и экологически сбалансированного использования земельных ресурсов, развития инновационных аграрных технологий, повышения уровня занятости сельского населения, активизации агроэкотуристической сферы, формирования экологической инфраструктуры территории, расширения налогооблагаемого поля и комплексного устойчивого развития сельских территорий аграрных регионов страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахметов В. Я., Барлыбаев А. А., Насыров Г. М. Туризм как фактор диверсификации сельской экономики // Проблемы прогнозирования, 2009. № 6 (117). С. 105–111.
2. Алферова Т. В. Концептуальное моделирование категории «устойчивое развитие» // Журнал экономической теории. 2012. № 4. С. 46–52.
3. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие. Теоретико-методологический анализ // Экономика и математические методы, 2003. № 8 (24). С. 123–135.
4. Колесова Ю. Н. Стратегия устойчивого развития сельских территорий // Молодой ученый, 2015. № 8. С. 392–394.
5. Коваленко Е. Г. Проблемы и механизмы развития сельских территорий // Фундаментальные исследования. 2012. № 3–3. С. 687–690.
6. Подпругин М. О. Устойчивое развитие региона: понятие, основные подходы и факторы // Журнал российского предпринимательства, 2012. № 24. С. 214–221.
7. Полушкина Т. М. Формирование рациональной системы государственного регулирования аграрного сектора экономики, отвечающей требованиям экономически эффективной аграрной политики // Фундаментальные исследования, 2012. № 9(4). С. 976–980.
8. Сычева И. Н., Пермякова Е. С., Воронкова О. Ю., Кузьмина Н. Н. «Зеленая» экономика и инновационное развитие аграрного сектора региона // Biosciences Biotechnology Research Asia. 2015. № 12 (1). С. 181–190.
9. Ярлыкапов А. Д. Оценка вариантов прогнозирования регионального развития // Региональная экономика, 2013. № 2 (34). С. 23–31.

REFERENCES

1. Akhmetov, V. Ya., Barlybaev, A. A. & Nasyrov, G. M. (2009) Tourism as a factor of diversification of the rural economy. *Problems of forecasting*, № 6 (117), 105–111 (in Russian).
2. Alferova, T. V. (2012) Conceptual modeling of the category “sustainable development”. *Russian Journal of Economic Theory*, 4, 46–52 (in Russian).
3. Danilov-Danilian, V. I. (2003). Sustainable Development (Theoretical and Methodological Analysis). *Economics and Mathematical Methods*, 8 (24), 123–135 (in Russian).
4. Kolesova, Yu.N. (2015) Strategy for sustainable development of rural areas. *Young scientist*, 8, 392–394 (in Russian).
5. Kovalenko, E. G. (2012) Problems and mechanisms of development of rural territories. *Fundamental research*, 3–3, 687–690 (in Russian).
6. Podprugin, M. O. (2012) Sustainable Development of the Region: the Concept, the Basic Approaches and the Factors. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 24, 214–221 (in Russian).
7. Polushkina, T. M. (2012) The formation of rational system of governmental regulation in agrarian sphere of economy that meets the requirements of economically viable agricultural policy. *Fundamental research*, 9(4), 976–980 (in Russian).
8. Sycheva, I. N., Permyakova, E. S., Voronkova, O. Yu. & Kuzmina, N. N. (2015) “Green” economy and innovative development of the agricultural sector of the region. *Biosciences Biotechnology Research Asia*, 12 (1), 181–190 (in Russian).
9. Yarlykapov, A. D. (2013) Evaluation of forecasting options for regional development. *Regional Economics*, 2 (34), 23–31 (in Russian).

Поступила в редакцию: 05.07.2019.

Принята к печати: 22.07.2019.

ГЕЙМШТОРМИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ БИЗНЕСОМ

И. Г. Грентикова¹, Т. А. Алабина^{1,2}

¹ Кемеровский государственный медицинский университет (Кемерово, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье обоснована целесообразность использования российским бизнесом геймшторминга, который позволяет совершенствовать коммуникативные навыки сотрудников, генерировать новое, выстраивать стратегию развития коммерческой организации. Методика геймшторминга проста и доступна к использованию. Авторами обосновано использование руководителями коммерческой организации наиболее удобного инструмента геймшторминга. Сделано заключение о необходимости делового сотрудничества между высшей школой и бизнесом. В результате может быть получен действенный вариант государственно-частного партнерства, преследующий формирование инновационной модели экономики.

Ключевые слова: геймшторминг, бизнес, инновация, апробированная методика, командная работа.

GAMESTORMING AS A TOOL IN MAKING DECISIONS BY BUSINESS

I. G. Grentikova¹, T. A. Alabina^{2,3}

¹ Kemerovo state medical university (Kemerovo, Russia)

² Kemerovo state university (Kemerovo, Russia)

³ Altai state university (Barnaul, Russia)

The article substantiates the expediency of using gamestorming by Russian business, which allows to improve the communication skills of employees, generate new, build a strategy for the development of a commercial organization. Gamestorming technique is simple and available for use. The authors substantiate the use of the most convenient tool gamestorming by managers of a commercial organization. The conclusion about the need for business cooperation between higher education and business was made. As a result, an effective option of public-private partnership can be obtained, pursuing the formation of an innovative model of the economy.

Keywords: gamestorming, business, innovation, proven methodology, teamwork.

В процессе интеграции России в мирохозяйственные связи появилось огромное количество заимствованных терминов, имеющих свое смысловое содержание, методическое наполнение и конкретное практическое использование. Одним из таких терминов является геймшторминг (англ. gamestorming). Дословно данный термин можно интерпретировать как «игра» (англ. game), «мозговой шторм» (англ. brainstorming, brainstorm), «игровая буря» (англ. game storm). В отличие от многих других заимствованных терминов, гейм-

шторминг привнес в российскую действительность практическое наполнение, так как включал в себя не только объединение игры и мозгового шторма, но и представлял одну из игровых методик. Геймшторминг как метод в 2010 г. был описан в совместной работе Д. Грея (Dave Gray)¹, С. Брауна (Sunni

¹ Dave Gray — основатель компаний XPLANE (<https://www.xplane.com/>) и Boardthing (<https://boardthing.com/>).

Brown)¹ и Дж. Макануфо (James Macanufu)² под названием «Геймшторминг. Игры, в которые играет бизнес»³ [1] (в оригинале «*Gamestorming. A Playbook for Innovators, Rulebreakers, and Changemakers*», 2010 [2]), где авторы определили геймшторминг как продукт «силиконового супа» («*Silicon soup*»), который был получен в среде разработчиков инновационных идей, прежде всего, Силиконовой долины США (Silicon Valley) и помог в исследовании неочевидных проблем, позволил идти к целям, которые не имеют чёткого контура, погружаться в содержание инновационной идеи.

В настоящий период времени в России предлагаются готовые продукты геймшторминга, например, такие как лин-игры (lean games), тренинги, которые, на наш взгляд, не могут учесть особенности коммерческой деятельности, связанные с самой спецификой ее видов (например, добывающее или обрабатывающее производство) [3, 4].

Компания Adobe Inc., входящая в число 500 крупнейших компаний мира, одна из первых успешно использовала на практике геймшторминг для собственного бизнеса, где основной целью была определена вовлеченность клиента. В исследовании приняли участие примерно 90% от числа всех сотрудников компании. Проект был успешно реализован и усовершенствован с ориентацией на конечного пользователя. В результате было определено, что предлагаемый продукт эффективен и близок конечным потребителям, способен их заинтересовать, удержать и стабильно существовать на рынке [5].

Если говорить о содержании геймшторминга, его особенностях и методических подходах, то он применяется для определения конкретной сферы, ориентированности, реальности сценария в условиях определенной среды, что напрямую связано с видом экономической деятельности коммерческой организации [6, с. 44–52]. Исходя из чего можно констатировать его значимость непосредственно для регионального бизнеса, обусловлен-

ного особенностями социально-экономического развития отдельно взятого субъекта Российской Федерации. Например, для Кемеровской области доминирующий вид экономической деятельности — это угледобыча, металлургия, «большая» химия, для Алтайского края — агропромышленный сектор экономики.

В каждом конкретном случае важно получить ответы на такие вопросы, как правдоподобность сценария, достоверность полученных в результате игры результатов, реальность содержания игры, возможность внесения изменений в целях оптимизации результатов [7]. Важной особенностью геймшторминга является участие в «игровой буре» различных команд.

Одной среди основных задач в рамках реализации Государственного плана подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации обозначена задача содействия распространению апробированных успешных методик обучения менеджеров среди российских образовательных учреждений, занимающихся подготовкой управленческих кадров. Среди практических навыков, которые представители бизнеса хотели бы получить в ходе участия в Президентской программе, чаще всего заявляется разработка стратегии коммерческой организации. Разнонаправленные задачи слушателей данной программы отражаются на групповом обучении — основном элементе используемых интерактивных методов обучения, что, в свою очередь, отражается на целостности картины взаимосвязей и взаимодействия отдельных элементов, что не всегда позволяет слушателям как представителям бизнеса решать комплексные задачи [8, с. 26–28]. Необходимо также учитывать, что присутствует неоднородность состава слушателей по возрасту, стажу работы, образованию и сфере деятельности, что отражается на формировании состава групп для решения поставленных задач [9, с. 29]. Следовательно, геймшторминг может выступать инструментом для принятия решений как в процессе обучения представителей бизнеса, так и использования в практической деятельности.

Проблемным остается вопрос, каким образом проводить геймшторминг. Инструменты геймшторминга сами по себе не новы — модерация, фасилитация — давно используют аналогичные практики. Эксперты приводят примеры, когда руководители организаций просят провести мозговую штурм или тренинг по командообразованию, при этом каждый закладывает свой смысл — это может быть формат либо тимбилдинга, либо стратегической деловой игры, либо модерации конкретного мероприятия корпоративного характера.

¹ Sunni Brown названа одной из «100 самых креативных людей в бизнесе» («100 Most Creative People in Business») и одной из «10 самых креативных людей в Твиттере» («10 Most Creative People on Twitter») по версии Fast Company. Она является основателем креативного консалтинга, международным спикером, соавтором *Gamestorming* и лидером глобальной кампании по визуальной грамотности под названием *The Doodle Revolution*.

² James Macanufu является старшим консультантом (senior consultant) в компании XPLANE (<https://www.xplane.com/>), где руководит практикой визуального мышления. Среди его клиентов компании HP, IBM, Autodesk, Nokia, Департамент образования США (The US Department of Education) и Корпус морской пехоты США (The US Marine Corps).

³ Издана в России в 2012 г.

Топ-менеджмент коммерческих организаций необходимо обучать методикам вовлечения сотрудников в качественное решение рабочих вопросов. Решение конкретной задачи позволяет сотрудникам организации взять на себя определенный объем работ и нести ответственность за выполнение.

Геймшторминг отличает собственный подход, точка зрения:

- для командной работы необходимо принять базовый арсенал инструментов для обсуждения, поиска новых идей, устранения ошибок (ассоциограммы, матрицы, ланшафтные карты);
- в процессе работы команды эмоциональная составляющая должна поддерживать рациональную составляющую (нужна цветовая составляющая, музыка, движение, макеты);
- должна присутствовать визуализация проблемы и возникающих идей, так как это позволяет людям с разными взглядами прийти к согласию (можно использовать все подручные элементы: коробки, пластилин, карандаши, скрепки и т. д.);
- для исследования проблемы необходимы различные подходы, инициатива должна переходить от одного участника команды к другому (например, затратный и рыночный подход в ценообразовании);
- использовать приемы немецких модераторов [10, с. 3–6], которые ищут вопрос, являющийся ключом к решению проблемы (игра на преодоление).

На наш взгляд, для руководителя коммерческой организации наиболее удобен формат модерации. На типовых совещаниях, как правило, принято считать, что присутствует человек, который знает проблему лучше, чем кто-либо, соответственно, он может сформулировать цель и довести процесс до эффективного результата. Если сформулировать отличие модерации от типового совещания, то можно прийти к выводу, что модерация — это определенный вариант проведения обсуждения, который логично приводит к нужному результату и предусматривает возможность участия всех присутствующих в процессе обсуждения и принятия предварительного решения, осознавая, что за этим стоит и персонифицированная ответственность за конечный результат.

В модерации процесс обсуждения проблемы и принятие решения разделен на конкретные части, каждая из которых имеет свою методику и специфику. Фазы модерации включают в себя:

- приветствие, создание неформальной обстановки;
- постановка проблемы или темы обсуждения в модерации;

- обсуждение темы модерации;
- ориентация на эффективный результат;
- окончание модерации.

Результаты проведенного обсуждения могут быть оформлены в предварительный свод мероприятий. Роль модератора заключается в том, чтобы получить от участников четкую и понятную формулировку результатов. Только четкость и простота позволит участникам понять и утвердить выводы обсуждения. Результаты могут фиксироваться в виде таблицы, которая содержит перечень ответственных лиц, отвечающих за реализацию каждого мероприятия и сроки выполнения.

Компетентный модератор должен придерживаться основных правил, а именно: не навязывать собственное мнение и собственные цели; не оценивать мысли других, высказывания и поведение участников модерации; активизировать группу, ставить перед группой проблему, настраивать на ее обсуждение, задавать вопросы, при этом не навязывать собственные решения или мнение; принимать все высказывания группы как сигналы, которые помогают ему понимать коммуникационные процессы в группе; в случае возникновения конфликтов уметь привлечь внимание участвующих в обсуждении к формам их поведения по отношению друг к другу; управлять процессом, но не вмешиваться в содержание обсуждения.

Поскольку коммуникационные процессы в группах не всегда проходят упорядоченно, модератор может предложить группе принять «правила игры» для эффективной работы на время обсуждения. Группа может дополнить предложения модератора своими собственными предложениями. В этом случае группа будет более охотно принимать эти правила и сама следить за их выполнением. Основные правила игры для модерации представлены на рисунке.

Чтобы техника модерации была более наглядной, можно разработать конкретные типовые примеры, например, «Разработка программы обучения для руководящих сотрудников».

Итак, на первый взгляд все достаточно просто и логично выстраивается. Все шаги имеют описание, т. е. методика достоверно прописана. И вот здесь возникает вопрос: насколько представители бизнеса готовы самостоятельно разрабатывать типовые примеры, применять их для штурма новых инновационных идей, а также качественно, быстро проводить геймшторминг и формировать нужный в текущий момент времени результат. Можно констатировать, что в данном случае возникает необходимость делового сотрудничества между высшей школой и бизнесом: бизнес формулирует задачу, сотрудники высшей школы разрабатывают типовые примеры, используя методику геймштормин-

га, участвуют в «мозговом штурме», принимают участие в формулировке полученных результатов. В данном случае получается своеобразный вари-

ант государственно-частного партнерства, преследующий формирование инновационной модели экономики.

Правило 1: высказывания должны быть краткими	• При обсуждении в группе каждому участнику дается ограниченное время для выступления
Правило 2: нельзя всем говорить одновременно	• Желаящие выступить должны это подтвердить поднятием руки
Правило 3: главные мысли нужно визуализировать	• Модератор должен резюмировать выступления и, согласовав с выступающим, записать главные идеи их выступления
Правило 4: все обсуждать письменно	• При острой тематике трудно соблюдать порядок обсуждения, поэтому все мысли должны быть зафиксированы на карточках
Правило 5: спорные мнения отмечать «конфликтными знаками»	• На любом совещании высказываются противоречивые мнения. Чтобы избежать длительных и непродуктивных дискуссий можно применять «конфликтные знаки», например знак «молния»

Модерация. «Правила игры»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грей Д., Браун С., Макануфо Дж. Геймштурминг. Игры, в которые играет бизнес: монография. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
2. Gray D., Brown S., Macanuf J. Gamestorming: A Playbook for Innovators, Rulebreakers, and Changemakers. Sebastopol (California, USA): O'Reilly Media, 2010. 290 p.
3. Геймштурминг — деловые игры и тенинги, гейм-решения для бизнес-задач. [Электронный ресурс]. URL: <http://gamestorming.ru/> (дата обращения: 25.07.2019).
4. Игры для обучения бережливому производству. [Электронный ресурс]. URL: <http://lean-games.ru/> (дата обращения: 25.07.2019).
5. Геймштурминг: описание, геймификация рабочего процесса. [Электронный ресурс]. URL: <https://bizgame.top/geymshturning/> (дата обращения: 27.07.2019).
6. Feijoo G., Crujeiras R. M., Moreira M. T. Gamestorming for the Conceptual Design of Products and Processes in the context of engineering education // Education for Chemical Engineers. 2018. Vol. 22. P. 44–52.
7. Lejeune A. From Gamestorming to mobile learning: a conceptual framework and a gaming proposition to explore the design of flourishing business models: Thesis presented as partial requirement for the doctorate in cognitive informatics. Université du Québec à Montréal. 2017. 277 p.

8. Панина Т. С., Грентикова И. Г., Веремеенко А. В. Президентская программа подготовки управленческих кадров: проблемы и пути решения // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 3 (23). С. 25–30.

9. Грентикова И. Г., Поварич И. П. Проблемные аспекты подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства России // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 4 (16). С. 27–29.

10. Schüle M., Kusnetsova E., Alabina T. A. Das Ausbildungssystem in Deutschland als ein Weg zum Job oder zur Wissenschaft // Молодежь и наука: реальность и будущее: сборник трудов VIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. ФГБОУ ВПО Кемеровский государственный университет. 2016. С. 3–6.

REFERENCES

1. Gray D., Brown S. and Macanuf J. (2012) *Gamestorming. The games played by the business*: monograph. SPb.: Piter. 288 p. (in Russian)

2. Gray D., Brown S. and Macanuf J. (2010) *Gamestorming: A Playbook for Innovators, Rulebreakers, and Changemakers*. Sebastopol (California, USA): O'Reilly Media. 290 p.

3. Gamestorming — business games and trainings, game solutions for business tasks. URL: <http://gamestorming.ru/>

4. Games for learning lean manufacturing. URL: <http://lean-games.ru/>

5. Gamestorming: description, gamification of the workflow. URL: <https://bizgame.top/geymshtorming/>

6. Feijoo G., Crujeiras R. M. and Moreira M. T. (2018) Gamestorming for the Conceptual Design of Products and Processes in the context of engineering education. *Education for Chemical Engineers*, Vol 22, 44–52.

7. Lejeune A. (2017) From Gamestorming to mobile learning: a conceptual framework and a gaming proposition to explore the design of flourishing business models: Thesis presented as partial requirement for the doctorate in cognitive informatics. Université du Québec à Montréal. 277 p.

8. Panina T. S., Grentikova I. G. and Veremeyenko A. V. (2016) Presidential program management training: problems and solutions. *Professional Education in Russia and Abroad*, 3 (23), 25–30. (in Russian).

9. Grentikova I. G. and Povarich I. P. (2014) Challenges in management training for national economic enterprises of Russia. *Professional Education in Russia and Abroad*, 4 (16), 27–29. (in Russian).

10. Schüle M., Kusnetsova E. and Alabina T. A. (2016) Das Ausbildungssystem in Deutschland als ein Weg zum Job oder zur Wissenschaft. *Youth and science: reality and future: proceedings of the VIII International conference of students, postgraduates and young scientists*. Kemerovo state university, 3–6.

Поступила в редакцию: 01.08.2019.

Принята к печати: 18.08.2019.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ВЛИЯНИЯ ПРИРОДНО-ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ

И. В. Ковалева

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматриваются вопросы влияния основных природно-экзогенных факторов на развитие и эффективное функционирование локальных территорий. Представление об экономическом развитии территории региона основывается на выделении исследований, которые изучают факторы, особенности и условия для экономического роста. В этом смысле исследование влияния экзогенных факторов представляет собой новое научное направление, которое позволяет на основе анализа степени влияния этих факторов определить стратегические направления для перспективного развития локальных территорий путем оптимизации использования ресурсного потенциала и производства продукции и услуг с учетом специфики локальной территории.

В результате анализа были выявлены определяющие факторы, влияющие на развитие локальных территорий: экономический, информационный, социально-культурный и общественный. Экономический фактор оценивался с точки зрения бюджетной политики региона и оценивается как фактор с негативным эффектом ввиду традиционной дотационности региона. К факторам с позитивным влиянием на развитие локальных территорий можно отнести информационный, социально-культурный и общественный. Другими словами, в регионе имеются как позитивные, так и негативные эффекты от эндогенных факторов. Вследствие того, что большинство природно-экзогенных факторов, присутствующих в Алтайском крае, носят позитивный характер воздействия, они формируют в регионе благоприятные условия для функционирования локальных территорий.

Ключевые слова: развитие, природные, экзогенные, факторы, территория, локальный.

DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL LOCAL TERRITORIES UNDER THE INFLUENCE OF NATURAL-EXOGENOUS FACTORS

I. V. Kovaleva

Altay State Agrarian University (Barnaul, Russia)

The article discusses the impact of the major exogenous factors on the development and effective functioning of the local territories. Notion of the regional economic development is based on the research that study factors, characteristics and conditions for economic growth. In this sense, the study of the influence of exogenous factors is a new scientific direction, which allows, based on an analysis of the degree of influence of these factors, to determine strategic directions for the prospective development of local territories by optimizing the use of resource potential and the production of products and services taking into account the specifics of the local territory.

As a result, the analysis identifies the determinants that affect the development of local territories: economic, informational, socio-cultural and public ones. The economic factor is assessed in terms of fiscal policy in the region and is evaluated as a factor in the adverse effect, in view of the traditional subsidy of the region. Factors with positive influence on the development of local territories can be classified as informational, socio-cultural and public. Thus, we can conclude that there are both positive and negative effects of endogenous factors in the region. All in all, the majority of natural and exogenous factors in the Altai Region have a positive impact, thereby creating favorable conditions for the functioning of local territories in the region.

Keywords: development, natural, exogenous, factors, territory, local.

Влияние различных факторов на функционирование локальных территорий в Алтайском крае существенно, особенно выделяются природно-экзогенные (экономический, политический, информационный и др.). Поскольку локальные территории ограничены рамками муниципального образования, влияние природно-экзогенных факторов на развитие локальных территорий, в том числе и сельских, постоянно возрастает.

Методы исследования. Теоретическую и методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам ведения сельскохозяйственного производства органической продукции; вопросам развития земельных отношений; научные исследования и рекомендации Российской академии сельскохозяйственных наук, законы Российской Федерации, указы Президента и постановления Правительства Российской Федерации, нормативно-правовые акты субъектов федерации, постановления ЕС по развитию экологического сельского хозяйства, стандарты IFOAM. Методологической основой послужил системный подход, позволивший обеспечить комплексность и целенаправленность. В работе также были использованы аналитический, абстрактно-логический, расчетно-конструктивный, экономико-статистический, экономико-математический, монографический методы исследования.

Алтайский край размещен на площади 168 тыс. км², что располагает его на восьмом месте в СФО. На 01.01.2019 г. численность населения превышала 2,33 млн жителей — это составляет 1,6% общего числа жителей РФ. Население, проживающее в сельских поселениях, составляет 43,3% общего числа жителей региона [1].

Регион является местом передвижения трансконтинентальных транзитных грузов и осуществления пассажирских перевозок. Край располагает коммуникациями, позволяющими объединить РФ с зарубежными странами (Монголия, Казахстан). Количество транспортных магистралей в регионе превышает среднероссийские и среднесибирские коэффициенты. Благоприятное пространственное размещение края с высоким уровнем транспортной обеспеченности позволяет развивать межрегиональные и международные экономико-торговые отношения.

Природно-климатические условия дают возможность экономике региона развивать промышленность, сельское хозяйство, туризм, торговлю. В структуре валового регионального продукта указанные отрасли занимают около 57% [1, 2]. По производству экологически чистых продуктов регион занимает 1-е место в РФ в изготовлении муки, крупы, включая гречневую, манную, овсяную, перло-

вую, сыров и сырных продуктов, сухой сыворотке, 2-е место по выпуску сливочного масла, 3-е место — по изготовлению макаронных изделий [1, 3].

По уровню влияния основным экзогенным фактором выступает экономический, который предлагается оценить с помощью комплексного показателя — исполнение бюджета в Алтайском крае, который в 2018 г. был профицитным [1]. Однако стоит заметить, что сумма безвозмездных поступлений в бюджете составляет более 40%. В структуре налоговых доходов наибольшее место занимает налог на доходы физических лиц. Среди неналоговых поступлений преобладают доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности. Снижение доходов в процентном соотношении от утвержденного бюджета было зафиксировано в следующих видах поступлений: налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ, и доходы от продажи материальных и нематериальных активов. Наибольшие статьи расходов в регионе составляют социальная политика, образование, национальная экономика [1]. В целом регион традиционно является дотационным. Это позволяет отнести экономический фактор региона к негативным эффектам, оказывающим влияние на формирование локальных рынков и территорий.

Следующим экзогенным фактором, оказывающим влияние на функционирование локальных территорий, является информационный.

Данный показатель оценивается по итогам работы отрасли связи и информационных технологий региона за 2018 г. На заседании Общественного совета при Минсвязи Алтайского края 15.02.2019 были продемонстрированы эффективные результаты работы по данной отрасли [4, 5]. По степени развития инфраструктуры электронного правительства Алтайский край расположен на следующих позициях:

3-е место — в рейтинге взаимодействия регионов России с ГИС ГМП (8-е место в 2017 г.); 13-е место по числу заказываемых в электронной форме региональных и муниципальных услуг (22-е место в 2017 г.); 22-е место по числу заказываемых федеральных услуг (20-е место в 2017 г.); 29-е место по качеству межведомственного электронного взаимодействия между органами власти (24-е место в 2017 г.) [5].

Кроме того, в регионе внедряется Единая система электронного документооборота (ЕСЭД). В 2018 г. в ЕСЭД эксплуатировалось около 3 тыс. рабочих мест, зарегистрировано свыше 3,8 млн электронных документов. Доля бумажного документооборота между региональными органами власти Алтайского края снизилась до 24% [5]. Эти

данные могут проецироваться и передаваться через Единую информационную систему предоставления государственных и муниципальных услуг, межведомственного электронного взаимодействия Алтайского края (ЕИС) [5].

За 2018 г. в Алтайском крае введена в пользование и развернута на территории региона система обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112». Существенным на-

правлением в развитии отрасли связи и коммуникации стало развертывание операторов связи через создание сетей скоростного доступа к Интернету по технологии LTE (4 G). Вследствие этого можно сказать, что информационный фактор относится к числу позитивных эффектов.

Общественный фактор предлагается оценить по данным сопоставления денежных доходов и расходов населения.

Таблица 1

Распределение населения Алтайского края по величине среднедушевых денежных доходов [1]

Группы дохода	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
	тыс. чел.			
население	2390,6	2384,8	2376,8	2365,7
в т. ч. со средним денежным доходом в месяц, руб.				
до 5000, 0	152,8	98,0	92,6	84,9
5000,1–7000,0	203,7	154,1	147,3	137,9
7000,1–10000,0	357,2	301,5	291,2	277,7
10000,1–14000,0	437,8	409,6	400,6	389,2
14000,1–19000,0	408,4	418,3	414,7	410,4
19000,1–27000,0	388,2	433,9	436,9	441,2
27000,1–45000,0	319,0	394,7	406,5	421,7
свыше 45000,1	123,5	174,7	187,0	202,7

Анализируя данные, представленные в таблице 1, можно сказать, что в регионе существует население с заработной платой менее 5000 руб. В то же время отмечается рост количества населения, которые получают заработную плату 27000–

45000 руб. Это свидетельствует о позитивных моментах в величине среднедушевых денежных доходов населения Алтайского края. Оценка социально-культурных факторов представлена в таблице 2 [1].

Таблица 2

Расходы консолидированного бюджета Алтайского края на социально-культурные мероприятия, в фактически действовавших ценах, млн руб.

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Расходы — всего	67851,4	64734,9	64690,8	70057,6	79436,5
в том числе:					
Образование	26851,3	24714,8	24756,9	27889,4	32894,9
Культура, кинематография, средства массовой информации	2904,0	2557,9	2542,7	3210,6	3642,6
Здравоохранение, физическая культура и спорт	17714,4	19034,5	18111,3	8095,6	9776,0
Социальная политика	20381,7	18427,7	19279,9	30862,0	33123,0

Расходы на социально-культурные мероприятия имеют неоднозначную тенденцию. Если сравнивать 2014 г. с 2018 г., можно проследить рост расходов бюджета по данному фактору. Средства из бюджета, направленные на образование, культуру, кинематографию, средства массовой информации и социальную политику, увеличиваются в сравнении с 2014 г. к 2018 г. Однако финансирование

здравоохранения, физической культуры и спорта имеют тенденцию к снижению. Тем не менее большинство показателей в исследуемом факторе демонстрируют тенденции к увеличению, соответственно, формируется позитивный эффект.

Таким образом, в регионе действуют как позитивные, так и негативные эффекты, оказываемые эндогенными факторами. Негативными эффектами

ми, влияющими на функционирование локальных территорий и рынков, являются экономические и политические факторы. К числу позитивных эффектов относятся социально-культурные, общественные, информационные факторы. В Алтайском крае наблюдается преобладание позитивных эффектов над негативными. Также смягчению негативных эффектов может способствовать нали-

чие потенциальных и ресурсных возможностей региона, которые в анализе были оценены как позитивные эффекты. Вследствие того, что большинство эндогенных факторов, присутствующих в Алтайском крае, носят позитивное воздействие, в регионе формируются благоприятные условия для функционирования локальных рынков и территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алтайкрайстат: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://akstat.gks.ru>. (дата обращения 12.06.2019).
2. Ковалева И. В. Диверсификация экономики сельских территорий региона // *Modern Economy Success*. 2018. № 3. С. 47–52.
3. Ковалева И. В., Семина Л. А. Устойчивое развитие сельских территорий в условиях диверсификации экономики региона // *East European Science Journal*. 2018. № 3 (7). С. 45–49.
4. Цифровая экономика в сельском хозяйстве [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/cifrovaya_ekonomika_v_selskom_hozyaystve/ (дата обращения 16.06.2019).
5. Постановление Правительства от 07.03.2008 № 157 «О создании системы государственного информационного обеспечения сельского хозяйства» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12159225/>. (дата обращения 11.06.2019).

REFERENCES

1. Office of the Federal state statistics service for the Altai territory and the Republic of Altai. URL: <http://akstat.gks.ru>.
2. Kovaleva, I. V. (2018) Diversification of economy of rural territories of the region. *Modern Economy Success*, 3, 47–52 (in Russian).
3. Kovaleva, I. V. & Semina L. A. (2018) Sustainable development of rural areas in the context of diversification of the regional economy. *East European Science Journal*, 3 (7), 45–49 (in Russian).
4. The digital economy in agriculture. URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/cifrovaya_ekonomika_v_selskom_hozyaystve/ (in Russian).
5. Government Decree of March 7, 2008 No. 157 “On the creation of a system of state information support for agriculture”. URL: <http://base.garant.ru/12159225/>.

Поступила в редакцию: 18.07.2019.

Принята к печати: 15.08.2019.

БЕНЧМАРКИНГ: ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. А. Крохмаль, А. А. Фефелова, Д. А. Бакума

Дальневосточный государственный аграрный университет (Благовещенск, Россия)

Формирование эффективной системы высшего образования в современных условиях превращается в первоочередную и важнейшую задачу государства, поскольку от ее решения зависит не только экономическое и социальное благополучие общества, но и конкурентоспособность страны. Однако и сегодня остается открытым вопрос о том, что следует понимать под эффективностью деятельности вузов и национальной системы высшего образования в целом. Существующий подход к оценке эффективности вузов осуществляется по показателям рейтингов на национальном и международном уровнях, которые имеют рыночный дискурс, оценивают индивидуальные достижения отдельных вузов и являются поводом для отказа от концепций социального государства и социально ориентированного рынка, преобладающих в XX веке. В статье предлагается осуществить переход от оценки эффективности отдельных университетов и рассматривать эффективность национальной системы высшего образования в целом, основываясь на бенчмаркинге — межстрановых сопоставлениях, взаимном обучении и поддержки процессов развития, связанных с оценкой лучших методов управления всей группой вузов конкретной страны.

Ключевые слова: национальная система высшего образования, эффективность вузов, международные и национальные рейтинги, эффекты от потребления услуг высшего образования, бенчмаркинг, программа содействия повышению эффективности систем высшего образования, межстрановые сопоставления, взаимное обучение.

BENCHMARKING: ESTIMATING EFFICIENCY AND ENSURING DEVELOPMENT TOOL OF NATIONAL HIGH EDUCATION SYSTEMS

L. A. Krokhmal, A. A. Fefelova D. A. Bakuma

Far Eastern State Agrarian University (Blagoveshchensk, Russia)

Establishing efficient system of high education at present circumstances is the most important state task, because of this solution depends not only economic and social welfare of society, but the national competitiveness of the country. Nevertheless today is still the open question what is should be understood as effectiveness of universities and the national system of high education in general. Current approach of estimating university efficiency is based on indicators ratings on national and international levels, which have market discourse, estimate individual achievements of certain universities, and is the reason to refuse the concept of social state and social oriented market which were prevalent in XX century. In this article is proposed to make the transition from estimating the efficiency of certain universities and to review the efficiency of the national high education system in general, based on benchmarking — intercountry suppositions, mutual education and support processes of developing, related to assessment the best managing methods of whole university groups of the particular country.

Keywords: national system of high education, efficiency of universities, international and national rankings, effects of consuming high education services, benchmarking, Enhancing Higher Education System Performance, intercountry comparing, mutual education.

За внешней простотой процедуры измерения эффективности учреждений высшего образования, как показала практика, кроется целый ряд сложных проблем, которые и сегодня не позволяют правильно предъявлять требования не только к самому процессу выявления лучших университетов, но и к критериям их оценки.

Учреждения высшего образования, как правило, измеряют свою ценность с точки зрения рейтингов на национальном и международном уровне [12]. Критерии успешности университетов, которые разрабатываются межнациональными организациями и национальными правительствами, чаще всего направлены на рыночную ориентацию вузов, их конкурентоспособность и расширение известности бренда.

Ориентацию рейтингов измерения эффективности вузов на требования рынка исследователи сегодня связывают с «неолиберальным разворотом» в сфере высшего образования. Так, П. Скотт, профессор Института образования Университетского колледжа Лондона (Великобритания), в своей статье пишет, что сейчас международное высшее образование представляет собой «очень коммерциализированную и высококонкурентную сферу, в которой доминирует рыночный дискурс, во многом определяющийся международными университетскими рейтингами» [19]. А это ориентирует вузы на достижение индивидуальных результатов без учета развития всей системы высшего образования в стране. В качестве причины П. Скотт называет «неолиберальный разворот», проявивший себя в отказе от концепций социального государства и социально ориентированного рынка, преобладавших в XX веке. По его мнению, это было ответом на возникшую рецессию, снижение деловой активности и не утратило своего влияния даже в условиях финансового кризиса 2008 г. и последующего мирового экономического спада. Это явление характерно и для национальных систем высшего образования отдельных стран¹. «Неолиберальный провал» приводит к ликвидации прежних идеалов университета — вузовской солидарности, сотрудничества, совместного развития, взаимопонимания; он направлен на культивирование новых установок, а именно рыночных. И вместо совместного развития вузов, выгодного для национальной системы образования, существует межвузовская конкуренция, приводящая к разобщению вузов, разрушению их прежней солидарности.

Неслучайно правительства разных стран разделяют общую озабоченность по поводу оценки эффективности систем высшего образования на основе рейтингов, которые, в общем и целом, не дают полного ответа на главный вопрос — насколько хорошо их национальные образовательные системы работают по сравнению с другими.

Есть основания полагать, что решение этой проблемы возможно с помощью международного бенчмаркинга различных систем высшего образования, который позволяет странам узнать больше о своих сильных и слабых сторонах, а следовательно, и о своей позиции на рынке услуг высшего образования [10].

В противовес рейтинговой системе бенчмаркинг не подразумевает какого-либо системного ранжирования. Он должен предоставлять правительствам достоверную информацию об эффективности национальных систем высшего образования для выработки обоснованных управленческих решений, направленных на их дальнейшее развитие.

Высокоэффективная система высшего образования с точки зрения правительства — это такая система, в которой высшие учебные заведения страны, в их системном взаимодействии, выполняют три функции:

- образование;
- научные исследования;
- результативное взаимодействие с внешней средой.

Все три функции должны соответствовать потребностям и целям студентов, их семей, работодателей, экономики и общества в целом [14]. Если образовательная и исследовательская функции могут быть оценены рейтинговой системой, то функция взаимодействия в полной мере без бенчмаркинга оценена быть не может. Здесь необходимы принятые в традиционном бенчмаркинге сопоставления, сравнения и заимствование эффективных практик, технологий, организации труда, передового опыта и др. Таким образом, рейтинговые системы оценки эффективности деятельности отдельных вузов в национальных системах образования должны дополняться классическим бенчмаркингом. Бенчмаркинг позволяет не только выявлять передовые, наиболее эффективные вузы в стране, в мире, но и может создавать условия и предпосылки для развития всей системы высшего образования страны.

История развития бенчмаркинга в сфере высшего образования. Бенчмаркинг, как уже отмечалось выше, представляет собой сравнение передовых практик с целью выбора наилучшей из них и применения ее в конкретном деле. Историю бенчмаркинга в таком понимании можно проследить, начиная с 1920-х гг., когда методы сравнения были впервые применены к контролю качества про-

¹ В Великобритании, например, распространено небесспорное мнение о том, что идеалы, ассоциирующиеся с массовым высшим образованием, — демократия, социальная справедливость, личностное совершенствование в викторианском понимании — плохо соотносятся между собой и не совпадают с такими целевыми устремлениями нашего века, как материальное обогащение, рост, конкуренция.

дукции. Эта концепция получила развитие в Японии в 40-е гг., а родоначальниками ее считают исследователи из США — Э. Деминг, Д. Джуран, В. Фейгенбаум. Применение бенчмаркинга оказалось настолько результативным, что использование концепции постепенно расширилось от оценки качества продукции до оценки качества организации производства; другими словами, от контроля над качеством до управления качеством.

Существует множество определений бенчмаркинга, однако наиболее простое и исчерпывающее связано с представлением бенчмаркинга как систематического процесса выявления и внедрения наилучших или передовых практик, технологий и т. п.

Возникнув в промышленном производстве, бенчмаркинг быстро адаптировался и в сфере высшего образования, найдя в ней довольно широкое применение [1]. Массовое использование бенчмаркинга в оценке и развитии национальных систем высшего образования, по мнению многих ученых, связано с тем, что он, по содержанию и способам решения практических задач по улучшению деятельности, аналогичен собственно процессам обучения человека; более того, его технологии описываются как технологии обучения любых организаций, включая, естественно, и учебные заведения.

По мнению Р. Леибфриеда и У. Макнейра, бенчмаркинг помогает сформировать самообучающую организацию, как группу преданных делу людей, которые активно стремятся к совершенству, развитию и производству новых знаний, о чем писал П. Сенге. Если эти эксперты правы, то только те вузы, которые могут быстро учиться и осваивать свое новое окружение, будут по праву называться вузами XXI века. Бенчмаркинг может помочь инициировать преобразования, основанные на философии непрерывного совершенствования и развития. Но этого результата можно достичь только в том случае, если информация об окружении будет постоянно обновляться и закрепляться для повторного использования. По сути, бенчмаркинг устанавливает рамки для непрерывного развития, которое достигается определенными действиями, после того как лучшие практики идентифицированы, применены и находятся под постоянным наблюдением менеджмента [11].

Рассматривая исторические вехи развития и распространения бенчмаркинга, следует отметить, что еще в 1994 г. была учреждена Глобальная сеть бенчмаркинга (Global Benchmarking Network, GBN), но только спустя десять лет, в 2004 г., Россия стала полноправным членом этой организации [6].

В конце 1991 г. в сфере высшего образования США была начата широкомасштабная программа бенчмаркинга Национальной Ассоциации руководителей университетов и колледжей (NACUBO)

[13], которая призвана обеспечить участникам проекта объективную основу для реализации механизмов бенчмаркинга, предлагая заинтересованным сторонам путеводитель по лучшим практикам других организаций. На тот момент в исследовании 26 основных направлений деятельности колледжей и университетов (таких как бухгалтерский учет, прием абитуриентов, начисление заработной платы, закупки, содержание общежитий и т. д.) приняли участие около 282 учреждений высшего образования. Сегодня бенчмаркинг превратился в действенный и доступный механизм, реализация которого приносит ощутимые выгоды для учреждений высшего образования [1].

Этот проект, по сути, стал ответом на критику применения бенчмаркинга в управлении развитием университетов. Критики высказывали опасения относительно «неосвязаемости» показателей, ресурсоемкости самого процесса сопоставления лучших практик, злоупотреблений в использовании способов сбора информации (как будто бы их нет при применении рейтинговых систем), отсутствия культуры обмена собранной информацией, ее конфиденциальности, а также правильного наложения лучших практик на условия функционирования конкретных вузов [15]. Создание специальных фондов информации, а также положительные рекомендации по применению бенчмаркинга и успешные примеры его использования в сфере высшего образования, стали действенным ответом на критические замечания исследователей.

Бенчмаркинг находит практическое применение и в деятельности отечественных вузов. Российские исследователи рассматривают бенчмаркинг как метод подбора образовательных практик для функционирования современных отечественных вузов [5]. Бенчмаркинг предлагается исследователями для решения проблем повышения качества образовательных услуг [4], а также рассматривается как одно из эффективных направлений развития отечественной системы высшего образования на основе внедрения инновационных управленческих технологий [20]. В 2006 г. издано учебно-методическое пособие, в котором рассматриваются особенности реализации технологий бенчмаркинга в учреждениях высшего образования [9]. Вместе с тем эти примеры университетского бенчмаркинга являются чаще всего единичными и касаются внутренних процессов организации деятельности вузов. Применительно ко всей отрасли бенчмаркинг только в последнее время становится предметом исследований [2]. По мнению Л. В. Воронцовой, А. М. Трещева и других исследователей, бенчмаркинг в России до сих пор не получил должного развития, несмотря на то, что в глобальной образовательной сре-

де он рассматривается в качестве инновационной управленческой технологии, способной формализовать передачу и адаптацию передового управленческого опыта.

Однако несмотря на то, что бенчмаркинг как инструмент повышения эффективности не является новым, как в частном, так и в государственном секторах экономики (Johnston, Clark, Shulver) [8], в высшем образовании система сопоставимых показателей используется, главным образом, на институциональном уровне. Она в основном связана с обеспечением качества образовательных услуг и управлением учебными заведениями [7]. Неслучайно, что еще в 2008 г. по заключению Центра стратегических исследований высшего образования (CNEPS), «бенчмаркинг относился к внутренним организационным процессам, направленным на повышение эффективности организации путем обучения возможным улучшениям основных и/или вспомогательных процессов на основе анализа этих процессов в других, более эффективных организациях» (ESMU, 2008) [7].

Бенчмаркинг не отрицает и рейтинговые системы оценки деятельности вузов; он дополняет их. Известные формы бенчмаркинга обычно устанавливают цели, на основании которых учреждения могут сравнивать свои результаты, включая и рейтинговые оценки, заимствовать передовой опыт, что создает реальные предпосылки для развития национальной системы образования в целом.

Содержание бенчмаркинга в решении задач оценки национальных систем высшего образования. Уже в более поздних работах исследователи все чаще стали указывать на ценность бенчмаркинга в решении вопросов оценки национальных систем высшего образования, а не отдельных учреждений, входящих в их состав, как это принято в существующих международных и национальных рейтингах. К таким исследованиям следует отнести статью «Рейтинг Национальных систем высшего образования», опубликованную в 2016 г. Р. Уильямсом, А. Лиом, Г. Рассенфоссе и Р. Дженсенон. Предлагаемый авторами рейтинг является уникальным, поскольку построен на утверждении, что «система высшего образования в целом, а не только отдельные университеты имеют важное значение для экономического и культурного развития страны» и что различные учреждения будут по-разному способствовать достижению общих национальных целей [3]. Такой подход кардинальным образом меняет существующие представления о конкурентоспособности университетов, поскольку утверждает, что не отдельные вузы определяют преимущества государства в международном образовательном пространстве, а вся национальная система высшего образования в целом.

Действительно, если для предприятий бизнеса собственная позиция на рынке является определяющей, поскольку она оказывает существенное влияние на их экономическое положение, то относительно университетов такой подход, как мы считаем, является спорным. Все дело в том, что деятельность бизнес-структур связана исключительно с интересами индивидуумов и получаемыми ими эффектами от потребления частных товаров. Университеты осуществляют свою деятельность не только в интересах индивидуумов, но и общества в целом, а поэтому здесь важен не только индивидуальный эффект потребления, но и тот эффект, который получает общество в целом [16]. Если предприятия бизнеса для организации своей деятельности используют исключительно средства частных лиц, то университеты используют также и средства государственного бюджета, этим, собственно, и определяются различия в формировании эффектов потребления от частных товаров и от тех, которые производятся в том числе за счет средств государства [16]. Так ли важно в этом случае место отдельного университета в международных и национальных рейтингах, когда оно не имеет связи с социально-экономическим положением общества в целом. Иными словами, вряд ли достаточным будет решение таких указанных выше функциональных задач высшего образования, как обучение и исследования, если невозможна реализация функции взаимосвязи вуза с обществом (невозможно «результативное взаимодействие с внешней средой»).

Следует также заметить, что известный исследователь вопросов государственного регулирования высшего образования С. Джамиль предупреждает о том, что группа элитных университетов неспособна удовлетворять потребности национальных экономик и самих студентов, ибо эта задача решается всей национальной системой высшего образования, которая включает в себя множество различных вузов, предлагающих необходимые образовательные программы. Именно такие университеты способны обеспечивать эффективное и устойчивое развитие экономики страны [18].

Программа организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) содействия повышению эффективности высшего образования. Самые последние исследования подтверждают обоснованность заявления о необходимости комплексного развития национальных систем высшего образования. В 2017 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предложила программу содействия повышению эффективности систем высшего образования, которая включает в себя иной метод оценки эффективности вузов, не связанный с традиционным подходом

институциональных сопоставлений в системе высшего образования, основанных на эталонных показателях отдельно действующих университетов [14]. В центре внимания реализуемой программы бенчмаркинга — практика и опыт успешного решения сложных задач государственного проектирования политических решений, межстрановые сопоставления, взаимное обучение и поддержка процессов развития, связанных в первую очередь с оценкой лучших методов управления всей группой вузов конкретной страны. ОЭСР, учитывая высокий спрос на сравнительную оценку функционирования национальных систем высшего образования, придает большое значение бенчмаркингу, считая его инструментом развития и повышения эффективности национальных систем высшего образования на основе предоставления правительствам разных стран набора готовых решений для содействия в выработке направлений государственной политики.

Речь идет о создании так называемой «лаборатории для всех», объединяющей в себе межстрановые сопоставления на основе международного бенчмаркинга различных систем высшего образования. В качестве исходного материала в такой лаборатории рассматриваются лучшие управленческие практики, реализуемые на национальном, региональном или других уровнях систем высшего образования, в зависимости от государственного устройства страны и особенностей реализации об-

разовательных программ. ОЭСР берет на себя обязанность по сбору и анализу сопоставимых на уровне государств данных, наблюдению за развитием событий в сложном и быстроразвивающемся секторе, налаживанию политического диалога и обмена опытом на международном уровне, выявлению долгосрочных тенденций и проблем, а также предоставлению соответствующих консультаций по вопросам политики в сфере высшего образования [10].

Цели, задачи и типы бенчмаркинга в решении задач оценки национальных систем высшего образования. Цель реализуемой программы ОЭСР — формирование контрольных показателей эффективности систем высшего образования. Разработка показателей позволит решать следующие задачи:

- сравнивать между собой различные аспекты функционирования системы высшего образования;
- выявлять сильные и слабые стороны системы высшего образования в каждой стране;
- обеспечивать основу для взаимного обучения и самообучения;
- создавать базу данных для разработки стратегий повышения эффективности системы высшего образования стран.

Бенчмаркинг обеспечения эффективности системы высшего образования предлагается создавать на использовании трех его типов (табл. 1).

Таблица 1

Классификация бенчмаркинга для оценки национальных систем высшего образования

Типы бенчмаркинга	Краткая характеристика типов
Метрический бенчмаркинг	Используется информация для определения странами сильных и слабых сторон своих национальных систем высшего образования и сопоставления своих результатов с результатами других стран. Этот подход отличается от обычного метрического бенчмаркинга, когда организация определяет, насколько хорошо она работает по отношению к контрольной «цели»
Практический бенчмаркинг	Используется информация о практике деятельности национальных систем высшего образования для выяснения результативности собственной системы высшего образования и лучшего понимания причин, находящихся в основе имеющихся результатов. Этот подход позволяет определить, какие виды практики получают лучшие результаты, и помогает странам в осуществлении обмена новыми идеями развития национальных систем высшего образования
Бенчмаркинг политики	Используется информация о государственных политических системах, которые являются ключевым фактором полезности национальных систем высшего образования. Сопоставление политики различных государств направлено на лучшее понимание связей между политикой и результатами, на генерирование знаний и разработку новых стратегий для повышения эффективности работы национальной системы высшего образования.

Источник: составлено автором.

В таблице 1 представлены три типа бенчмаркинга, которые могут применяться в оценке эффективности и развитии национальных образовательных систем. Однако реальная жизнь гораздо богаче всех теоретических схем и классификаций. В реальной практике, безусловно, возможны и сочетания

представленных в таблице 1 типов, если это будет выгодно для развития высшего образования государства и отдельных образовательных учреждений. Их можно синтезировать в национальных моделях оценки эффективности деятельности системы высшего образования в стране.

Модель оценки эффективности системы высшего образования ОЭСР. Программа ОЭСР, краткое содержание которой представлено выше, опирается на долгую историю становления института оценки высшего образования и исходит из того, что система высшего образования страны находится в тесной связи с социально-экономическим положением государства, в свою очередь, порождает политику, направленную на удовлетворение потребностей общества в образовательных услугах [10]. Эти общественные потребности определяются сторонами, заинтересованными в развитии сферы высшего образования, которые требуют от политической системы действий по определению приоритетов. Приоритеты воплощаются в задачи, предназначенные для решения национальной системой высшего образования. Вложение ресурсов в образование (в университеты), в вузовскую науку (в научные исследования), в развитие системы взаимодействия заинтересованных в их деятельности сторон направлено на достижение поставленных государством целей в области развития экономики страны.

Результатом этих процессов являются продукты образовательных услуг, т. е. то, что высшее образо-

вание предоставляет внешнему миру: высококвалифицированные специалисты, публикации (научные монографии, статьи, учебники и учебные пособия), научные разработки. Это первый этап в деятельности национальной системы образования. На следующем этапе результаты деятельности вузов взаимодействуют с окружающей средой, что приводит к проявлению первичного (в результате потребления продукта индивидуумами) и вторичного (в результате потребления продуктов обществом) результатов потребления [17]. В конечном итоге ценность для индивидуумов и для общества описанных процессов и выявляемых эффектов потребления образовательных услуг и определяет результативность и эффективность национальных систем высшего образования.

Программа ОЭСР по бенчмаркингу содержит в себе последовательность этапов работы по организации оценки эффективности национальных систем высшего образования, которая позволяет концептуализировать и анализировать систему высшего образования для лучшего понимания процессов, связанных с деятельностью вузов и принятия стратегических решений по развитию системы высшего образования в стране (табл. 2).

Таблица 2

Последовательность этапов реализации модели оценки эффективности системы высшего образования

Направления оценки	Этапы оценки и их содержание	Решаемые задачи
Проблемы, потребности и актуализация политики	Социально-экономические вопросы (проблемы) вызывают необходимость действий правительства. Правительство (с заинтересованными сторонами) определяет потребности общества. Правительство преобразует потребности в политику и цели высшего образования (образовательные программы)	Актуализация — отвечают ли цели политики потребностям общества?
Конечный продукт и результативность	Ресурсы (например, финансовые и людские ресурсы) выделяются системе высшего образования (вузам и их программам). Вводимые ресурсы обеспечивают деятельность национальной системы высшего образования (вузов). Результатом этой деятельности являются непосредственные продукты и услуги вузов в области образования, исследований и взаимодействия	Экономика — сколько стоят вводимые ресурсы? Можно ли сэкономить ресурсы? Результативность: Как соотносятся результаты и затраты в системе высшего образования? Можно ли повысить эффективность системы?
Результаты и эффективность	Вводимые ресурсы направлены на достижение первичных эффектов потребления, которые непосредственно связаны с индивидуумами и состоянием самих университетов. Первичные эффекты потребления приводят к выявлению вторичных эффектов, которые потребляются обществом, как таковым. Такая связь приводит в конечном результате к социальному благополучию и устойчивости, которые отвечают потребностям общества и, следовательно, целям высшего образования	Социальная эффективность — приводят ли конечные продукты вузов к удовлетворению потребностей индивидуумов и общества? Можно ли усилить проявление первичных и вторичных эффектов от функционирования системы высшего образования? Экономическая эффективность — сколько стоит достижение желаемых результатов? Как она сопоставляется с результатами других национальных систем высшего образования? Социальное благополучие и устойчивость — насколько полезны результаты для удовлетворения потребностей общества? Могут ли результаты быть устойчивыми, то есть могут ли они стать устойчивой нормой?

Источник: адаптировано к OECD (2017) [14].

Основываясь на рекомендациях ОЭСР, национальные правительства получают не только сведения о положении своей национальной системы высшего образования в образовательном пространстве, но и возможность создавать, реализовывать и постоянно совершенствовать проекты государственной поддержки вузов.

Спрос на достоверную информацию об эффективности университетов в настоящее время, когда от национальных систем высшего образования зависит конкурентоспособность и благополучие страны, постоянно увеличивается. Сама система высшего образования часто имеет ограниченный контроль или вообще не контролирует некоторые процессы, влияющие на конечные результаты, например, социально-экономические тенденции, которые могут воздействовать на трудоустройство выпускников, результаты научных исследований и т. д. Вероятно, это и стало причиной усиления критики существующих способов оценки эффективности вузов, поскольку в центре обсуждения находятся вопросы ценности университетов с точки зрения академиче-

ского сообщества, установившего требования к различного рода рейтингам вузов на международном и национальном уровне, показатели которых и рассматриваются сегодня в качестве основы оценки эффективности. Это было бы верным, если бы не одно обстоятельство — государство, направляя средства бюджета в университеты, стремится усилить для общества в целом эффект от реализации услуг высшего образования. Проявление этого эффекта будет зависеть от состояния национальной системы в целом, а не отдельных университетов, входящих в ее состав. Оценить силу эффекта потребления услуг высшего образования, как показали исследования, возможно на основе бенчмаркинга — межстрановых сравнений лучших практик развития национальных систем высшего образования. Предлагаемый инструмент оценки позволяет не только вносить изменения в процессы развития отдельных университетов, как важнейших элементов национальной системы высшего образования, но и постоянно совершенствовать формы и методы ее государственной поддержки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Alstete, Jeffery W. «Benchmarking in Higher Education: Adapting Best Practices to Improve Quality.» ERIC Digest. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ericdigests.org/1997-3/bench.html> (дата обращения: 12.03.2018).
2. Воронцова Л. В. Формирование модели оценки эффективности управления транзакционными издержками образовательной отрасли // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 33–40.
3. Williams R., Leahy A., Rassenfosse G. D. and Jensen P. U21 Ranking of National Higher Education Systems 2016, University of Melbourne, Melbourne. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jerosystems.com/2016/servop.pdf>. (дата обращения: 12.03.2018).
4. Данилова Т. В. Бенчмаркинг как современный метод управления конкурентоспособностью вуза // Вестник ЧГУ. 2006. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/benchmarking-kak-sovremennyy-metod-upravleniya-konkurentosposobnostyu-vuza> (дата обращения: 17.03.2018).
5. Дука Н. А. Бенчмаркинг как метод сравнения образовательных практик // ЧиО. 2012. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/benchmarking-kak-metod-sravneniya-obrazovatelnyh-praktik> (дата обращения: 17.03.2018).
6. Евдокимова Е. Ш. Бенчмаркинг как методология совершенствования управления российскими вузами. Университетское управление: практика и анализ, Екатеринбург, 2005. № 4 (37). С. 27–38. [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52871/1/UM_2005_4_006.pdf (дата обращения: 12.03.2018).
7. ESMU (2008), A practical guide: Benchmarking in European Higher Education, European Centre for Strategic Management of Universities, Brussels. [Электронный ресурс]. URL: http://llp.iugaza.edu.ps/Files_Uploads/634956737013680415.pdf (дата обращения: 12.03.2018).
8. Johnston R., Clark G. and Shulver M. Service Operations Management: Improving Service Delivery, Financial Times/ Prentice Hall, Harlow. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jerosystems.com/2016/servop.pdf>. (дата обращения: 17.03.2018).
9. Князев Е. А., Евдокимова Я. Ш. Бенчмаркинг для вузов: учебно-методическое пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2006. 208 с. [Электронный ресурс]. URL: https://ioe.hse.ru/data/2016/07/27/1118876764/Князев%20Евдокимова_Бенчмаркинг%20вузов_УМП_2006.pdf (дата обращения: 02.02.2018).

10. Крохмаль Л. А. Концептуальные основы совершенствования системы государственной поддержки высшего образования: дисс. ... д. э.н. Владивосток, 2019. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/ProEconomist/Downloads/Диссертация%20Крохмаль%20Л.А.pdf (дата обращения: 21.07.2019).
11. Meade P. H. A guide to benchmarking. The University of Otago 1998. [Электронный ресурс]. URL: https://planning.curtin.edu.au/local/docs/Guide_to_Benchmarking_Oct2007.pdf. (дата обращения: 17.03.2018).
12. Mok K., Welch A. Globalization and Educational Restructuring in the Asia Pacific Region. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/profile/Anthony_Welch3/publication/304769569_Globalization_Structural_Adjustment_and_Educational_Reform/links/578d7fb808ae7a588ef3e305/Globalization-Structural_Adjustment-and-Educational-Reform.pdf#page=349. (дата обращения: 07.02.2018).
13. National Association of College and University Business Officers [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nacuboannualmeeting.org/>
14. OECD (2017), Benchmarking higher education system performance: Conceptual framework and data, Enhancing Higher Education System Performance, OECD Paris. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/Benchmarking%20Report.pdf> (дата обращения: 17.03.2018).
15. Подопригора М. Г. Механизм стратегического управления конкурентоспособностью вуза на рынке образовательных услуг на основе бенчмаркинга и методики распознавания образов: монография. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. 216 с.
16. Рубинштейн А. Я. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.
17. Рубинштейн А. Я. К вопросу расширения «Чистой теории общественных расходов». М., 2007. 55 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Rubinstein_report.pdf. (дата обращения: 27.07.2016).
18. Джамиль С. Создание университетов мирового класса / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009. 132 с.
19. Скотт П. Международное высшее образование и «неолиберальный разворот» // Международное высшее образование. 2017. № 84. Международные темы. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/ProEconomist/Downloads/2965-%23%23default.genres.article%23%23-3452-1-1-20170216%20(1).pdf. Дата обращения: 07.01.2018
20. Трещёв А. М. Бенчмаркинг как инструмент управления университетом // Вестник КГУ. 2011. № 5–6. file:///C:/Users/ProEconomist/Downloads/2965-%23%23default.genres.article%23%23-3452-1-1-20170216%20(1).pdf. <https://cyberleninka.ru/article/n/benchmarking-kak-instrument-upravleniya-universitetom> (дата обращения: 17.03.2018).

REFERENCES

1. Alstete, Jeffery W. "Benchmarking in Higher Education: Adapting Best Practices to Improve Quality." ERIC Digest.: <https://www.ericdigests.org/1997-3/bench.html> (дата обращения: 12.03.2018).
2. Vorontsova L. V. Formirovanie modeli otsenki "effektivnosti upravleniya transaktsionnymi izderzhkami obrazovatel'noj otrasli // Aktual'nye problemy "ekonomiki i prava. 2013. № 2 (26). С. 33–40.
3. Williams, R., A. Leahy, G. d. Rassenfosse and P. Jensen (2016), U21 Ranking of National Higher Education Systems 2016, University of Melbourne, Melbourne.: <https://www.jerosystems.com/2016/servop.pdf> (дата обращения: 12.03.2018).
4. Danilova T. V. Benchmarking kak sovremennyy metod upravleniya konkurentosposobnost'ju vuza // Vestnik ChGU. 2006. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/benchmarking-kak-sovremennyy-metod-upravleniya-konkurentosposobnostyu-vuza> (дата обращения: 17.03.2018).
5. Duka N. A. Benchmarking kak metod sravneniya obrazovatel'nyh praktik // ChiO. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/benchmarking-kak-metod-sravneniya-obrazovatelnyh-praktik> (дата обращения: 17.03.2018).
6. Evdokimova E. Sh. Benchmarking kak metodologiya sovershenstvovaniya upravleniya rossijskimi vuzami. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz, Ekaterinburg, 2005. № 4 (37). С. 27–38: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52871/1/UM_2005_4_006.pdf (дата обращения: 12.03.2018).
7. ESMU (2008), A practical guide: Benchmarking in European Higher Education, European Centre for Strategic Management of Universities, Brussels.: http://llp.iugaza.edu.ps/Files_Uploads/634956737013680415.pdf (дата обращения: 12.03.2018).

8. Johnston, R., G. Clark and M. Shulver (2012), *Service Operations Management: Improving Service Delivery*, Financial Times/Prentice Hall, Harlow.: <https://www.jerosystems.com/2016/servop.pdf> (дата обращения: 17.03.2018).
9. Knjazev E. A., Evdokimova Ja. Sh. *Benchmarking dlja vuzov: Uchebno-metodicheskoe posobie*. — М.: Universitetskaja kniga, Logos, 2006. — 208 с.: https://ioe.hse.ru/data/2016/07/27/1118876764/Князев%20Евдокимова_Бенчмаркинг%20вузов_УМП_2006.pdf (дата обращения: 02.02.2018).
10. Krohmal' L. A. *Kontseptual'nye osnovy sovershenstvovanija sistemy gosudarstvennoj podderzhki vysshego obrazovanija*. Dissertatsija na soiskanie uchenoj stepeni doktora "ekonomicheskikh nauk, Vladivostok — 2019. Режим доступа: <file:///C:/Users/ProEconomist/Downloads/Диссертация%20Крохмаль%20Л.А.pdf> (дата обращения: 21.07.2019).
11. Meade P. H. *A guide to benchmarking*. The University of Otago 1998.: https://planning.curtin.edu.au/local/docs/Guide_to_Benchmarking_Oct2007.pdf (дата обращения: 17.03.2018).
12. Mok K., Welch A. *Globalization and Educational Restructuring in the Asia Pacific Region*. Электронный доступ: https://www.researchgate.net/profile/Anthony_Welch3/publication/304769569_Globalization_Structural_Adjustment_and_Educational_Reform/links/578d7fb808ae7a588ef3e305/Globalization-Structural-Adjustment-and-Educational-Reform.pdf#page=349. Дата обращения: 07.02.2018
13. National Association of College and University Business Officers. <http://www.nacuboannualmeeting.org/>
14. OECD (2017), *Benchmarking higher education system performance: Conceptual framework and data, Enhancing Higher Education System Performance*, OECD Paris.: <http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/Benchmarking%20Report.pdf> (дата обращения: 17.03.2018).
15. Podoprigora, M. G. *Mehanizm strategicheskogo upravlenija konkurentosposobnost'ju vuza na rynke obrazovatel'nyh uslug na osnove benchmarkinga i metodiki raspoznavanija obrazov: monografija*. — Taganrog: Izdatel'stvo TTI JuFU, 2011. 216 с.
16. Rubinshtejn A. Ja. «`Ekonomika obschestvennyh preferentsij. Struktura i "evoljutsija sotsial'nogo interesa". SPb.: Aletejja, 2008. 560 с.
17. Rubinshtejn A. Ja. *K voprosu rasshirenija "Chistoj teorii obschestvennyh rashodov" (nauchnyj doklad)*. — М., 2007. — 55 с. http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Rubinstein_report.pdf (дата обращения: 27.07.2016).
18. Salmi Dzhamil". *Sozdanie universitetov mirovogo klassa/Dzhamil" Salmi; per. s angl. М.: Izdatel'stvo "Ves' Mir", 2009. 132 с.*
19. Skott P. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie i "neoliberal'nyj razvorot". Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie. № 4. 2017. Mezhdunarodnye temy.: file:///C:/Users/ProEconomist/Downloads/2965-%23%23default.genres.article%23%23-3452-1-1-20170216%20(1).pdf* (дата обращения: 07.01.2018).
20. Treschjov A. M. *Benchmarking kak instrument upravlenija universitetom // Vestnik KGU. 2011. № 5–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/benchmarking-kak-instrument-upravleniya-universitetom* (дата обращения: 17.03.2018).

Поступила в редакцию: 16.07.2019

Принята к печати: 15.08.2019

ПОКОМПОНЕНТНАЯ ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА: ОПЫТ КАЗАХСТАНА

А. С. Кулмаганбетова¹, И. Н. Дубина², Ж. Б. Рахметулина¹

¹ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

² Новосибирский национальный исследовательский университет (Новосибирск, Россия)

В данной статье представлен экономический анализ динамики и современного состояния инновационного потенциала субъектов малого и среднего бизнеса Республики Казахстан по следующим направлениям и компонентам: ресурсная составляющая инновационного потенциала (производственные, финансовые, кадровые, научно-технические ресурсы) и результативная составляющая инновационного потенциала (число инновационно активных предприятий малого и среднего бизнеса и объемов их инновационной продукции). Для анализа использованы официальные статистические данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан за период 2007–2017 гг. Представленный подход может быть применен для сравнительного анализа, выявления причин, факторов и тенденций развития инновационного потенциала других стран с развивающейся экономикой.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, малые и средние предприятия, инновационный потенциал, оценка, Казахстан.

COMPONENT ASSESSMENT OF INNOVATION POTENTIAL OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES: A CASE OF KAZAKHSTAN

A. S. Kulmaganbetova¹, I. N. Dubina², Zh. B. Rakhmetulina¹

¹ Eurasian National University. L. N. Gumileva (Nur-Sultan, Kazakhstan)

² Novosibirsk National Research University (Novosibirsk, Russia)

This paper presents economic analysis of the dynamics and current state of the innovation potential of small and medium-sized enterprises of the Republic of Kazakhstan in the following areas and components: the resource component of the innovation potential (production, financial, HR, R&D and technical resources) and the efficiency component of the innovation potential (a number of innovative SMEs and the volume of their innovative products). For this analysis, the authors use the official statistics of the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan for the period of 2007 to 2017. The presented approach can be applied for comparative analysis, identifying the causes, factors and trends in the development of innovation potential of other developing economies.

Keywords: small and medium-sized enterprises, SME, innovation potential, assessment, Kazakhstan.

Эффективность использования инновационного потенциала определяется не только уровнем научных исследований и разработок, но и совокупностью соответствующих технических, производственных, организационных, маркетинговых, финансовых операций, включенных в инновационные процессы. В данной статье пред-

ставлен экономический анализ инновационного потенциала субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ) Республики Казахстан (РК) по следующим направлениям и компонентам: выделение и применение которых обосновано в работах авторов [1–4]:

— оценка ресурсной составляющей инновационного потенциала, а именно оценка

- оценка *результативной составляющей* инновационного потенциала, выраженная через рост числа инновационно-активных предприятий в МСБ; рост объемов инновационной продукции и т. д.

Для анализа использованы официальные статистические данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан за период 2007–2017 гг.

Оценивая *производственные ресурсы* субъектов малого и среднего бизнеса республики, можно отметить, что динамика изменения наличия основных фондов по данным предприятиям за 2007–2016 гг. имеет положительную тенденцию (рис. 1).

Рис. 1. Динамика изменения наличия основных фондов предприятий МСБ РК, 2007–2016 гг. (составлено авторами по данным [1])

Увеличение объема основных фондов преимущественно происходило за счет малых предприятий, доля которых в общей стоимости основных фондов составила в 2016 г. 71,5% (табл. 1). Важно отметить, что такая тенденция намечается за по-

следние три года, когда с 2014 г. наблюдается резкое изменение соотношения основных фондов малых и средних предприятий в сторону увеличения доли малых предприятий.

Таблица 1

Наличие основных фондов малых и средних предприятий РК

Годы	Всего по малым и средним предприятиям, млн тг	По малым предприятиям, млн тг	Доля, %	По средним предприятиям, млн тг	Доля, %
2007	4824683,4	2457437,5	50,9	2367245,9	49,1
2008	5649548,8	2921839,6	51,7	2727709,2	48,3
2009	8048351,2	3903803,4	48,5	4144547,8	51,5
2010	10895750,9	5308990,4	48,7	5586760,5	51,3
2011	10899715,2	5536435,9	50,8	5363279,3	49,2
2012	13301937,5	6746817,5	50,7	6555120,0	49,3
2013	13788147,6	6418896,3	46,5	7369251,3	53,5
2014	17981968	13006353,9	72,3	4975614,1	27,7
2015	30679121,5	24073905,5	78,4	6605216,0	21,6
2016	37613825,4	26913380,4	71,5	10700445,0	28,5

Примечание. Составлено авторами по данным [1].

Для полноты оценки проведем анализ структуры основных фондов за 2017 г. Около половины фондов приходится на долю основных средств

(49,2%), значительны доля машин и оборудования (21,1%) и доля сооружений (10%). В структуре основных фондов малых и средних предприятий

РК незначительны доли биологических активов (0,16%) и нематериальных активов (1,57%), что показывает низкий уровень обеспеченности

объектами интеллектуальной собственности рассматриваемых предприятий (табл. 2).

Таблица 2

Структура основных фондов субъектов МСБ РК за 2017 г.

Виды основных фондов	Наличие на начало года, млн тг	Структура основных фондов, %
Основные средства	18703473,9	49,2
Здания	2106488,3	5,5
Сооружения	3835203,5	10
Машины и оборудования	8035519,1	21,1
Прочие основные средства	4640004	12,2
Биологические активы	63536,1	0,16
Нематериальные активы	599757,9	1,57
Всего:	37983982,8	100

Примечание. Составлено авторами по данным [1].

Для оценки производственных ресурсов важен также анализ динамики *объема инвестиций* в основной капитал. В целом, за последние 5 лет эта динамика по республике положительна (рис. 2). По малым предприятиям также наблюдается рост объема инвестиций за исключением незначитель-

ного снижения в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом. По средним предприятиям начиная с 2015 г. пошел рост инвестиций, хотя в 2014 г. по сравнению с 2013 г. был резкий спад их объема (на 42,7%), что, возможно, является последствием мирового финансового кризиса.

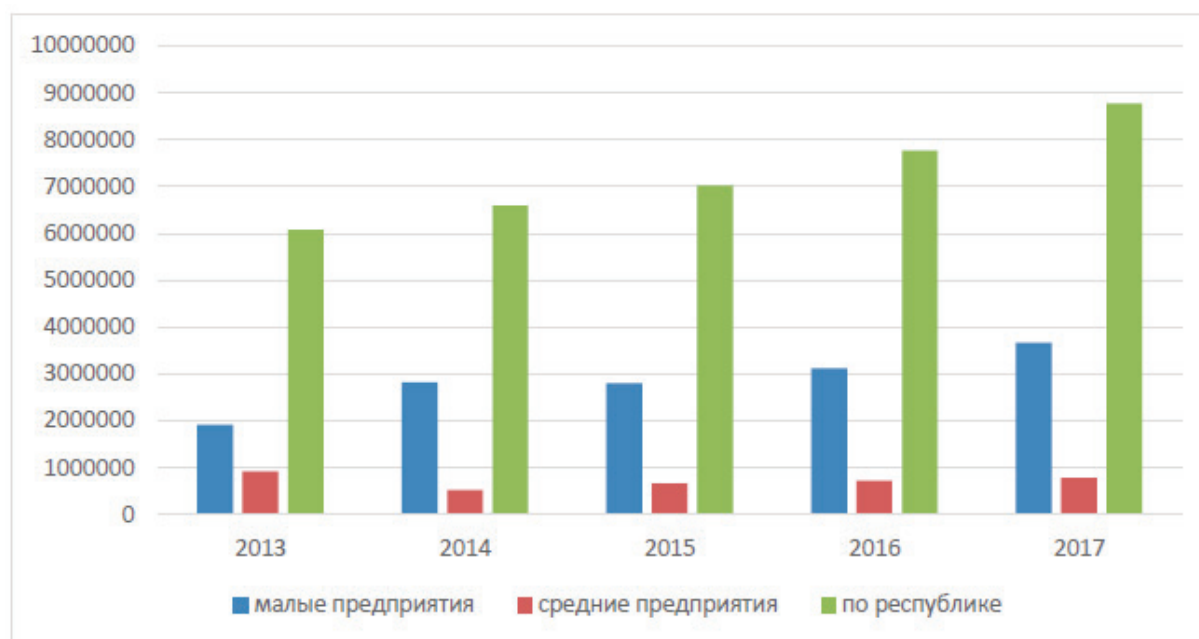

Рис. 2. Изменения объема инвестиций в основной капитал, млн тг (составлено авторами по данным [1])

Обеспеченность субъектов малого и среднего бизнеса *инвестиционными ресурсами* также влияет на финансовую составляющую их инновационного потенциала, которая предполагает оценку источников финансовых ресурсов, оценку состава и структуры капитала, оценку финансовых результатов деятельности субъектов МСБ.

По данным Глобального мониторинга предпринимательства в 2015 г. [2], казахстанские эксперты оценили возможность получения финансирования через размещение акций намного выше (3,38), чем в 2014 г. (2,0), а в 2016 г. оценка этого параметра была еще более высокой (3,57). Аналогичным образом средняя оценка по финансиро-

ванию в долг значительно выросла с 2,51 в 2014 г. до 4,78 в 2016 г. Оценка экспертами возможности долгового финансирования выше оценки финансирования через размещение акций. Данные оценки отражают казахстанскую действительность, где долговое финансирование намного более доступно, чем финансирование посредством размещения акций. В 2016 г. казахстанские эксперты также высоко оценили доступность государственных субсидий для новых и развивающихся компаний (6,51) в сравнении с 2015 г. (4,11) и 2014 г. (2,74). Доступность неформального финансирования также была оценена высоко в 2016 г. (6,16) относительно показателей 2015 г. (5,15) и 2014 г. (2,27). Схожая тенденция наблюдается в оценках финансирования бизнес-ангелами: показатели 2016 г. (5,16) были выше в сравнении с 2015 г. (3,21) и 2014 г. (1,82). Показатели финансирования венчурными инвесторами также намного выше в 2016 г. (4,51), чем в 2015 г. (3,50) и 2014 г. (1,74). Схожая динамика характеризует оценку экспертами возможности финансирования посредством IPO: в 2014 г. — 2,00, в 2015 г. — 2,79 и в 2016 г. — 3,19. Следует также отметить, что доступность краудфандинга получила благоприятную оценку в 2016 г. (5,3) в сравнении с 2015 г. (3,87) и 2014 г. (2,51) [2].

Оценка инновационного потенциала также определяет важность оценки *финансовых ресурсов*, что является одной из необходимых компонентов и условий для инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Как показывает таблица 3, баланс малых предприятий в конце 2017 г. вырос на 10,1% по сравнению с началом года, что обусловлено в первую очередь изменением структуры обязательств данных предприятий. Так, в структуре активов малых предприятий соотношение краткосрочных и долгосрочных активов на начало 2017 г. составляет примерно 1:1, что означает равнозначность краткосрочных и долгосрочных активов в деятельности малых предприятий и благоприятно влияет на их финансовое состояние. На конец периода данное соотношение сохраняется.

Изменения в структуре обязательств малых предприятий произошли за счет снижения доли долгосрочных обязательств и увеличения доли краткосрочных обязательств и капитала. На конец 2017 г. в структуре обязательств малых предприятий долгосрочные обязательства составили 22,1%, что меньше на 2,3% по сравнению с началом отчетного периода. Краткосрочные обязательства к концу года увеличились на 0,4%, а капитал на 1,9%, что также является признаком улучшения финансового состояния малых предприятий (табл. 3).

Таблица 3

Состав и структура финансовых ресурсов субъектов малого бизнеса за 2017 г.

Показатели	Сумма, млн тг		Структура, %	
	На начало года	На конец года	На начало года	На конец года
Долгосрочные активы	31658598,7	34832708,6	50,2	50,2
Краткосрочные активы	31369568,5	34592917	49,8	49,8
Баланс	63028167,3	69425625,6	100	100
Долгосрочные обязательства	15394371,7	15377507,4	24,4	22,1
Краткосрочные обязательства	27999194,7	31119411,7	44,4	44,8
Капитал	19634600,9	22928706,5	31,2	33,1
Баланс	63028167,3	69425625,6	100	100

Примечание. Составлено авторами по данным [1].

Важным направлением оценки финансовой деятельности хозяйствующих субъектов является

оценка результатов финансово-хозяйственной деятельности (табл. 4).

Таблица 4

Анализ финансовых результатов деятельности предприятий МСБ РК, 2015–2017 гг., млн тг

Показатели	Годы			Изменение (+, –)	
	2015	2016	2017	2016 / 2015	2017 / 2016
Доход от реализации	16540444,2	22243125,4	27558315,3	5702681,2	5315189,9
Доход от финансирования	353824,4	420220,3	639617,9	66395,9	219397,6
Прочие доходы	2358949,8	3883636	2426890,5	1524686,2	–1456745,5
Себестоимость реализованной продукции и оказанных услуг	11795792,6	16054797,2	19856101,6	4259004,6	3801304,4

Окончание таблицы 4

Показатели	Годы			Изменение (+, –)	
	2015	2016	2017	2016 /2015	2017 /2016
Валовая прибыль	4744651,5	6188328,2	7702213,7	1443676,7	1513885,5
Расходы по реализации продукции и оказания услуг	1 225 288,5	1 900 334,8	2 076 075,8	675 046,3	175 741
Административные расходы	2 451 791,7	2 761 056,1	2 912 814,7	309 264,4	196 758,6
Расходы на финансирование	560 978,6	812 205	782 985	251 226,4	–29 220
Прочие расходы	4 120 433,1	3 377 943	3 713 093,3	–742 490	335 150,3
Итоговая прибыль (убыток)	–1 406 747,8	1 149 159	655 054,9	2555906,8	–494 104,1

Примечание. Составлено авторами по данным [1].

Основным источником дохода малых предприятий являются доход от реализации продукции и оказания услуг (90%), незначительна доля доходов от финансирования (2,1%) и доля прочих доходов (доходы от выбытия активов, доходы от курсовой разницы и др.) составила 7,9%.

Динамика изменения доходов малых предприятий за последние 10 лет нестабильна (рис. 3).

Если в период 2008–2010 гг. наблюдается положительная динамика, то 2010–2013 гг. наблюдаются перепады, начиная с 2014 по 2017 г. снова можно увидеть рост доходов малых предприятий РК. Рост доходов малых предприятий в 2017 г. по сравнению с показателем десятилетней давности составил почти в 3,5 раза, что очень значительно для роста их финансового потенциала.

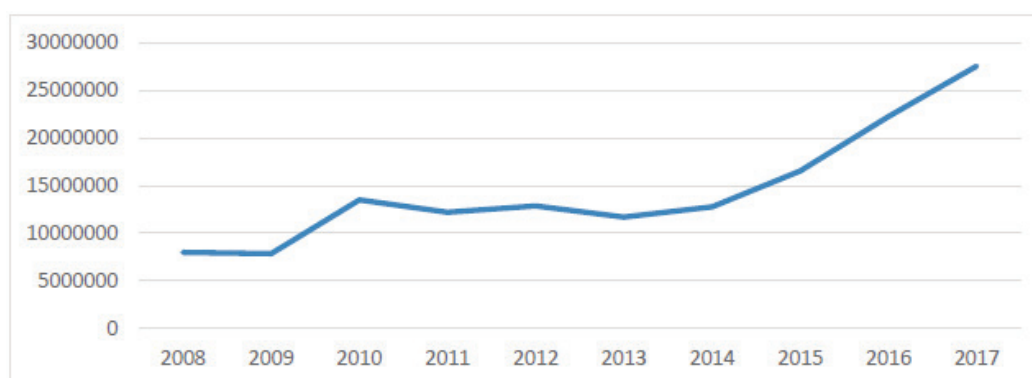

Рис. 3. Динамика изменения доходов малых предприятий РК, 2008–2017 гг. (составлено авторами по данным [1])

В структуре расходов за 2017 г. административные расходы составляют 31%, расходы по реализации продукции и оказания услуг — 22%, расходы на финансирование — 8% и прочие расходы — 39%.

Для оценки финансовых ресурсов важную роль играет оценка финансовой устойчивости предприятий, которую характеризует соотношение заемных и собственных средств, а также долгосрочных и краткосрочных источников средств (табл. 5).

Таблица 5

Показатели финансовой устойчивости малых предприятий РК

Показатели	Годы			Изменение (+, –)	
	2015	2016	2017	2017 /2016	2016 /2015
Собственный капитал, млн тг	18 498 287	19 266 511	22 928 706,5	3 662 195,5	768 224
Заемный капитал, млн тг	3 773 808,6	3 803 684,4	4 649 691,1	846 007,1	298 762,4
Баланс, млн тг	56 236 368,6	57 303 355	69 425 625,6	12 122 270,6	10 669 86,4
Оборотные средства, млн тг	19 793 830	26 300 243,5	34 592 917	8 292 673,5	6 506 413,5
Прибыль (убыток), млн тг	–1 406 747,8	1 149 159	655 055	–494 104	2 555 906,8

Окончание таблицы 5

Показатели	Годы			Изменение (+, -)	
	2015	2016	2017	2017 /2016	2016 /2015
Коэффициент соотношения привлеченных и собственных средств	2,04	1,97	2,03	0,06	-0,07
Коэффициент автономии (платежеспособности)	0,33	0,33	0,33	0	0
Коэффициент маневренности собственных средств	1,07	1,36	1,5	0,14	0,29
Коэффициент эффективности использования собственных средств	-	0,06	0,03	-0,03	-

Примечание. Составлено авторами по данным [1].

Коэффициент соотношения заемных и собственных средств характеризует структуру финансовых ресурсов предприятий. За последние три года данный коэффициент больше нормативного предела (1), что является негативным показателем для финансовой устойчивости малых предприятий в Казахстане и означает преобладание заемных средств над собственным капиталом, когда собственного капитала недостаточно для покрытия заемных средств.

Коэффициент автономии характеризует долю средств, вложенных собственниками предприятий в общую стоимость имущества. Этот коэффициент составляет 0,33 все три года, что ниже нормально минимального значения (0,5), и также показывает низкую возможность предприятий погашать свои обязательства за счет собственных источников.

Коэффициент маневренности показывает долю собственных средств, вложенных в оборотные активы. Значение данного коэффициента в 2017 г. составило 1,5 (>0.2), что показывает высокий уровень гибкости использования собственного капитала за счет оборотных средств, и оно имеет тенденцию к повышению по отношению к прошлым периодам. В 2017 г. данный коэффициент вырос на 0,14 по сравнению с 2016 г., а по сравнению с 2015 г. — на 0,43.

Коэффициент эффективности использования собственных средств показывает, сколько прибыли дает 1 тенге собственных средств. Нормальным значением этого коэффициента считается значение не менее 0,4. Как показали расчеты, данный коэффициент в 2017 г. составил 0,03, что является очень низким по сравнению с нормативным его значением. К тому же он снизился на 0,03 по сравнению с предыдущим 2016 г., а в 2015 г. малые предприятия и вовсе были в убытке.

В целом анализ показал низкий уровень финансовой устойчивости малых предприятий в Казахстане, несмотря на ежегодное увеличение как собственного капитала, так и оборотных

средств. Основной причиной является растущая доля заемного капитала в структуре всего имущества малых предприятий, а именно в 2016 г. — 66,4%, в 2017 г. она выросла на 0,6%. Данный факт говорит о том, что основным источником финансирования малых предприятий в Казахстане являются заемные средства, что сильно влияет на финансовый потенциал их инновационной деятельности.

В условиях перехода казахстанской экономики на инновационное развитие роль *кадровых ресурсов* малого и среднего бизнеса постоянно усиливается. Это связано, с одной стороны, с тем, что такой бизнес является хорошей стартовой площадкой для реализации инновационных идей, а с другой — наиболее перспективные кадры в этом отношении ориентируются на более высокие доходы и заработную плату, что в конечном итоге приводит их переходу в крупные компании, где они смогут получить эти привилегии.

Одним из важных направлений формирования *кадрового потенциала* инновационной деятельности МСБ является целевая подготовка кадров для данного сектора экономики. По данным Комитета по статистике МНЭ РК [1], среди основных причин, по которым не осуществлялась инновационная деятельность на предприятиях, выделяется нехватка компетентного персонала (3,7% от общего числа респондентов). С целью выявления качественного и количественного состава кадров инновационной деятельности субъектов МСБ нами был проведен анализ основных показателей обеспеченности кадрами МСБ РК.

Динамика изменения доли занятых в малом и среднем бизнесе в общей занятости в 2008–2017 гг. нестабильна. В ней можно выделить два цикла: 1) 2008–2010 гг. — рост, 2010–2012 гг. — снижение; 2) 2012–2015 гг. — рост, 2015–2017 гг. — снижение. В 2013–2017 гг. находилась на уровне 34% (рис. 4).

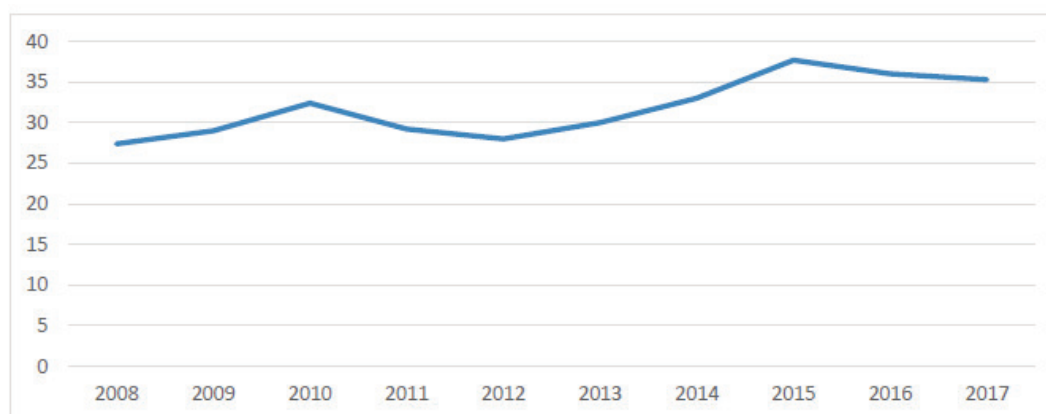

Рис. 4. Доля занятых в МСБ РК в 2008–2017 гг., % (составлено авторами по данным [1])

В 2015 г. доля занятых в малом и среднем бизнесе возросла до 37%, на что в том числе оказала влияние реклассификация средних предприятий, вследствие чего значительное количество средних предприятий перешли в категорию малых. Таким образом, занятость в малом бизнесе возросла не благодаря росту их активности, а из-за изменения критериев отнесения к малым и средним предприятиям. В то время как более половины занятых в развитых странах концентрируются в малом бизнесе, их доля в Казахстане находится на невысоком уровне и не растет. В городах Астане (Нур-Султан) и Алматы доля занятых в малом и среднем бизнесе достигает 70%, тогда как по регионам варьирует от 20 до 40%. В последнем отчете стран экономик переходного периода, опубликованном ЕБРР, отмечается низкая инновационность и эффективность малых предприятий в сравнении с более крупными компаниями, что не позволяет им расти. В свою очередь, крупные компании демонстрируют большие способности к повышению про-

изводительности до уровня развитых стран. Решение вопроса повышения продуктивности малых предприятий видится в их более тесной интеграции в глобальную экономику, встраивании в цепочки добавленной стоимости, положительном влиянии конкуренции при адекватном уровне инвестиций в инновации и технологии.

Анализ численности работников МСБ, занятых НИОКР, показывает, что в 2017 г. доля работников МСП, выполнявших НИОКР, составила 50% в общей численности работников НИОКР по республике, в то время как максимальный уровень по данному показателю соответствует 70,1% в 2010 г., что является достаточно высоким, учитывая низкую долю (всего лишь 35%) занятых в МСБ. С 2010 по 2015 г. ежегодно снижалась в среднем на 4%, что в первую очередь связано со снижением темпов роста численности работников МСП, занятых НИОКР по сравнению с темпами роста численности работников, занятых НИОКР в целом по республике (рис. 5).

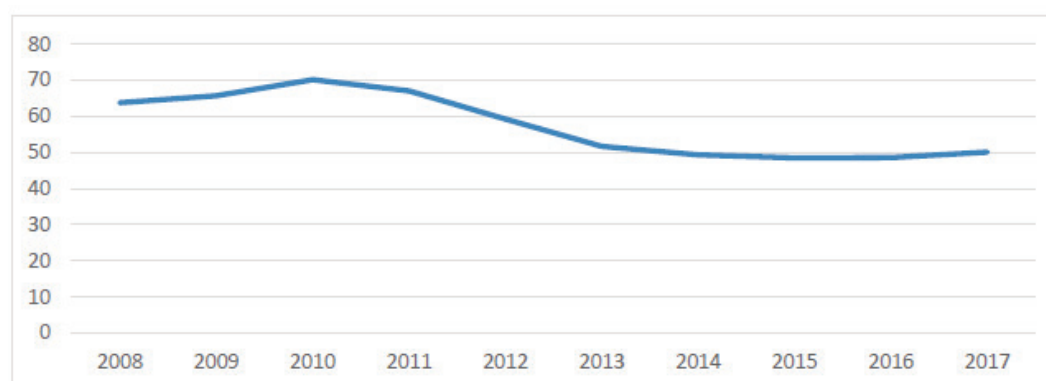

Рис. 5. Доля работников МСП, выполнявших НИОКР в 2008–2017 гг., % (составлено авторами по данным [1])

Одним из важных показателей кадровой составляющей инновационного потенциала хозяйствующих субъектов является наличие спе-

циалистов-исследователей, которые выступают основными субъектами разработки и реализации инноваций. За последние 10 лет динамика

изменения численности специалистов-исследователей имеет две тенденции (рис. 6). Во-первых, значительное увеличение в период 2009–2014 гг., что явилось следствием увеличения государственных расходов на финансирование сферы науки, во-вторых, наблюдается уменьшение за последние

3 года. Основной причиной послужило радикальное сокращение штатов организации в сфере науки на фоне усиления кризисных явлений в экономике. Больше всего пострадали организации, занимающиеся инженерными изысканиями, техническими испытаниями, НИОКР.

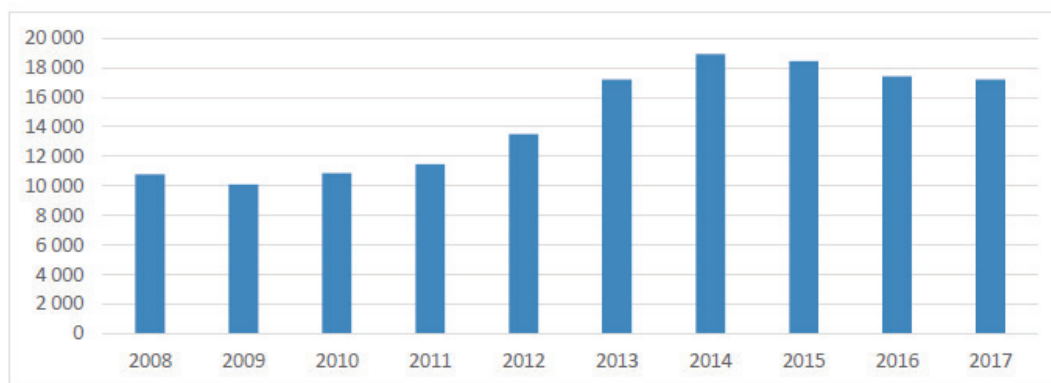

Рис. 6. Динамика численности специалистов-исследователей по республике, 2008–2017 гг. (составлено авторами по данным [1])

Важным фактором кадровой обеспеченности инновационной деятельности является уровень среднемесячной заработной платы, который определяет возможность привлечения необходимых кадров в разработку и реализацию инновационных идей в малом и среднем бизнесе. Так, анализ уровня заработной платы показал низкий его уровень в МСБ по отношению к уровню заработной платы по всей республике (рис. 7). В 2017 г.

данный показатель находился на уровне 77%, что ниже на 2% по сравнению с 2016 г. и на 7,3% ниже, чем в 2015 г. Основная причина такого соотношения — разные темпы роста средней заработной платы по республике и средней заработной платы в МСБ. Так, в 2017 г. в целом по республике средняя заработная плата выросла на 7200 тг, то время как в МСБ — всего лишь на 2700 тг, это на 2,6 раза меньше.

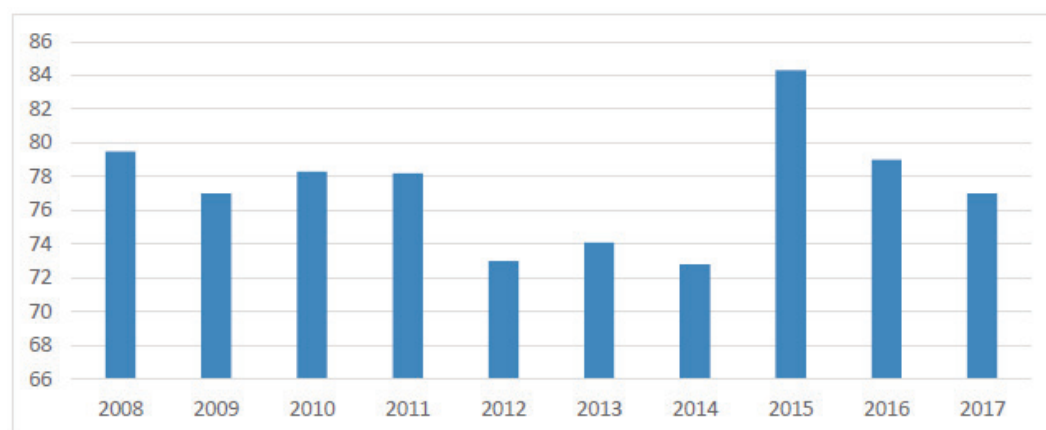

Рис. 7. Уровень среднемесячной заработной платы в МСБ РК в 2008–2017 гг., % (составлено авторами по данным [1])

С целью выявления научно-технического потенциала субъектов МСБ РК нами проанализиро-

ваны объемы затрат на НИОКР малых и средних предприятий в РК (рис. 8).

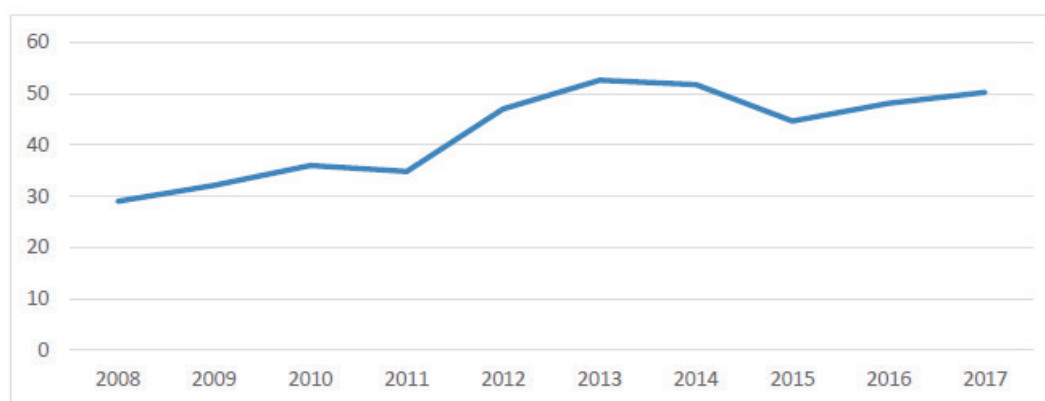

Рис. 8. Затраты на НИОКР малых и средних предприятий РК в 2008–2017 гг., млн тг (составлено авторами по данным [1])

За последние 3 года наблюдается рост затрат на НИОКР малых и средних предприятий в среднем на 2,5 млн тенге ежегодно. В 2017 г. по сравнению с предыдущим годом эти затраты увеличились на 4,4%, по сравнению с 2015 г. — на 12,5%. Если сравнить с показателем десятилетней давности, то увеличение произошло на 73%, это больше на 1,7 раза. В целом динамика изменения затрат на НИОКР малых и средних предприятий имеет положительную тенденцию, что может благоприятно повлиять на рост научного потенциала субъектов МСБ.

В структуре затрат на НИОКР около 74% составляют внутренние затраты, из них 45,8% составили затраты на оплату труда, 12,3% — на приобретение услуг, 10,5% — затраты на основные средства и соответственно прочие текущие затраты — 31,4%. По секторам деятельности в структуре внутренних затрат на НИОКР наибольшие затраты (41,6%) приходятся на долю предпринимательского сектора, 30,4% — на долю государственного сектора, 19,1% — на долю высшего про-

фессионального образования и значительна доля некоммерческого сектора (8%).

Кроме того, в финансировании внутренних затрат на НИОКР одним из основных источников является государственный бюджет (59%), в том числе 54,4% средств носят программно-целевой характер, 37,8% — в виде грантового финансирования и 7,8% составляет базовое финансирование.

В зависимости от видов работ в структуре внутренних затрат на НИОКР 15,6% приходится на долю фундаментальных исследований, 59,4% — на долю прикладных исследований, 21,5% — проектно-конструкторские и технологические работы, 2,1% — проектные работы для строительства, 1,4% — изготовление опытных образцов, партий изделий.

Для оценки научно-технического потенциала инновационной деятельности нами был проведен анализ наличия организаций в Казахстане, занимающихся НИОКР (рис. 9), так как эти организации составляют основную инфраструктуру для научных разработок и исследований.

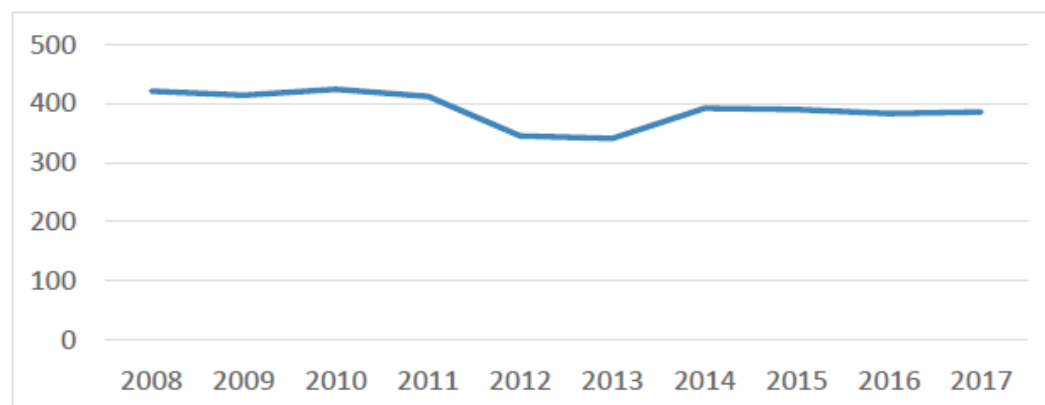

Рис. 9. Динамика изменения количества организаций, осуществлявших НИОКР в 2008–2017 гг., единиц (составлено авторами по данным [1])

За последние 10 лет динамика изменения количества организаций, осуществлявших НИОКР в республике, имеет тенденцию к снижению. Только за последний 2017 г. по сравнению с предыдущим количество этих организаций выросло на 0,8% (3 единицы), а по сравнению с 2008 г. меньше на 38 единиц, что также негативно влияет на научно-технологический потенциал инновационной деятельности.

Анализ *результативной составляющей* инновационного потенциала субъектов МСБ РК предполагает выявление уровня производства инновационной продукции МСП, доли произведенной инновационной продукции МСП в общем объеме инновационной продукции по республике. Так,

за последние 10 лет объем произведенной инновационной продукции субъектами МСБ в республике в среднем ежегодно увеличивался на 30%, доля которой в 2017 г. в общем объеме инновационной продукции, произведенной в республике составила 53,4% (рис. 10). Положительная тенденция в динамике изменения объема произведенной инновационной продукции МСП является результатом успешной реализации государственной Программы индустриально-инновационного развития, в рамках которой государством активно поддерживалась и финансировалась реализация инновационных проектов в различных отраслях экономики.

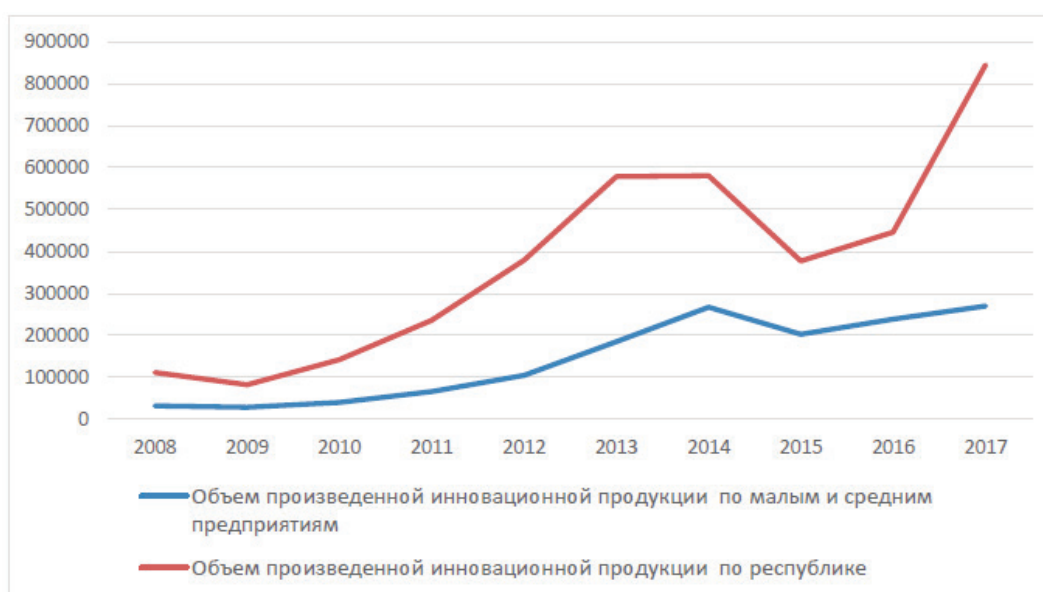

Рис. 10. Динамика изменения объема произведенной инновационной продукции субъектами МСБ РК в 2008–2017 гг., млн тг (составлено авторами по данным [1])

Также для оценки инновационного потенциала субъектов МСБ важен показатель их инновационной активности. По данным 2017 г. инновационная активность малых и средних предприятий Казахстана находится на уровне 8%, это очень низкий показатель. Для сравнения, в развитых странах инновационная активность малых и средних предприятий находится в пределах от 50 (США) до 80% (Германия).

Как показал опрос предприятий республики, проводимый на постоянной основе Комитетом по статистике МНЭ РК, среди основных причин, сдерживающих инновационную деятельность, находится недостаток финансовых средств (39% опрошенных), отсутствие спроса на инновации (35,2%), отсутствие необходимости вследствие более ранних инноваций (8,5%) (рис. 11).

Одним из показателей низкого уровня инновационной активности субъектов МСБ является сни-

жение доли инновационной продукции в общем объеме выпуска продукции субъектами МСБ в РК. За последние 5 лет доля инновационной продукции в общем объеме продукции субъектов малого и среднего бизнеса в среднем составила всего 1,5%. Несмотря на то, что ежегодно увеличивались как объем выпуска продукции субъектами МСБ, так и объем инновационной продукции МСБ, ее доля за анализируемый период снижалась в среднем ежегодно на 0,26% (по результатам анализа данных [1]).

Таким образом, как результат реализации инновационного потенциала субъектов МСБ объем их инновационной продукции и уровень инновационной активности находится на низком уровне, повышение которого возможно на основе решения проблем нехватки финансовых средств, отсутствия и неопределенности спроса на инновационную продукцию, а также снижения затрат на инновации.

Рис. 11. Основные причины, сдерживающие инновационную активность предприятий, % [1]

Подводя итоги оценки инновационного потенциала субъектов МСБ РК, можно сделать вывод о том, что имея высокий уровень инновационного потенциала, предприятия МСБ РК недостаточно используют его для наращивания объемов производства инновационной продукции, что, соответственно, определяет низкий уровень эффективности

использования кадровых, финансовых, производственных и научно-технических ресурсов.

Представленный подход может быть использован для сравнительного анализа, выявления причин, факторов и тенденций развития инновационного потенциала других стран с развивающейся экономикой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кулмаганбетова А., Рахметулина Ж., Дубина И. Инновационная активность предприятий малого и среднего бизнеса в Казахстане: материалы IV Международного экономического форума «Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров». Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 170–175.
2. Рахметулина Ж., Кулмаганбетова А. Қазақстан Республикасының инновациялық әлеуетін жүзеге асыру проблемалары. Ежеквартальный научно-информационный журнал «Экономика и статистика». 2017. № 1. С. 97–102.
3. Кулмаганбетова А. С., Дубина И. Н., Рахметулина Ж. Б. Оценка инновационного потенциала субъектов малого и среднего бизнеса в республике Казахстан // Экономика и бизнес: позиция молодых ученых: материалы Международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 16. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 103–113.
4. Кулмаганбетова А. С., Дубина И. Н., Рахметулина Ж. Б. Инновационный потенциал малого и среднего бизнеса: теория и практика оценки (по материалам предприятий Казахстана): монография. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019.
5. Официальный сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.gov.kz/>.
6. Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальный доклад: Казахстан 2016/2017. [Электронный ресурс]. URL: https://gsb.nu.edu.kz/wp-content/uploads/2019/01/GEM_RUS_num.pdf

REFERENCES

1. Kulmaganbetova A., Rahmetulina Zh., Dubina I. Innovation activities of SMEs in Kazakhstan // Economic development of a region. Barnaul: Altai State University, 2017. pp.170–175.
2. Rahmetulina Zh., Kulmaganbetova A. Problems of implementation of innovation potential of the Republic of Kazakhstan. Economics and statistics. 2017. № 1. Pp. 97–102.
3. Kulmaganbetova A., Dubina I., Rahmetulina Zh. Assessment of innovation potential of SMEs in Kazakhstan // Economics and business. Vol. 16. Barnaul: Altai State University, 2018. Pp. 103–113.
4. Kulmaganbetova A., Dubina I., Rahmetulina Zh. Innovation potential of SMEs: theory and practice of assessment (a case of Kazakhstan). Saratov: IPR Media, 2019.
5. The official website of the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. <http://www.stat.gov.kz/>.
6. Global monitoring of entrepreneurship. National Report: Kazakhstan 2016/2017. https://gsb.nu.edu.kz/wp-content/uploads/2019/01/GEM_RUS_num.pdf

Поступила в редакцию: 29.07.2019.

Принята к печати: 14.08.2019.

СОЗДАНИЕ И ПРОДВИЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ БРЕНДОВ И ТОРГОВЫХ МАРОК МЕСТНОЙ ПРОДУКЦИИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Вал. В. Мищенко¹, В. Г. Лякишева¹, И. Ю. Добрынина²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²ООО «Альтерра» (Барнаул, Россия)

В настоящее время одним из важных инструментов социально-экономического развития и успешного позиционирования Алтайского края становится формирование и эффективное продвижение его имиджа. Изучение экспертных взглядов и анализ мнений ряда респондентов позволяют сделать вывод, что сложившийся в сознании потребителей образ, ассоциации и ощущения, возникающие в процессе реального либо виртуального общения, например, с территориальной принадлежностью, отраслевой направленностью и производимых в крае конкретной продукции и услуг, позволяют идентифицировать его среди множества других регионов. Проведенное исследование показало, что необходимо целенаправленное создание ярких региональных брендов, способствующих формированию позитивного имиджа территории. Этот процесс требует системной работы органов власти с привлечением маркетологов, экономистов, специалистов в области менеджмента, рекламы, связей с общественностью, представителей бизнес-сообщества, иных обладающих авторитетом и профессиональными знаниями в различных сферах экспертов, а так же СМИ и активного населения.

Ключевые слова: региональный бренд, имидж территории, менеджмент, торговая марка, конкурентоспособность, экспертное мнение.

CREATION AND PROMOTION OF REGIONAL BRANDS AND TRADEMARKS OF LOCAL PRODUCTS AS AN IMPORTANT FACTOR OF FORMING A POSITIVE IMAGE OF ALTAI REGION

Val. V. Mishchenko¹, V. G. Lyakisheva¹, I. Yu. Dobrynina²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²LLC "Alterra" (Barnaul, Russia)

Currently, one of the important tools for socio-economic development and successful positioning of the Altai Territory is the formation and effective promotion of its image. The study of expert views and analysis of the opinions of a number of respondents allow us to conclude that the image that has developed in the minds of consumers, the associations and sensations that arise in the process of real or virtual communication, for example, with territorial affiliation, industry, and specific products and services produced in the region, allow us to identify its among many other regions. The study showed that it is necessary to purposefully create vibrant regional brands that contribute to the formation of a positive image of the territory. This process requires the systematic work of authorities with the involvement of marketers, economists, specialists in the field of management, advertising, public relations, representatives of the business community, and others with authority and professional knowledge in various fields of experts, as well as the media and the active population.

Keywords: regional brand, image of the territory, management, trademark, competitiveness, expert opinion.

Стремление территорий к привлечению инвестиций и бизнеса, трудовых ресурсов, расширению рынков сбыта региональной продукции приводит к ужесточению конкуренции между субъектами Российской Федерации. Поэтому органы региональной власти, стремясь улучшить конкурентные позиции территории, должны уделять особое внимание формированию и поддержанию ее позитивного имиджа. В связи с этим особую актуальность приобретает выявление факторов, способствующих улучшению рейтинговых позиций регионов России, что подчеркивает актуальность выбора данной темы. В основу исследования положены работы В. М. Белоусова, В. И. Беляева, С. Н. Бочарова, И. С. Важениной, О. А. Горянской, Н. З. Губнеловой, А. А. Иванова, Ф. Котлера, А. М. Лаврова, Р. Г. Малахова, А. П. Панкрухина, В. С. Сурнина, других ученых и практиков в сфере менеджмента, маркетинга, а также труды в области государственного и муниципального управления. Вместе с тем многие аспекты выбранного нами направления представляют интерес для дальнейшего изучения.

Целью исследования стало комплексное изучение факторов формирования успешного имиджа региона на основе маркетинговых подходов к развитию территорий, созданию и продвижению брендовых торговых марок на примере Алтайского края. Оно проводилось с применением методов анализа, сравнения, обобщения научных и информационных материалов, включенного наблюдения, анкетирования и обработки полученных данных с учетом субъективной оценки изучаемых процессов.

В работах профессионалов в сфере маркетинга и развития территорий отмечена необходимость замещения традиционных инструментов региональной политики более эффективными в рыночной ситуации приемами, что обусловлено появлением принципиально новых целей и задач территориального управления и создает основу для использования маркетингового подхода при решении проблем развития региональной экономики. Эксперты отмечают, что маркетинг территорий становится устоявшимся термином, а практические результаты его применения свидетельствуют о его высокой эффективности и результативности. Учет принципов маркетинга при формировании программ стратегического развития любого региона позволяет существенно расширить возможности территории для развития производительных сил, формирования новых инвестиционных программ и проектов, привлечения материальных и финансовых ресурсов, продвижения культурно-исторического потенциала [1].

По мнению всемирно известного специалиста Ф. Котлера, маркетинг обеспечивает наиболее всесторонний подход к решению проблем территории.

Его предназначение состоит в том, чтобы усилить способности адаптации территориального сообщества к рыночным изменениям, нарастить возможности, увеличить жизненную силу сообщества. Стратегический маркетинг территорий инициирует конструирование сообщества, позволяющее удовлетворять потребности всех ключевых общественных институтов. При этом маркетинговое стратегическое планирование должно осуществляться совместно жителями, бизнес-сообществом и органами управления территорией [2].

Профессор А. М. Лавров, еще в 1994 г. подчеркнувший, что маркетинг территорий нужно рассматривать как направление научных исследований и практического управления в России, вместе со своим коллегой из Кемерово В. С. Сурниным настаивают на том, что региональный маркетинг отражает и впитывает в себя специфику и особенности того или иного субъекта РФ: экономические, социальные, культурные и др. Основным назначением такого подхода должно стать не извлечение максимальной прибыли, а обеспечение высокого уровня и качества жизни населения соответствующего региона, но с обязательным учетом специфики и особенностей данной территории при реформировании ее экономики [3].

Разносторонний специалист в области маркетинга И. В. Панкрухин предлагает подход, представляющий территорию как производителя, ориентированного на потребителей, на развитие их спроса в отношении реальных ресурсов и потенциала, что является гораздо более маркетинговым, чем подход, фактически концентрирующий внимание субъекта РФ исключительно на самом себе. Ведь именно благополучное потребление местных продуктов, услуг и возможностей позволяет региону, в конечном счете, построить, увеличить и собственное благополучие [4].

Как мы видим, территория — это своего рода специфический товар, и он воспринимается определенным образом его основными и потенциальными потребителями, заинтересованными, прежде всего, в использовании ее конкурентных преимуществ — для жизни, бизнеса, краткосрочного пребывания и пр. В условиях возрастающей конкуренции, в борьбе за инвестиции крайне важно найти для территории идентификацию, выделяющую ее из ряда конкурентов.

Изучив в ходе анализа исследуемых процессов экспертное мнение по поводу основных факторов, влияющих на конкурентоспособность регионов [5], далее рассмотрим торговые марки как средства идентификации территории производства товаров (услуг) и повышения узнаваемости региона.

В последние десятилетия специалисты активно изучают такое явление, при котором многие потре-

бители делают выводы о качестве товара, основываясь на определенном сложившемся у них стереотипе места происхождения. Довольно часто люди понимают сочетание слов «территория» и «товар» как «материальные товары, производимые на территории». И это во многом оправдано. Страна, а часто и регион происхождения товара — весомый аргумент в брендостроении. Без сомнения, существует и обратная связь: категории и качество производимых товаров и оказываемых услуг — важная характеристика и аргумент конкурентоспособности территории.

Именно на уровне региона бренд становится, как правило, особенно ощутимым. Некоторые регионы целенаправленно формируют в сознании глубоко региональные бренды продуктов, их ассоциации с названиями регионов. В России и за рубежом известны дальневосточная рыба и «русская» икра, «Московская» и «Столичная» водка, тамбовский окорок, астраханские арбузы и помидоры, вологодское масло, уральские самоцветы, алтайские сыры, мед, облепиха, бальзамы и биологически активные добавки и пр. Сходная ситуация и с предметами, входящими в сферу народных промыслов, правда, здесь на авансцену выступают еще и названия конкретных поселений: гжельский фарфор, хохломская роспись, жостовские подносы, каслинское литье, вологодские кружева, оренбургские и павлопосадские платки, ивановские ситцы, тульские самовары и пряники, колыванские вазы и др. В любом случае бренды регионов и городов — это самый устойчивый из всех видов брендов. Корпоративные бренды подвержены многим рискам, они, как правило, быстрее устаревают. «Страновые» бренды очень уязвимы в политическом отношении. В отличие от них город или регион как бренд не только трудно вырастить, но и почти так же трудно разрушить: он гораздо менее подвержен политическим и экономическим факторам риска.

Слово «бренд» в переводе с английского означает «клеймо», которым сначала метили скот, чтобы отличить свою собственность, а позднее ремесленники метили свои изделия, чтобы выделить их среди продукции других производителей. Сейчас этим словом обозначают группу довольно разнородных объектов (фирму, организацию, продукт, услугу) с уникальным названием и символами (логотип, торговая марка или дизайн упаковки) и, самое главное, с устоявшейся репутацией. Эксперты утверждают: бренд в XXI в. — это нечто существенно большее, чем название, термин, знак или символ.

В законодательстве Российской Федерации понятие «бренд», как и понятие «торговая марка», никак не обозначено, но действует понятие «товарный знак». Согласно ст. 1477 Гражданского кодекса

Российской Федерации «товарный знак — это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, а также для индивидуализации выполняемых юридическими лицами либо индивидуальными предпринимателями работ или оказываемых ими услуг». В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации. Товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании. Зарегистрированный в установленном порядке товарный знак становится законодательно защищенным активом. Таким образом, его владелец застрахован от подделок или недобросовестного использования обозначения отличия своего товара или услуги. Понятие «бренд» — почти синоним понятия «торговая марка», но с небольшой оговоркой. Бренд — это сильная, известная, «раскрученная» торговая марка. При этом специалисты выделяют 4 качества бренда: функциональное, индивидуальное, социальное, а также коммуникативное, поддерживающее первые три качества бренда [6].

Как мы видим, брендинг — это наука и искусство создания и продвижения эксклюзивного образа объекта. Бренды имеют свой жизненный цикл: они рождаются, развиваются, живут и умирают. Одним дано жить в веках, другие сходят со сцены через несколько лет, а некоторым так и не удается состояться. Бренды бывают международными, национальными, региональными и местными. Брендов, знакомых и успешных почти исключительно на уровне конкретных регионов, много, они часто связаны с названиями конкретных городов, наименованием субъектов РФ. Объектом «приложения усилий» брендинга является не товар, а торговая марка и то, что в нее входит (цвет, форма, шрифт, звук и др.) [7].

По мнению Ф. Котлера, товар — это сложный экономический объект, характеризующийся уровнем качества, обладающий определенным набором потребительских свойств, выделяющийся специфическим оформлением и упаковкой, имеющий марочное название и предназначенный для удовлетворения определенных потребностей [2]. Соответствие товара запросам потребительского сегмента определяет его потребительскую ценность и конкурентоспособность. Именно она является базовым понятием в иерархии понятий конкурентоспособности, поскольку участниками борьбы за потребителей, рынки, факторы производства и инвестиции являются предприятия, их объединения, отрасли, регионы, страны.

Эксперты в сфере маркетинга территорий акцентируют, что наиболее эффективной техноло-

гией формирования особого образа территории, являющегося предпочтительным способом ее идентификации, выделения среди других регионов, является брендинг. С точки зрения В. М. Белоусова, бренд региона — это совокупность уникальных, своеобразных и оригинальных характеристик данной территории, получивших официальный статус и общественное признание [8, с. 50–64]. Выступая индикатором экономического развития территории, он оказывает значительное влияние на имидж региона. И. С. Важенина подчеркивает, что имидж территории стал важнейшим конкурентным преимуществом при налаживании деловых контактов, обеспечивает ускорение социально-экономического развития территории, повышение уровня и качества жизни ее населения, поскольку способствует привлечению инвестиций (в т. ч. иностранных) и бизнеса, расширению рынков сбыта продукции региональных производителей, привлечению трудовых ресурсов, развитию въездного туризма [9, с. 28–23]. Выступая индикатором экономического развития, бренд территории оказывает значительное влияние на имидж региона. Ранее мы уже подчеркивали взаимосвязь понятий «бренд» и «имидж» и отмечали, что в общем понимании бренд региона представляется как значимая характеристика развития территории, индикатор уровня ее социально-экономического развития, инструмент реализации стратегических региональных задач. В более узком смысле он рассматривается в качестве товарного знака и применяется относительно определенных продуктов, произведенных на данной территории [10, с. 46]. Далее мы рассмотрим этот тезис на конкретных примерах и изучим ряд аспектов, влияющих на современное состояние имиджа Алтайского края.

Исследуя тему продвижения торговых марок предприятий Алтайского биофармацевтического кластера, мы анализировали деятельность одного из лидеров на рынке биологически актив-

ных добавок — ЗАО «Эвалар». Еще раз подчеркнем, что на разработанной специалистами барнаульского рекламного агентства РА Provoda карте, где субъекты России обозначены логотипами брендовой продукции региона, способной в условиях санкций заменить импортные аналоги, Алтайский край представлен на этой карте логотипом компании ЗАО «Эвалар», что свидетельствует о наличии точного представления в сознании сотен тысяч людей о месте происхождения продукции предприятия. Известность и узнаваемость бренда «Эвалар» — результат активной рекламной политики, тогда как знание о территориальной принадлежности основывается на изучении информации, размещенной на упаковках продукции предприятия. Вышеизложенное обосновывает позиционирование ЗАО «Эвалар» как производителя брендовой продукции Алтайского края, что также подтверждается неоднократным присуждением компании премии «Народная марка» в категории «Натуральные препараты для укрепления здоровья и повышения качества жизни», вручаемой по результатам общероссийского голосования [11, с. 39–40].

С целью подтверждения (или опровержения) наших доводов по теме взаимосвязи процессов брендинга, продвижения торговых марок и имиджа Алтайского края была составлена анкета, включающая 10 вопросов, по ней в 2 этапа: в январе-марте 2018 г. и в сентябре 2018 — мае 2019 гг. проведен опрос 410 респондентов, в основном целевой аудитории (студенты и магистранты направления «Государственное и муниципальное управление» и слушатели Центра подготовки и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих АлтГУ). Анкетирование прошло в качестве апробации метода исследования, поэтому приведенные ниже в таблицах 1–3 результаты не претендуют на репрезентативность выборки, но представляют определенный интерес в рамках исследуемой темы.

Таблица 1

**Распределение ответов на 1 вопрос анкеты:
«С какой территорией Вы связываете слово «Алтай»?»**

№	Варианты ответов	Кол-во ответов 2018/2019 гг.		+, – (%)
		чел.	%	
1	Республика Алтай	15 / 12	7,0 / 6,0	–1,0
2	Алтайский край и Республика Алтай	130 / 115	61,5 / 57,5	–4,0
3	Сложное территориальное образование, расположенное на территории Российской Федерации, Казахстана, Монголии и Китая	8 / 16	4,0 / 8,0	+ 4,0
4	Алтайский край	47 / 53	22,5 / 26,5	+ 4,0
5	Затрудняюсь ответить	10 / 4	5,0 / 2,0	–3,0
	Всего:	210 / 200	100,0	

Таблица 2

Распределение ответов на 2 вопрос анкеты: «Как Вы оцениваете имидж Алтайского края?»

№	Варианты ответов	Кол-во ответов 2018/2019 гг.		+, – (%)
		чел.		%
1	Позитивный	40 / 37	19,0 / 18,5	–0,5
2	Скорее позитивный, чем негативный	110 / 106	52,5 / 53,0	+ 0,5
3	Скорее негативный, чем позитивный	34 / 28	16,0 / 14,0	–2,0
4	Негативный	5 / 3	2,5 / 1,5	–1,0
5	Затрудняюсь ответить	21 / 26	10,0 / 13,0	+ 3,0
	Всего:	210 / 200	100,0	

Таблица 3

Распределение ответов на 3 вопрос анкеты: «Какие ассоциации возникают у Вас при упоминании Алтайского края?»

№	Варианты ответов	Кол-во ответов 2018/2019 гг.		+, – (%)
		чел.	%	%
1	Богатое культурно-историческое наследие	4 / 27	2,0 / 9,4	+ 7,4
2	Сельскохозяйственный регион	80 / 150	38,0 / 52,5	+14,5
3	Уникальный природный комплекс (горы, пещеры, озера)	50 / 70	23,5 / 24,5	+ 1,0
4	Туристический регион	7 / 35	3,5 / 12,2	+ 8,7
5	Другие варианты ответов	69 / 4	33,0 / 1,4	–31,6
	Всего:	210 / 286	100,0	

Сравнение табличных данных показывает увеличение респондентов, отмечающих узнаваемость Алтайского края как сельскохозяйственного и туристического региона с богатым историко-культурным наследием.

Мы уже отражали итоги проведенного ранее анкетирования [12, с. 17–19], но считаем целесообразным еще раз подчеркнуть результаты полученных ответов на 5 вопрос анкеты: «Эвалар» — самый узнаваемый бренд Алтайского края. Под какими еще товарными брендами выпускается продукция алтайских товаропроизводителей?». Они показали, что респонденты традиционно отдают приоритет следующим торговым маркам: «Алейка» — 120 чел. (60%), «Молочная сказка» — 86 (43%), «Завьяловская» — 42 (21%), «Бочкари» — 41 (20,5%), «Мария-Ра» — 39 (19,5%), «Малавит» — 34 (17%), «Белый Замок» — 28 (14%), алтайский сыр — 22 (11%), «Алтайская буренка» — 22 (11%). Выделяется еще ряд предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, в том числе входящих в состав Алтайского биофармацевтического кластера («Алтайвитамины», «Алтайский букет», «AltaiBio», «Две линии», «Силапант»), а также известные промышленные компании и представители туристической отрасли. Из формулировки вопроса анкеты следует, что респонденты заведомо не имели возможности указать «Эвалар» в качестве регионального бренда, поскольку данная марка пред-

ставлена как пример, позволяющий участникам анкетирования лучше понять суть вопроса. Однако при устном опросе по наиболее известной марке алтайской продукции подавляющее большинство респондентов различных аудиторий обязательно называют «Эвалар». Безусловно, масштабы реализации и степень узнаваемости продукции ЗАО «Эвалар» и вышеназванных компаний несопоставимы, но и становление этой компании как одного из крупнейших фармацевтических предприятий России произошло не сразу, а стало результатом приложения немалых усилий, в том числе в области продвижения изготавливаемой продукции. Для удержания первого места на отечественном аптечном рынке биодобавок «Эвалар» и сегодня продолжает вести активную работу по информированию реальных и потенциальных покупателей о выпускаемом ассортименте БАД и лекарственных средств. В июле 2019 г. «Эвалар» торжественно открыл новое фармацевтическое производство, проект которого был начат в 2014 г.

Полагаем, что все алтайские производители должны уделять большее внимание узнаваемости своей продукции, так как разработка и реализация рекламных стратегий позволяет не только поднять эффективность продвижения конкретных торговых марок за счет увеличения спроса на произведенные товары (услуги), но и повысить уровень социально-экономического развития и статус как отдель-

ных предприятий, так и региона в целом, что способствует привлечению в край новых инвесторов.

Изучение опыта формирования региональной инновационной политики и определение перспектив и факторов улучшения имиджа Алтайского края позволило сделать определенные выводы. Важную роль в данном процессе играет участие региона в мероприятиях презентационного характера, таких как конкурсы, выставки, ярмарки и пр., а также их самостоятельная организация. Имиджевые события с проведением выставок-продаж, дегустаций алтайской продукции, демонстрацией изделий народных промыслов и пр. не только способствуют продвижению продукции предприятий, но и становятся основой для расчета показателей, учитываемых при рейтинговании субъектов РФ, и отражаются на месте региона в интегральном рейтинге.

Межведомственный план международных и межрегиональных выставочно-ярмарочных мероприятий для участия инновационно активных предприятий Алтайского края включает свыше 40 мероприятий. В рамках их проведения предприятия имеют возможность представить свои достижения, укрепить партнерские отношения и привлечь новых клиентов, при этом обозначить территориальную принадлежность производств, т. е. демонстрацией результатов своей деятельности способствовать формированию и широкому распространению позитивного имиджа Алтайского края. Так, на Международной туристической выставке «Интурмаркет» в Москве традиционно проводится День Алтайского края. Подобное событие прошло в марте 2019 г. в первый день 26-й Московской международной выставки МИТТ, входящей в пятерку крупнейших туристических выставок мира. Представители края участвуют в международных промышленных выставках, таких как: «Иннопром» (Екатеринбург) и «Российско-китайская ЭКСПО» (Екатеринбург — Харбин), выставках «Дальагро. Продовольствие», «РосЭкспоКрым. Импортзамещение. Продовольствие. Промышленность» и др. Участие в событиях такого масштаба признается эффективным способом увеличения объема и расширения географии продаж промышленного оборудования и технологий, а также является механизмом интеграции в мировой рынок высокотехнологичной местной продукции.

Событийный календарь Алтайского края традиционно включает межрегиональный фестиваль напитков «АлтайФест», международный гастрономический фестиваль «АХ! ФЕСТ», праздник сыра «Сырная деревня» и фестиваль «Дни алтайского сыра», фестиваль «Медовый спас на Алтае» и иные мероприятия, в том числе связанные с именами М. Евдокимова, В. Золотухина, М. Калашникова,

Р. Рождественского, Г. Титова, В. Шукшина и многих других известных личностей, прославивших Алтай, внесших свою яркую лепту в образ края и привлекающих к нашему региону внимание представителей различных слоев сообщества и экспертов не только российского, но и международного уровня.

В соответствии с Постановлением Правительства Алтайского края от 31.07.2018 № 303 промышленные предприятия края впервые получают субсидии из краевого бюджета на возмещение части затрат на участие в международных и межрегиональных выставочно-ярмарочных мероприятиях.

Ранее мы отмечали, что особенности региона находятся в основе бренда территории. Не является исключением и бренд, продвигаемый в настоящее время в качестве единого регионального бренда — «Алтайский край. Все настоящее» [10, с. 43–44]. Вместе с тем на 6-й вопрос анкеты «Существует ли бренд Алтайского края?» из 210 опрошенных нами респондентов в 2018 г. утвердительно ответили лишь 41 чел. (19,5%), а из 200 участников опроса в 2019 г. — 43 чел. (21,5%), что показывает все еще недостаточный уровень осведомленности населения о бренде края.

Важность продвижения краевого бренда и информационной составляющей этого процесса подчеркивается тем, что в марте 2019 г. Губернатор Алтайского края В. П. Томенко в выступлении на финале конкурса «Лидеры России» отметил, что Алтайский край еще мало знают и видят, а его туристический бренд раскрыт недостаточно [13].

Полагаем, что в эпоху глобальной информатизации важную роль в повышении уровня узнаваемости региона среди других территорий играют средства массовой коммуникации, совершенствование имиджевой политики с участием органов власти, СМИ и иных активных субъектов территориального сообщества. Важную роль играет и трансляция позитивных моментов в истории и современном развитии края его неравнодушными жителями, любящими свою малую Родину, желающими привлечь к ней внимание, вкладывающими в ее развитие свой интеллектуальный, производственный и творческий потенциал.

Вышеприведенные факты и выводы свидетельствуют о том, что мероприятия различной направленности и разнообразной сферы должны не только производить впечатление результатами своей деятельности, но и активно отражать ее в СМИ и печатной продукции, внося тем самым вклад в формирование в сознании многотысячных аудиторий положительного имиджа Алтайского края.

В своем исследовании мы затронули лишь ряд моментов, касающихся заявленной темы. Вместе с тем она включает широкий спектр вопросов и мо-

жет быть интересна с точки зрения изучения отдельных аспектов, способствующих продвижению

алтайских брендов и повышению привлекательности нашего региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляев В. И., Бочаров С. Н., Горянинская О. А., Малахов Р. Г. Маркетинг территорий: методология и методы обоснования стратегических решений развития регионов: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015.
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М.: Вильямс, 2007.
3. Лавров А. М., Сурнин В. С. Реформирование экономики: региональные аспекты. Часть 2. Региональный маркетинг и тенденции его развития. Кемерово, 1994.
4. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2006.
5. Дусь Ю. П., Мищенко В. В., Щербаков В. С. Анализ основных факторов, оказывающих влияние на региональную конкурентоспособность // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. Вып. 4.
6. Домнин В. Н. Брендинг: новые технологии в России. СПб.: Питер, 2002.
7. Иванов А. А. Брендинг: учебное пособие. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013.
8. Белоусов В. М., Губнелова Н. З. Бренд региона как аспект его экономической идентичности // Крымский научный вестник. 2016. № 6 (12). С. 50–64.
9. Важенина И. С. О сущности бренда территории // Экономика региона. 2011. № 3. С. 18–23.
10. Лякишева В. Г., Добрынина И. Ю. Имидж Алтайского края: влияние региональных брендов на уровень социально-экономического развития территории // Экономика. Профессия. Бизнес. 2017. № 4. С. 42–48.
11. Добрынина И. Ю., Лякишева В. Г., Мищенко Вал. В. Развитие территориально-производственных кластеров и продвижение региональных брендов как основа инновационной модели экономического развития и улучшения имиджа Алтайского края // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края: сборник статей / под ред. В. В. Мищенко. Вып. 10. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 34–44.
12. Краснов С. В., Лякишева В. Г., Добрынина И. Ю. Формирование имиджа городского округа — г. Барнаула Алтайского края: теория и практика, история и современность // Алтайский Вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16. С. 9–19.
13. Томенко заявил, что туристический бренд Алтайского края «раскручен недостаточно» [Электронный ресурс]. URL: <https://altapress.ru/turizm/story/tomenko-zayavil-chto-turisticheskiy-brend-altayskogo-kрая-raskruchen-nedostatochno-238844/> (дата обращения: 17.03.2019).

REFERENCES

1. Belyaev, V. I., Bocharov, S. N., Goryaninskaya, O. A. & Malakhov, R. G. (2015) Territory marketing: methodology and methods for substantiating strategic decisions for regional development: a monograph. Barnaul: Publishing House Alt. University (in Russian).
2. Kotler, F. (2007) Fundamentals of marketing. Short course. Moscow: Publishing House “William” (in Russian).
3. Lavrov, A. M. & Surnin, V. S. (1994) Reforming the economy: regional aspects. Part 2. Regional marketing and development trends. Kemerovo (in Russian).
4. Pankrukhin, A. P. (2006) Territory Marketing. St. Petersburg: Peter (in Russian).
5. Dus, Yu. P. Mishchenko, V. V. & Scherbakov, V. S. (2017) Analysis of the main factors influencing regional competitiveness. Regional Economics: theory and practice. Vol. 15. Issue 4, 4 (in Russian).
6. Domnin, V. N. (2002) Branding: new technologies in Russia. St. Petersburg: Peter (in Russian).
7. Ivanov, A. A. (2013) Branding: study guide. Komsomolsk-on-Amur: FSBEI HPE “KnAGTU” (in Russian).
8. Belousov, V. M. & Gubnelova, N. Z. (2016) Brand of the region as an aspect of its economic identity. Crimean scientific herald. 6 (12), 50–64 (in Russian).
9. Vazhenina, I. S. (2011) On the essence of the brand territory. Economy of the region. 3, 18–23 (in Russian).
10. Lyakisheva, V. G. & Dobrynina, I. Yu. (2017) Image of the Altai krai: influence of regional brands on the level of social and economic development of the territory. Economics. Profession. Business. 4, 42–48 (in Russian).

11. Dobrynina, I. Yu. Lyakisheva, V. G. & Mishchenko, Val.V. (2018) Development of territorial production clusters and promotion of regional brands as a basis of innovative model of economic development and improvement of image of the Altai territory. In: Mishchenko, V. V. (eds.) Actual issues of the functioning of the economy of the Altai Territory. Issue 10. Barnaul: Publishing House Alt. University, 34–44 (in Russian).

12. Krasnov, S. V. Lyakisheva, V. G. & Dobrynina, I. Yu. (2018) Formation of the image of the urban district — Barnaul of the Altai territory: theory and practice, history and present time. Altai Bulletin of the State and Municipal Service. 16, 9–19 (in Russian).

13. Tomenko said that the tourism brand of the Altai territory “is not well promoted.” URL: <https://altapress.ru/turizm/story/tomenko-zayavil-chto-turisticheskiy-brend-altayskogo-kрая-raskruchennedostatochno-238844/> (date of the application: 17.03.2019).

Поступила в редакцию: 01.08.2019.

Принята к печати: 16.08.2019.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОПЛАТЫ ТРУДА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ФАКТЫ¹

Ю. А. Перекаренкова¹, В. И. Крышка², В. И. Беляев², А. Я. Троцкий^{1,2}, Н. Н. Солопова²

¹ Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена исследованию взаимной связи оплаты труда и развития человеческого капитала в современной российской экономике с позиции нормативной теории и позитивной практики. В частности, в статье рассмотрены основные теоретические положения теории человеческого капитала. В ходе проведенного нормативного анализа было выявлено, что развитие человеческого капитала предполагает прирост оплаты труда наемного работника в соответствии с ростом его квалификации. Однако современная практика организации заработной платы, сложившаяся в российской экономике, опровергает данное нормативное положение. Исходя из проведенного анализа статистических данных, установлено, что в основе сложившейся дифференциации в оплате труда лежит не уровень квалификации работника, а рыночная конъюнктура в развитии отрасли, нехватка рабочих по отдельным профессиям и специальностям. Решение сложившейся проблемы между нормативными положениями теории человеческого капитала и реальной практикой организации заработной платы видится, во-первых, в необходимости критического переосмысления неоклассических положений теории человеческого капитала. Во-вторых, важным направлением является создание «дорожной карты», в которой были бы увязаны в единое целое научно-образовательные, управленческие, финансовые и другие решения, касающиеся роста заработной платы лиц высшей квалификации.

Ключевые слова: заработная плата, рабочая сила, воспроизводство, квалификация, человеческий капитал.

THE RELATIONSHIP BETWEEN WAGES AND HUMAN CAPITAL IN THE RUSSIAN ECONOMY: THE BASIC THEORETICAL PRINCIPLES AND FACTS

Yu. A. Perekarenkova¹, V. I. Krishka², V. I. Belyaev², A. Ya. Trotskovsky^{1,2}, N. N. Solopova²

¹ Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the study of the mutual relationship between wages and human capital development in the modern Russian economy from the perspective of normative theory and positive practice. In particular, the article describes the main theoretical provisions of the human capital theory. In the course of the regulatory analysis, it was revealed that the development of human capital implies an increase in the wage of an employee in accordance with the growth of his qualification. However, the current practice of wage organization in the Russian economy refutes this normative provision. Based on the analysis of statistical data, it was found that the basis of the current differentiation in wages is not the level of the employee qualification, but the market situation in the

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, № 19-010-00491 «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

development of the industry, the lack of workers in certain professions and specialties. The solution of the problem between the normative provisions of the human capital theory and the real practice of wage organization is seen, first, in the need for a critical rethinking of the neoclassical provisions of the human capital theory. Secondly, an important direction is the creation of a “road map”, which would be linked into a single whole scientific, educational, managerial, financial and other decisions relating to the wages growth of highly qualified persons.

Keywords: wage, labor force, reproduction, education, human capital.

В современной литературе заработная плата, как правило, представляет собой «цену труда», получаемую работником в результате реализации рабочей силы в процессе трудовой деятельности. Основное предназначение заработной платы со стороны наемного работника — воспроизводство его рабочей силы. Вместе с тем со стороны субъекта труда и рабочей силы получаемая заработная плата является также материальной основой формирования человеческого капитала. В целом, выступая денежной основой воспроизводства рабочей силы, получаемая заработная плата должна позволить работнику приобретать не только одежду, продукты питания, воспитывать детей, обеспечивать себя и свою семью жильем, но и создавать возможности для культурного проведения досуга, роста образования, повышения квалификации, то есть всего, что связано с человеческим капиталом. Другими словами, должна существовать двусторонняя зависимость между уровнем оплаты труда и развитием человеческого капитала, т. е. размер получаемой работником заработной платы должен быть достаточным для образования излишка, который можно направить на создание и развитие своего человеческого капитала. Наоборот, наличие определенного человеческого капитала предполагает получение его собственником, как правило, большего размера оплаты труда исходя из достигнутого уровня образования, квалификации, умений и навыков.

Цель статьи заключается в рассмотрении взаимосвязи между оплатой труда и формируемым собственником рабочей силы человеческим капиталом, включая теоретический и эмпирический анализ указанных сторон взаимной связи в современной российской экономике.

Существующие в современной экономической науке подходы к определению уровня оплаты труда и пониманию природы человеческого капитала зародилась в еще рамках классической политической экономии на основе выделения естественной и рыночной цены [1–3]. Были развиты в марксизме, в частности в «Капитале» К. Маркса, посредством выделения переменного капитала, связанного с покупкой товара рабочая сила и производством при-

бавочной стоимости, которая присваивалась прежде всего владельцами только постоянной части капитала (средств производства) [4]. В современной литературе указанная взаимосвязь относится преимущественно к неоклассическому подходу, согласно которому в основе формирования заработной платы лежит механизм спроса и предложения на рынке труда, а человеческий капитал образуется за счет роста уровня квалификации наемных работников, получивших более высокий уровень образования.

Остановимся на неоклассическом подходе подробнее, обратив особое внимание: 1) сначала на человеческий капитал и его нормативное влияние на заработную плату, 2) затем, наоборот, рассмотрим влияние оплаты труда на развитие человеческого капитала.

1. В рамках существующей неоклассической теории можно сформулировать следующие основные идеи, позволяющие выделить взаимосвязь между развитием человеческого капитала и ростом заработной платы.

Согласно теоретическим основам неоклассической школы, человеческий капитал, прежде всего, отождествляется с физическим капиталом, т. е. сделанные вложения (инвестиции) сегодня должны быть источником дохода обладателя данного вида капитала в будущем [5]. В частности, применительно к нормативной теории человеческого капитала сказанное означает, что чем большим потенциалом, иначе говоря, уровнем развития рабочей силы, обладает работник, тем большую заработную плату он должен получать. Это верно и с позитивной точки зрения, поскольку с приобретением более высокой квалификации и совершенствованием своих умений при всех прочих равных условиях в мировой практике, как правило, растет и заработная плата наемных работников.

Однако неоклассический подход, как нам представляется, страдает чрезмерной абстракцией, поскольку не учитывает, например, «человечесотворческую функцию труда» [6], развитую в марксизме. Если исходить из трудовой теории стоимости, то в процессе труда, помимо полученного профессионального образования, создается новая рабочая сила, включая рост квалификации ра-

ботника и накопление его трудового потенциала¹. Сказанное можно представить так:

$$PC - T - PC', \quad (1)$$

где PC — простая рабочая сила; T — процесс труда; PC' — более развитая рабочая сила, включающая прирост трудового потенциала.

Для роста трудового потенциала требуется профессиональное обучение, которое первоначально входит в сам процесс труда и связано с практическим познанием применяемых производительных сил, т. е. свойств сырья и применяемых возможностей орудий труда. С учетом сказанного формула 1 приобретает такой вид:

$$PC - T - O - T - PC', \quad (2)$$

где O — процесс познания и практического самообучения.

Рост потенциала работника, обусловленный профессиональным обучением, выражается в том, что на рынок труда выходит более развитая рабочая сила. Согласно закону трудовой теории стоимости, на рынке обмениваются эквиваленты, более развитая рабочая сила должна получать повышенную заработную плату, которая превышает первоначальную величину, или

$$D_{\text{азп}} - T_{\text{pc}} \dots T \dots T'_{\text{pc}} - D'_{\text{зп}}, \quad (3)$$

где $D_{\text{азп}}$ — авансированная заработная плата, предназначенная для оплаты простой рабочей силы; T_{pc} — неквалифицированный товар рабочая сила; T'_{pc} — возросшая стоимость товара рабочая сила благодаря профессиональному обучению; $D'_{\text{зп}}$ — денежный эквивалент товара рабочая сила, включая прирост заработной платы за повышение квалификации.

Обращаясь к проблеме квалификации рабочей силы, К. Маркс указывал на необходимость получения работником определенной профессиональной подготовки. В этом смысле оплата труда работника с большей квалификацией должна превосходить оплату затрат труда неквалифицированной рабочей силы. Большая оплата труда ставилась К. Марксом в зависимость от издержек на получение образования [4, с. 187–188].

Приведенные теоретико-нормативные основы для формирования научно обоснованной системы определения заработной платы наемных работников не всегда и во всем реализуются в практической деятельности. Уровень образова-

ния и квалификации работника зачастую не является основным критерием определения уровня оплаты труда, поскольку для превращения нормативного требования, что должно быть, в позитивное наличное бытие требуется активная управленческая деятельность, которая в нашей стране пока отсутствует.

Так, согласно данным Росстата, средняя начисленная заработная плата работников в области образования, права, гуманитарных областей и культуры, относящихся к группе специалистов высшего уровня квалификации, в октябре 2017 г. составляла от 34 до 38,5 тыс. руб. в месяц. На этом же уровне устанавливалась заработная плата работников, относящихся к группе со средним уровнем образования: в области экономической и административной деятельности — 35,4 тыс. руб. в месяц; в области правовой, социальной работы, культуры и спорта — 35,7 тыс. руб. в месяц [8].

Примерно равную среднему заработку специалистов высшей квалификации в сфере образования получали заработную плату служащие в сфере обработки числовой информации и учета материальных ценностей, рабочие в сфере строительства, изготовлении прецизионных инструментов, полиграфических производств — 32–33 тыс. руб. Большой средний заработок, в сравнении со специалистами высшей квалификации, получали простые операторы промышленных установок и стационарного оборудования — около 37 тыс. руб. в месяц.

Аналогичная пропорция в соотношении уровня заработной платы и квалификации, характерная для специалистов с высшим уровнем образования, повторяется и для лиц со средним специальным образованием, к которым относится, например, средний медицинский персонал. Так, для того чтобы претендовать на должности, относящиеся к среднему медицинскому персоналу, нужно в обязательном порядке иметь соответствующее образование, сформированные умения и навыки, с постоянной ответственностью за жизнь и здоровье пациентов и т. д. Однако при всей ответственности и сложности труда работников данной профессиональной группы оплата их труда установлена на уровне работников сферы обслуживания — продавцов — 29 тыс. рублей в месяц.

Приведем еще один пример. Оплата труда неквалифицированных работников, занятых в промышленности, строительстве и других отраслях, отличается от того же среднего медицинского персонала, получившего соответствующее среднее профессиональное образование, в среднем всего лишь на 3–4 тыс. рублей в сторону уменьшения [8].

Исходя из рассмотренных примеров сложившейся дифференциации в оплате труда между работниками разных профессиональных групп и от-

¹ Трудовой потенциал — это располагаемые в настоящее время и предвидимые в будущем трудовые возможности, характеризующиеся количеством трудоспособного населения, его профессионально-образовательным уровнем, другими качественными характеристиками [7].

раслей народного хозяйства, можно сделать вывод, что одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на различия в величине оплаты труда, является не уровень профессионального образования, а уровень конъюнктурной значимости отрасли, выраженной в искаженном спросе на рабочую силу.

Вместе с тем нельзя не отметить и позитивные тенденции.

Во-первых, рост престижа высшего профессионального образования. Так, несмотря на небольшие различия в средней заработной плате между специалистами с высшим уровнем квалификации и средним, в российской экономике за последние десятилетия сформировалась тенденция роста численности работников с высшим образованием и снижение со средним и основным общим образованием в общей структуре рабочей силы (табл. 1).

Таблица 1

Структура рабочей силы в возрасте 15 лет и старше по уровню образования в российской экономике, %

Уровень образования	2005 г.	2018 г.
Высшее	25,3	33,6
Среднее профессиональное	43,6	44,8
Среднее общее	23,4	17,8
Основное общее	6,9	3,7

Источник: данные Росстата [9, с. 32; 10].

Во-вторых, человеческий капитал часто определяют как некий актив, формируемый собственником рабочей силы на протяжении всей трудовой деятельности [11]. Данный актив предполагает в некотором смысле определенную сумму знаний, умений, навыков. Если по своей природе капитал по К. Марксу есть самовозрастающая стоимость, то на протяжении всей деятельности человек как непосредственный собственник создает, умножает свой человеческий капитал путем вложений в свою квалификацию. В условиях технического и технологического совершенствования стоящая перед работником проблема роста своего потенциала (актива) приобретает еще большую актуальность. Так, в 2018 г. около 25% занятого населения в общей численности занятого населения возрастной группы от 25 до 65 лет в российской экономике прошли повышение квалификации. В целом, несмотря на отмеченные противоречия, доля высококвалифицированных работников в общей численности занятых в возрасте 15–72 лет в российской экономике составила около 1/3 [10].

В-третьих, человеческий капитал помимо самовозрастающей основы, выраженный в «прибавочной стоимости», также предполагает некую по-

стоянную оборотную часть, которую по аналогии с производительным капиталом можно назвать «основным человеческим капиталом», связанным со своеобразным «износом». Поэтому объем заработной платы должен быть достаточным для восстановления физического и морального износа рабочей силы вплоть до наступления пенсионного возраста. В этом смысле доход обладателя человеческого капитала должен быть достаточен не только для текущего воспроизводства рабочей силы, но и для ее поддержания и сохранения в периоды нетрудоспособности.

К сожалению, в рамках существующей на сегодняшний день в экономической науке теории человеческого капитала данная проблема не рассматривается, поскольку в исследованиях акцент делается преимущественно на рабочей силе в трудоспособном возрасте. Однако после наступления периода нетрудоспособности по причине старости, получения травм, инвалидности и т. д. обладателю накопленного человеческого капитала необходимо иметь возможность в удовлетворении потребностей в одежде, пище, жилье, воспитании детей и т. д. В этом отношении существующая пенсионная система в современной российской экономике, предполагающая ежемесячное удержание из заработной платы работника определенной суммы денежных средств с целью их выплаты при наступлении соответствующего пенсионного возраста, не способствует поддержанию приемлемого уровня жизни нетрудоспособного населения. Возможно, проблему человеческого капитала необходимо связать с теорией процента, чтобы выйти на научно обоснованное формирование пенсионного капитала, как частного, так и государственного, с учетом системы страхования.

2. По существу, оплата труда характеризует доход, получаемый работником в процессе трудовой деятельности. Величина данного дохода должна быть достаточной для восстановления израсходованной рабочей силы в процессе труда. Прежде всего это касается установления минимальной заработной платы и прожиточного минимума¹.

Устанавливаемый и ежегодно пересматриваемый минимальный размер оплаты труда выступает в некотором смысле социальной гарантией того, что назначаемая работнику заработная плата не может быть ниже данной величины. Однако в российской практике по-прежнему сохраняется численность работников, величина заработной платы которых остается ниже устанавливаемого МРОТ (табл. 2).

¹ Иные аспекты, связанные с изучением особенностей воспроизводства рабочей силы при средней и максимальной заработной плате, будут представлены в отдельной статье.

Таблица 2
**Распределение численности работников
организаций по размеру начисленной
зароботной платы в российской экономике, %
от общей численности работников**

Величина начисленной зароботной платы	Численность работников		
	2015 г.	2017 г.	2019 г.
Менее МРОТ ¹⁾	1,4	1,8	2,9
Менее ПМ ²⁾	10,7	7,3	н/д

Примечание. ¹⁾ На 1 января 2015 г. минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в российской экономике составлял 5965 руб., на 1 января 2017 г. — 7500 руб., на 1 января 2019 г. — 11280 руб. ²⁾ Прожиточный минимум (ПМ) трудоспособного населения в 1 квартале 2015 г. составлял 10404 руб., в 1 квартале 2017 г. — 10701 руб., в 1 квартале 2019 г. — 11653 руб. Источник: данные Росстата [10, 12–14].

Исходя из таблицы 2, можно отметить тенденцию об увеличивающейся численности работников, начисленная заработная плата которых сохраняется ниже устанавливаемого МРОТ. Данная проблема продолжает существовать в российской экономике, несмотря на вступившее в 2018 г. законодательное установление равенства МРОТ и ПМ. Однако установление ежегодного МРОТ с 1 января каждого года на уровне прожиточного минимума, величина которого определяется во втором квартале предыдущего года, не позволяет решать проблему их отставания. Поскольку происходящий рост уровня потребительских цен предполагает, соответственно, и увеличение прожиточного минимума.

Так, установленный на законодательном уровне МРОТ на 1 января 2019 г. составлял 11280 руб. в месяц, что соответствовало величине прожиточного минимума трудоспособного населения за второй квартал 2018 г. [15]. Однако на 1 января 2019 г. величина прожиточного минимума в среднем по российской экономике за первый квартал 2019 г. составляла уже 11653 руб. в месяц для трудоспособного населения [16]. Вполне логично предположить также его увеличение и в последующие периоды (кварталы) 2019 г.

Данное обстоятельство позволяет утверждать о том, что несмотря на законодательное уравнивание прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, последний все же продолжает отставать по своей покупательной способности от существующего прожиточного минимума. Более того, индексация МРОТ, происходящая от достигнутого уровня прожиточного минимума в прошлом году, не компенсирует денежных потерь реального потребителя, наемного работника,

в данном периоде. Это говорит о том, что ежегодный пересмотр величины МРОТ должен производиться, исходя из ожидаемого роста цен, закладываемого при формировании бюджета. В противном случае индексация МРОТ на уровне цен прошлого периода в любом случае остается ниже реального уровня цен в каждом последующем.

По данным, приведенным в таблице 2, можно также выделить сохранение высокого уровня численности работников, оплата труда которых продолжает оставаться ниже уровня прожиточного минимума. Высокий удельный вес численности работников, начисленная заработная плата которых ниже величины прожиточного минимума, сохраняется в сфере образования (17%), культуры и спорта (17%), предоставления услуг (17,5%), сельском хозяйстве (11,2%). Подобное обстоятельство лишает получателя данного вида дохода (если оставить в стороне размеры МРОТ и ПМ в сравнении с существующими в ряде российских регионов ценами на питание, одежду, жилье и другими необходимыми составляющими простого воспроизводства рабочей силы) возможности для восстановления своей рабочей силы.

Рассмотрев основные положения теории человеческого капитала во взаимосвязи с практикой организации оплаты труда, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, применение базовых положений концепции человеческого капитала предполагает изменение положения работника в процессе трудовой деятельности, а следовательно, ставит вопрос о необходимости критического переосмысления неоклассических положений теории человеческого капитала, т. е. включить в эту теорию положительные аспекты, развитые в других школах, например, в неомарксизме [17].

Во-вторых, сосредоточенная в российской экономике рабочая сила имеет высокий уровень образования и полученной квалификации. Одновременно с этим сформировалась тенденция «обесценения» рабочей силы высшей квалификации. Причинами, лежащими в основе данного явления, на наш взгляд, являются следующие: 1) сложившаяся в российской экономике несовершенная рыночная конкуренция и 2) соответствующая ей текущая конъюнктура, которые в целом не способствуют практической реализации концепции человеческого капитала, связанного с ростом заработной платы наиболее квалифицированных работников независимо от их отраслевой принадлежности.

В-третьих, для превращения пока еще нормативного требования необходимости развития человеческого капитала в позитивную динамику, на наш взгляд, целесообразно создать «дорожную

карту», в которой были бы увязаны в единое целое научно-образовательные, управленческие, финан-

совые и другие решения, касающиеся роста заработной платы лиц высшей квалификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петти В. Политическая арифметика // Экономические и статистические работы / пер. под ред. д. э.н. М. Смит. М., 1940. С. 154–205.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов Кн. I–III. М.: Наука, 1992. 572 с.
3. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Сочинения. Т. 1. М., 1955. 360 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. Т. 7. М.: Политиздат, 1987. 811 с.
5. Schultz T. W. Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities // Economic Research: Retrospect and Prospect. Vol. 6: Human Resources / Editor: Theodore W. Schultz. UMI, 1972. Pp. 1–84. URL: <http://www.nber.org/chapters/c4126.pdf> (дата обращения: 17.04.2017).
6. Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования: монография. Изд. 4-е. М.: ЦСПиМ, 2010. 608 с.
7. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.
8. Сведения о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам работников за октябрь 2017 г.: стат. бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. М., 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.08.2019).
9. Труд и занятость в России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 261 с.
10. Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2018 / Федеральная служба государственной статистики. М., 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.08.2019).
11. Бакшеев С. Л. Человеческий капитал как основной актив постиндустриальной экономики // Экономика и менеджмент систем управления. 2016. № 23. С. 13–20.
12. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2015 года: статистический бюллетень / Росстат. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/11c4980041c1bcbf9ee9fe27f9898572/ (дата обращения: 10.08.2019).
13. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2017 года: статистический бюллетень / Росстат. М., 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/11c4980041c1bcbf9ee9fe27f9898572/ (дата обращения: 10.08.2019).
14. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2019 года: статистический бюллетень / Росстат. М., 2019. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/11c4980041c1bcbf9ee9fe27f9898572/ (дата обращения: 10.08.2019).
15. О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: Федеральный закон от 25.12.2018 г. № 481-ФЗ // КонсультантПлюс.
16. Приказ Минтруда России от 02.07.2019 г. № 461н / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/vpm/proj-min.html/ (дата обращения: 10.08.2019).
17. Крышка В. И., Перекаренко Ю. А. Формирование взаимосвязи между развитием человеческого капитала и ростом заработной платы: неомарксистский подход // Финансовая экономика. 2019. № 1. С. 599–602.

REFERENCES

1. Petty, V. (1940). Political arithmetic. In: Economic and statistical issues. Moscow, 154–205 (in Russian).
2. Smith, A. (1992). Research about the nature and causes of the wealth of Nations (books I–III). Moscow, 572 (in Russian).
3. Ricardo, D. (1955). The beginning of political economy and tax taxation. In: Essays. Vol.1. Moscow, 360 (in Russian).

4. Marx, K. (1987). Selected works. In 9: Vol 7. Moscow, 811 (in Russian).
5. Schultz, T. W. (1972). Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities. In: Economic Research: Retrospect and Prospect. Vol. 6: Human Resources; Theodore W. Schultz (eds). UMI, 1972. Pp. 1–84. Available from: <http://www.nber.org/chapters/c4126.pdf> [Accessed 17th April 2017].
6. Changli, I. I. (2010). Work. Sociological aspects of the theory and methodology of research. 4th Edition. Moscow, 608 (in Russian).
7. Raizberg, B. A., Lozovskiy, L. S. & Starodubtseva, E. B. (1999). Modern economic dictionary. 2-e eds. Moscow, 479 (in Russian).
8. Information on the salary of employees of organizations by categories of personnel and professional groups of employees for October 2017: stat. bulletin (2018). Federal state statistics service. Moscow. Available from: <http://www.gks.ru> [Accessed 10th August 2019] (in Russian).
9. Labor and employment in Russia 2017: stat. sb. (2017). Rosstat. Moscow, 261 (in Russian).
10. Results of the labour force sample survey (2018). Federal state statistics service. Moscow. Available from: <http://www.gks.ru> [Accessed 10th August 2019] (in Russian).
11. Baksheev, S. L. (2016). Human capital as the main asset of post-industrial economy. *Economics and management of management systems*, 23, 13–20 (in Russian).
12. Information on the distribution of the number of employees by wage for April 2015: statistical bulletin (2015). Rosstat. Moscow. Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/11c4980041c1bcbf9ee9fe27f9898572/ [Accessed 10th August 2019] (in Russian).
13. Information on the distribution of the number of employees by wage for April 2017: statistical bulletin (2017). Rosstat. Moscow. Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/11c4980041c1bcbf9ee9fe27f9898572/ [Accessed 10th August 2019] (in Russian).
14. Information on the distribution of the number of employees by wage for April 2019: statistical bulletin (2019). Rosstat. Moscow. Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/11c4980041c1bcbf9ee9fe27f9898572/ [Accessed 10th August 2019] (in Russian).
15. About modification of article 1 of the Federal law “On the minimum wage”: the Federal law of 25.12.2018 No. 481-FZ. Accessed from help. — legal system “Consultant-Plus” (in Russian).
16. Order of the Ministry of labor of Russia from 02.07.2009 № 461n. Federal state statistics service. Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/vpm/proj-min.html/ [Accessed 10th August 2019] (in Russian).
17. Krishka, V. I. & Perekrestova, Y. A. (2019). Formation of the relationship between human capital development and wage growth: a neo-Marxist approach. *Financial economy*, 1, 599–602 (in Russian).

Поступила в редакцию: 26.07.2019.

Принята к печати: 16.08.2019.

ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ СОСТОЯНИЯ ОБОРОТНЫХ АКТИВОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ В РЕГИОНЕ

Л. А. Семина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Оборотные активы играют важную роль в процессе производства, влияя на состояние экономической безопасности предприятия в регионе. Структура и оценка состояния оборотных активов предприятия является важнейшей частью для стабильного его функционирования и развития, так как от тщательного изучения и оптимизации структуры оборотных активов зависит его уровень экономической безопасности. В настоящее время любое предприятие может столкнуться с разнообразными рисками, которые негативно воздействуют как на состояние оборотных активов, так и на его экономическую безопасность в целом. Для минимизации этих рисков необходимо обеспечивать своевременную оценку состояния оборотных активов и контроль достоверности информации об оборотных активах предприятия.

Предприятие нуждается в создании оптимальной структуры оборотных активов, при которой будет достаточно запасов, дебиторской задолженности, денежных средств и т. д., чтобы осуществлять непрерывный процесс воспроизводства для нормального функционирования. Достаточно сложно разработать и реализовать конкретные мероприятия, которые необходимы для обеспечения контроля информационных ресурсов. В результате этого многие руководители не задумываются о создании на предприятии надежной системы защиты информации. Если предприятие не применяет меры для минимизации рисков, влияющих на состояние оборотных активов, то следствием этого появляются определенные последствия, которые несут негативное воздействие на всю деятельность.

В связи с этим большое значение имеет исследование проблем, связанных с повышением эффективности использования оборотных активов предприятия и, соответственно, с определением способов влияния на экономическую безопасность.

Ключевые слова: экономическая безопасность, оборотные активы, регион.

PROBLEMS OF INFLUENCE OF THE CURRENT ASSETS CONDITION ON THE ENTERPRISE ECONOMIC SECURITY IN THE REGION

L. A. Semina

Altai State University (Barnaul, Russia)

Current assets play an important role in the production process, affecting the economic security of the enterprise in the region. The structure and assessment of the current assets of the enterprise is the most important part for its stable operation and development, as the level of economic security depends on a thorough study and optimization of the structure of current assets. Currently, any enterprise can face a variety of risks that adversely affect both the state of current assets and its economic security as a whole. To minimize these risks, it is necessary to ensure timely assessment of the current assets and control the reliability of information about the current assets of the enterprise.

The company needs to create an optimal structure of current assets, in which there will be enough reserves, receivables, cash, etc., to carry out a continuous process of reproduction for normal operation. It is difficult to develop and implement specific activities that are necessary to control information resources. As a result, many managers do not think about creating a reliable information security system at the enterprise. If the company does not apply measures to minimize the risks affecting the state of current assets, the consequence of this there are certain consequences that have a negative impact on all activities.

In this regard, it is important to study the problems associated with improving the efficiency of the use of current assets of the enterprise and, accordingly, to determine the ways to influence economic security.

Keywords: economic security, current assets, region.

В современных условиях среди многочисленных экономических угроз и прочих негативных явлений предприятия нередко сталкиваются с различными проблемами, которые впоследствии принятия неправильного или несвоевременного решения могут снизить уровень экономической безопасности, подвергая эти предприятия риску банкротства. Основными факторами экономической безопасности предприятия в регионе являются как внешние (макроэкономические, демографические, рыночные и др.), так и внутренние (финансовые, производственные, материально-технические, кадровые, инвестиционно-технологические, сбытовые и др.).

Показателями (параметрами, индикаторами) экономической безопасности предприятия выступают все множество финансово-экономических показателей — финансовая устойчивость, платежеспособность, кредитоспособность, ликвидность, а также производительность, деловая активность, рентабельность и многие другие. На основании сопоставления предельных (критических и нормальных) и фактических значений показателей-индикаторов, выбор и значимость которых может устанавливаться каждым предприятием самостоятельно, в целях влияния на уровень экономической безопасности можно вывести обобщающую его оценку.

Методы и методики исследования. В процессе проведенных нами исследований были использованы общенаучные (научная абстракция, индуктивный, дедуктивный, сравнительный анализ) и специальные методы (сравнение, монографический).

Результаты и их обсуждение. О. В. Прошкина выделяет одну из проблем влияния состояния оборотных активов на экономическую безопасность предприятия: «Недостаток оборотных средств, т. к. это влечет за собой неустойчивое финансовое состояние, перебои в производственном цикле, что приведёт к снижению объема производства и прибыли. Для увеличения доли собственных оборотных средств необходимы либо достаточный рост собственного капитала за счет прибыли, либо снижение величины внеоборотных активов. Второе нежелательно, т. к. это ведет к уменьшению имущества организации и затруднению хозяйственной деятельности» [1, с. 92].

Еще одной проблемой влияния состояния оборотных активов на экономическую безопасность

предприятия являются излишние размеры оборотных активов, поскольку это понижает возможности производить капитальные затраты по расширению производства, что ставит под угрозу эффективность дальнейшей деятельности.

Для минимизации рисков и повышения уровня экономической безопасности совместно со службой безопасности можно сформулировать стратегический план развития предприятия на основе оптимизации структуры оборотных активов, а именно за счет корректировки размеров запасов, дебиторской задолженности, денежных средств и прочих оборотных активов. Дополнительные средства, полученные в ходе использования заранее разработанного механизма формирования и использования оборотных активов предприятия, благополучно отразятся на экономической безопасности и устойчивости. Это связано с тем, что величина оборотных активов и условия их управления меняются, денежные средства высвобождаются из оборота, что, в свою очередь, позволяет увеличить объем производства без дополнительных финансовых затрат или использовать их в соответствии с насущными нуждами предприятия.

По мнению Г. К. Дамбауловой, В. Ф. Журавлевой, С. И. Лилимберг, «замораживание средств (собственных и заемных) в любом виде, будь то складские запасы готовой продукции или приостановленное производство, излишние сырье и материалы, обходятся предприятию очень дорого, так как свободные денежные средства можно использовать более рационально для получения дополнительного дохода» [2, с. 54].

Целесообразно полагать, что благодаря оборотным активам можно скорректировать недостатки кредитной политики. Сведение затрат к минимально возможному значению достигается оптимизацией структуры источников формирования оборотного капитала, то есть сбалансированным сочетанием собственных и кредитных средств. Чем выше доля оборотных средств (высокая доля характерна для масштабных материалоёмких производств или предприятий торговли) и, следовательно, ниже доля внеоборотных, тем больше предприятие может привлекать краткосрочных источников финансирования (краткосрочных кредитов и займов, отсрочек платежа поставщикам и т. п.) без ущерба для своей финансовой устойчивости и финансовой независимости.

Сокращение длительности оборота оборотных активов способствует высвобождению существенной суммы денежных средств, в результате чего можно добиться расширения объема производства без вложения вспомогательных денежных средств, а оставшиеся активы применить согласно потребностям организации, что обеспечит минимизацию рисков потери ликвидности — т. е. использования денежных средств, тем самым обеспечивая экономическую безопасность организации.

К основным проблемам многих предприятий авторы статьи «Анализ и контроль эффективности использования оборотных средств» относят «дефицит денежных средств, вызванный стремительным ростом дебиторской задолженности или неоправданным увеличением товарных запасов. Особенности функционирования каждого элемента оборотных средств обуславливают метод его планирования; последний, в свою очередь, предусматривает решение производственных задач с разным сроком их выполнения (долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных)» [3, с. 2].

От того, насколько правильно будет выбран тот или иной инструмент управления, зависит, в конечном счете, эффективность деятельности в целом. По мнению А. М. Крыжиной, именно внутренний контроль играет важную роль в обеспечении стабильной деятельности предприятия с целью повышения уровня экономической безопасности предприятия, поскольку «сущность системы внутреннего контроля представляет собой комплекс упорядоченных взаимосвязанных средств, методик и процедур, используемых в целях повышения эффективности управления хозяйственной деятельности, обеспечения контроля за сохранностью имущества, соблюдению действующего законодательства» [4, с. 46].

О. В. Шумакова считает, что «в случае недостаточного анализа и контроля возможно возникновение рисков, обусловленных объемом и структурой оборотных средств: недостаточность товаров, сопряженная с возникновением риска дополнительных издержек или даже приостановки деятельности предприятия; недостаточность кредитных возможностей предприятия, угрожающая в перспективе потерей ликвидности; недостаточность денежных средств, способная привести к прерыванию производственного процесса, воспрепятствовать выполнению обязательств, привести к потере дополнительной прибыли; излишний объем оборотных средств ведет к риску увеличения издержек финансирования и уменьшению доходов» [5, с. 283].

К профилактическим путям решения вышеперечисленных проблем можно отнести:

- контроль использования денежных средств (анализ их фактического движения; формирование мониторинга денежного потока, конкретно — денежных поступлений и выбытия; расчет оптимальной структуры денежных средств);
- «контроль уровня дебиторской задолженности (анализ его уровня в предшествующем периоде; установление возможной суммы финансовых средств, инвестируемых в дебиторскую задолженность; создание систем кредитных условий, т. е. кредитного периода, размер кредита, стоимости кредита; оценка покупателей и дифференциация условий предоставления кредита; операция инкассации дебиторской задолженности; внедрение современных форм рефинансирования дебиторской задолженности; контроль состояния расчетов с покупателями и соотношением дебиторской и кредиторской задолженности и расширение круга потребителей с целью уменьшения риска неуплаты одним или несколькими крупными покупателями. Итак, контроль необходим, поскольку значительное повышение дебиторской задолженности угрожает финансовой устойчивости организации, приводит к необходимости привлечения дополнительных дорогостоящих источников финансирования)» [6, с. 71];
- контроль уровня дебиторской задолженности;
- контроль уровня запасов, опираясь на анализ запасов товарно-материальных ценностей в предшествующем периоде; формулировка целей формирования запасов (запасы сырья и материалов, готовой продукции); оптимизация размера запасов; подтверждение учетной политики оценки запасов; создание системы контроля за движением запасов, основными задачами которой станут своевременное размещение заказов на пополнение запасов и вовлечение в оборот излишне сформированных их объемов).

Таким образом, эффективное управление состоянием оборотных активов оказывает воздействие на целый спектр дополнительных экономических коэффициентов и индикаторов, и в конечном итоге — на эффективность работы всего предприятия. При использовании внутренних резервов рационализации движения оборотных средств, а также грамотно управляя производственными запасами, контролируя их использование, можно оказывать положительное влияние на экономическую безопасность предприятия в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Прошкина О.В. Управление оборотным капиталом как фактор экономической безопасности фирмы // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2018. № 2 (78). С. 91–99.
2. Дамбаулова Г.К., Журавлева В.Ф., Лилимберг С.И. Проблемы повышения эффективности использования оборотного капитала на современных предприятиях (на примере Костанайской области республики Казахстан) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 2. С. 53–59.
3. Новиков Ю.И., Бондарева В.В., Головкин Д.Ф., Садыков Р.М. Анализ и контроль эффективности использования оборотных средств // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 4 (15). С. 2.
4. Крыцина А.М. Развитие внутреннего контроля как элемента экономической безопасности коммерческого предприятия // Крымский научный вестник. 2017. № 2–3 (14–15). С. 46–56.
5. Шумакова, О. В., Епанчинцев В.Ю. К вопросу о финансовой безопасности сельскохозяйственных организаций // Инновационное развитие экономики. 2017. № 3 (39). С. 281–283.
6. Новиков Ю.И., Блинов О.А. Организационно-правовые основы судебно-бухгалтерской экспертизы. Омск, 2014. С. 71.

REFERENCES

1. Proshkina, O. V. (2018) Working capital management as a factor of an enterprise economic security. *Social-economic and technical systems: research, design and optimization*, 2 (78), 91–99 (in Russian).
2. Dambaulova, G. K., Zhuravleva, V. F. & Lilimberg S.I. (2016) The problem of improving the efficiency of working capital in modern enterprises (for example, the Kostanay region of Kazakhstan). *News of higher educational institutions. Ural region*, 2, 53–59 (in Russian).
3. Novikov, Yu.I., Bondareva, V. V., Golovko, D. F. & Sadykov, R. M. (2018) Analysis and control of efficiency of use of working capital. *Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU*, 4 (15), 2 (in Russian).
4. Krytsina, A. M. (2017) Development of internal control as an element of economic security commercial companies. *The Crimean Scientific Bulletin*, 2–3 (14–15), 46–56 (in Russian).
5. Shumakova, O. V. & Epanchintsev, V. Yu. (2017) To the question of agricultural organization's financial security. *Innovative development of economy*, 3 (39), 281–283 (in Russian).
6. Novikov, Yu.I. & Blinov O. A. (2014) Legal and organizational basis of forensic accounting expertise. Omsk, 71 (in Russian).

Поступила в редакцию: 19.07.2019.

Принята к печати: 24.07.2019.

КИТАЙ В ПОПЫТКЕ ПРЕОДОЛЕТЬ ПРЕДЕЛЫ РОСТА

Nie Yongyou, Д. С. Федорова

Шанхайский университет (Шанхай, Китай)

В статье анализируется концепция «пределы роста». Рассматриваются основные причины снижения темпов экономического развития Китая в последние годы. Особое внимание уделяется проблемам загрязнения окружающей среды и нехватки ресурсов. К числу проблем, связанных с загрязнением окружающей среды, относятся как положение внутри страны, такие как загрязнение воздуха, воды и почвы, так и проблемы международного характера. Что касается вопроса нехватки ресурсов, то особое внимание уделяется зависимости Китая от импорта ресурсов, что вызывает проблемы безопасности из-за большого числа стран-экспортеров. Кроме того, в статье описаны шаги, которые предпринимает Китай для перехода к новой модели экономического роста, с точки зрения институциональных реформ, управления ресурсами и инноваций в области зеленых технологий, встав на путь «зеленого» устойчивого развития.

Ключевые слова: пределы роста, Китай, экономический рост, зеленая экономика, ресурсы, окружающая среда, новая норма, ресурсная дипломатия.

CHINA ATTEMPTS TO OVERCOME THE LIMITS OF GROWTH

Nie Yongyou, D. S. Fedorova

Shanghai University (Shanghai, P. R. China)

The article analyzes the concept of “the limits to growth”, examines the main reasons for the slowdown in China's economic development in recent years. Special attention is paid to the problems of environmental pollution and lack of resources. Among the problems concerning environmental pollution there are both domestic problems such as air, water and soil pollution, and problems of an international scale. With regard to the problem of lack of resources, special attention is paid to China's dependence on imports of resources, which causes security problems due to the large number of exporting countries. Besides, the article describes the steps that China is taking to move to a new model of economic growth, in terms of institutional reforms, resource management and innovation in the field of green technologies, by taking the path of “green” sustainable development.

Keywords: China, the limits to growth, green economy, the new normal of China's economy, resources, environment, resource diplomacy, economic growth.

После политики реформ и открытости на протяжении более чем 30 лет происходил непрерывный рост экономики Китая. Для Китая сегодня «предел роста» находится очень далеко. Однако если более подробно рассмотреть нехватку электроэнергии, которая произошла за эти годы, нехватку рабочей силы, засуху и заболачивание, песчаные бури, загрязнение воздуха, очевидно, что традиционная модель экономического роста не является устойчивой и достигла своего предела.

В 1972 г. Римский клуб опубликовал свое первое исследование «пределы роста» (*The Limits to Growth*). В докладе отмечается ряд вопросов, с которыми сталкивается человеческое общество, такие

как проблема численности населения Земли, проблема индустриализации, производства продуктов питания, истощения природных ресурсов, а также загрязнения окружающей среды и экологического равновесия, которые, по его мнению, будут сдерживать будущий мировой экономический рост и социальное развитие [7]. С момента зарождения капиталистической экономики теория экономического роста перестала воспринимать ресурсы и окружающую среду как ограничения, и трудовые ресурсы могут быть заменены капиталом или технологическим прогрессом. Человек является как инвестором в экономическое производство, так и его потребителем. Он становится связующим звеном

между социально-экономической системой и природой. Экономический рост необходим для улучшения жизни людей, и если он уничтожает природные ресурсы и негативно воздействует на окружающую среду, то такой экономический рост должен иметь пределы, которые не могут существовать в рамках самой экономической системы из-за недостатка ресурсов и экологических ограничений.

«Предел роста» — это то, с чем так или иначе придется столкнуться каждой стране. Если рассмотреть историю экономического развития, мы обнаружим, что мир уже пережил три промышленные революции и стоит на пороге четвертой. Первая промышленная революция началась примерно с 1760-х гг. до середины XIX века, открыв «паровую эру», вторая длилась 100 лет, после чего человечество вступило в «электрическую эру»; после двух мировых войн началась третья, которая продолжается по сей день, создавая «информационную эпоху». Недавно Германия предложила стратегический план «Индустрия 4.0» в области высоких технологий и обнародовала «Зеленую промышленную революцию». На фоне этой четвертой промышленной революции последовали многочисленные глобальные кризисы, упомянутые в «пределе роста», включая энергетический и ресурсный кризис, глобальный экологический и кризис изменения климата.

Исторически сложилось так, что каждый раз при пересечении границы роста необходимо менять свой подход к экономическому развитию. Сегодня Китай входит в «новую норму» экономики и стоит перед важным выбором: как он выйдет за пределы роста. Нет никаких сомнений в том, что в прошлом интенсивная разработка ресурсов и высокие темпы экономического роста подошли к концу, и поэтому новый подход к экономическому

развитию должен включать в себя ресурсы и экологические методы, которые совпадают с четвертой промышленной революцией [14].

Перед лицом «зеленой промышленной революции» Китай и развитые страны стоят на одной и той же стартовой линии, но его силы по-прежнему имеют определенный разрыв, выраженный в экономической и политической системе, зрелости рынка, инновационном потенциале, ресурсах и опыте управления окружающей средой. Поэтому изучая, как войти в «зеленую промышленную революцию», Китай должен компенсировать эти недостатки, а затем в ответ на внутренние и внешние вызовы может выйти за пределы роста с точки зрения институциональных реформ, управления ресурсами и инноваций в области зеленых технологий.

Проблемы, с которыми сталкивается Китай.

Темпы экономического роста в Китае постепенно замедляются. По данным Национального статистического управления, в 1992 г. показатель годового темпа роста ВВП составлял 14,22%, а в последние годы понизился до 7%. Реформы и открытость освободили рынки, которые были искажены в период плановой экономики, в результате чего производительность значительно снизилась на ранних этапах перехода от плановой экономики к рыночной [9, с. 159]. Вместе с тем замедление темпов экономического роста объясняется рядом факторов, в том числе внешними последствиями глобального экономического кризиса, избытком производственных мощностей в Китае, ростом цен на рабочую силу, а также реструктуризацией экономики и влиянием политики макроконтроля. Однако одна из основных причин — это влияние ресурсов и окружающей среды на экономический рост.

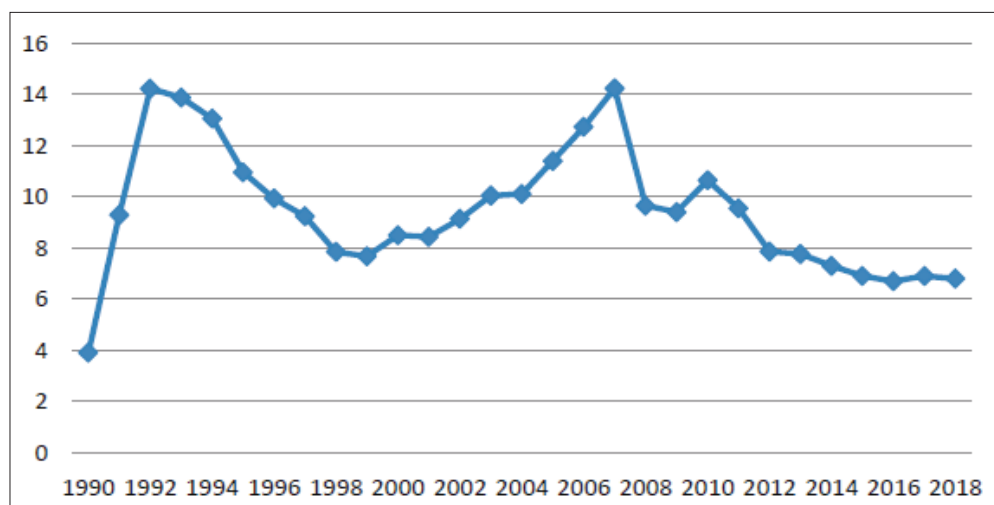

Рис. 1. Годовой темп роста ВВП Китая. *Kuaiyilicaiwang*. URL: https://www.kuaiyilicai.com/stats/global/yearly_per_country/g_gdp_growth/chn.html (accessed 04.05.2019)

Китай является бедным относительно показателя ресурсов на душу населения, несмотря на то, что имеет большую территорию. Такие стратегические ресурсы, как нефть (7%), природный газ (7%), железная руда (17%), бокситы (11%), медь (17%), пахотные земли (43%), пресная вода (28%) имеют достаточно маленький процент на душу населения. Самым распространенным ресурсом Китая является уголь, доля которого на душу населения составляет 67% от среднемирового показателя [1, с. 5]. Следовательно, увеличивается зависимость Китая от импорта ресурсов. Несмотря на то, что китайская добывающая промышленность занимает первое место в мире, она все еще не может удовлетворить быстрорастущий внутренний спрос в течение последних 10 лет. Согласно прогнозам научно-исследовательского центра развития Государственного совета КНР, к 2020 г. из 45 видов минеральных ресурсов Китай вынужден будет импортировать 39. Из них доля импорта нефти составит около 70%, а к 2030 г. эта доля вырастет до 75% [5, с. 52].

Кроме того, появились проблемы в сфере безопасности из-за чрезмерной концентрации поставщиков ресурсов. Согласно отчету «Руководство новой нормой: Китай и управление глобальными ресурсами», опубликованному в 2016 г. исследовательским центром развития Государственного совета КНР и Британским институтом Чатем, 18 стран ежегодно экспортируют в Китай природные ресурсы на сумму 10 млрд долл. США, что составляет 75% от общего объема импорта ресурсов Китая. Четыре из них являются соседями Китая (Россия, Япония, Южная Корея, Индонезия), пять — ближневосточными экспортерами нефти (Саудовская Аравия, Иран, Оман, Ирак и ОАЭ), три — южноамериканскими странами (Бразилия, Чили, Венесуэла), две — африканскими странами (Ангола, Южная Африка), а остальные — богатыми ресурсами развитыми экономиками (Австралия, США, Канада) или обрабатывающими центрами (ЕС) [10]. Из шести основных импортных продуктов — сырая нефть, железная руда, уголь, природный газ и сжиженный природный газ, медь и поташ, на долю четырех крупнейших поставщиков приходится половина импорта Китая. Такая централизованная поставка ресурсов заставляет Китай дипломатически поддерживать хорошие отношения с этими странами, придерживаясь политики «ресурсной дипломатии». Это делает отношения между Китаем и экономиками этих стран весьма напряженными, а также оказывает непосредственное влияние на геополитические и экономические отношения между Китаем и странами поставщиками ресурсов.

Что касается окружающей среды, то проблема Китая проявляется в загрязнении воздуха, воды и почвы. Среди них загрязнение воздуха на осно-

ве диоксида серы и сажи, загрязнение воды и почвы на основе выбросов отходов. Что касается атмосферы, то в соответствии с бюллетенем о состоянии окружающей среды Китая в 2018 г., Национальный новый стандарт качества мониторинга воздуха показал, что из 338 городов только 121 подходит под городской стандарт качества воздуха. Кроме того, в коммюнике 2018 г. было указано, что среднее количество дней с опасным загрязнением воздуха в стране составило 20,5 дней, что на 7,1 дня меньше по сравнению с предыдущим годом [8, с. 7]. Несмотря на то что, состояние воздуха улучшилось, данный показатель все еще значительно превышает норму. За последние несколько лет охватывающий половину Китая смог стал одной из самых главных экологических проблем экономического развития Китая. В 2015 г. около четверти территории страны приблизительно 600 млн человек пострадали от загрязнения воздуха, хотя долгосрочное воздействие смога на организм человека еще не является научно обоснованным, но его краткосрочное влияние на здоровье населения, путешествия, городской транспорт, социальное производство имеет достаточно тяжелые последствия. Се Чжэнхуа, который ранее был заместителем директора Национальной комиссии по развитию и реформам, отметил, что загрязнение воздуха в основном связано с быстрым экономическим развитием, экстенсивной промышленной и энергетической структурой¹.

Что касается водных ресурсов, мониторинг качества воды проводился на 968 участках поверхностных вод, 423 крупных рек и 62 ключевых озер (водохранилищ). Основными показателями загрязнения является химическое потребление кислорода. Мониторинг подземных вод показал, что качество воды в 61,5% точек было плохим или очень плохим [11]. Результаты первого национального мониторинга загрязнения почвы (апрель 2005 г. — декабрь 2013 г.) показали, что общий уровень превышения нормы составил 16,1%, включая точки «незначительного», «легкого», «умеренного» и «сильного» загрязнения. Соотношения составляли 11,2; 2,3; 1,5 и 1,1% соответственно. Кроме того, серьезной проблемой является эрозия почвы: общая площадь эрозии в Китае составляет 2 941 100 км², или 31,12% от общей площади, включая гидравлическую эрозию 1 293 200 км² и ветровую эрозию 1 655 000 км² [12, с. 96]. Данный показатель остается актуальным на 2018 г. Экологический ущерб окружающей среды может быть более серьезным, чем простое

¹ China's haze weather near to normal level Xie Zhenhua says it will be improved in 5–10 years // News China, 05.11.2013 (In Chin.) URL: http://news.china.com.cn/2013-11/05/content_30504711.htm (accessed 04.05.2019).

загрязнение окружающей среды, и ее улучшение требует значительных затрат, а также времени, необходимого для восстановления, однако некоторые повреждения необратимы и не подлежат восстановлению.

Кроме того, Китай также сталкивается с огромными внешними проблемами в области загрязнения окружающей среды и изменения климата. По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), Китай обогнал США в 2009 г., став первой страной в мире по выбросам CO₂. В 2011 г. Китай превысил рекордный уровень выбросов CO₂, достигнув 8 млрд т, что составляет 1/4 от общего объема выбросов углерода в мире, превышая около 50% выбросов углерода в США [13]. Первое место в мире остается до сих пор за Китаем. Это оказало большое давление на КНР в ходе международных переговоров по изменению климата даже в том, что касается его международной экономической и политической деятельности. Соединенные Штаты и Европейский союз часто создают торговые барьеры для экологических стандартов, заставляя Китай учитывать воздействие экономической деятельности на окружающую среду. Однако сегодня в условиях глобализации экономики выбросы углерода так или иначе подразумеваются в международной торговле, а ответственность за выбросы в глобальных производственных цепочках не может учитываться только на национальном уровне.

Конечно, как политическая и экономическая держава Китай взял на себя ответственность и прилагает огромные усилия в области изменения климата. В конце 2015 г. британский журнал Nature опубликовал номер, главной темой которого стало изменение климата. В нем говорится, что данные, представленные в 2014 и 2015 гг., показывают, что экономический рост больше не связан с выбросами CO₂. В то же время, согласно данным за октябрь 2015 г., произошло снижение глобальных выбросов CO₂ на 0,3%. Это произошло из-за того, что некоторые страны, включая Китай, изменили свою энергетическую структуру [6]. Китай стал использовать больше воды, солнечной энергии, энергии ветра и других возобновляемых источников энергии для производства электроэнергии. Согласно данным, опубликованным Bloomberg New Energy Finance (BNEF) в январе 2015 г., инвестиции Китая в возобновляемые источники энергии в 2014 г. составили 89,5 млрд долл. что составляет почти 1/3 глобальных инвестиций в экологически чистую энергию [16]. В 2017 г. инвестиции в возобновляемые источники энергии достигли рекордного уровня 126,6 млрд долл. [3]. Китайское правительство планирует увеличить долю таких источников энергии до 15% от общего потребления энергии в 2020 г.

На протяжении десятилетий экономического роста Китай сталкивается с огромным давлением и проблемами в области ресурсов и окружающей среды, а также с обязанностями крупных держав, но это давление открывает возможности для изменения модели экономического роста Китая, реструктуризации энергетики, управления ресурсами и охраны окружающей среды. В соответствии со старым подходом к экономическому росту, «предел роста» китайской экономики скоро даст о себе знать; экологические проблемы дают Китаю предупреждение, а также указывают на новое направление для будущего роста китайской экономики: устойчивый экономический рост, связанный с ресурсами и окружающей средой.

От пределов роста к «зеленой» экономике.

Важным аспектом перехода к новой модели экономического роста является целостность и совершенствование правовой системы. Следует отметить, что с 1 января 2015 г. введение в действие нового закона Китайской Народной Республики «Об охране окружающей среды» предоставило правоохранительным органам соответствующие права. Например, в статье 60 нового закона предусматривается, что, департаменты по охране окружающей среды могут ограничивать производство предприятиям, находящимся под чрезмерным загрязнением, а также останавливать их функционирование². Такое направление правовой реформы является правильным, и некоторые новые системы охраны окружающей среды должны быть юридически закреплены. Например, системы мониторинга, отчетности и утверждения выбросов углерода требуют четкого определения законов и правил, чтобы этот механизм действительно работал и в конечном итоге привел к созданию и совершенствованию защитного механизма рыночной экономики Китая.

С точки зрения взаимосвязи между управлением ресурсами и экономическим ростом Китай также нуждается в стратегическом видении глобального управления ресурсами. В настоящее время КНР является основным мировым потребителем ресурсов, однако существуют проблемы безопасности транспортировки. Таким образом, Китай, с одной стороны, должен поддерживать хорошие дипломатические отношения со странами-поставщиками ресурсов и продолжать проводить политику «ресурсной дипломатии», с другой стороны, он должен расширить сферу охвата стран-экспортеров и снизить риски для их безопасности.

² Environmental Protection Law of the people's Republic of China-effective as of January 1, 2015 (In Chin.) URL: <https://wenku.baidu.com/view/25337ef303d8ce2f016623ae.html> (accessed 08.05.2019).

Это касается внешней политики Китая, экономической, финансовой деятельности и даже общего планирования стратегических целей страны. Получается, что управление ресурсами должно рассматриваться на более высоком уровне, с более широкой позиции, а не только с точки зрения самих ресурсов.

Следует отметить, что инициатива «Один пояс и один путь» совпадает с этой концепцией управления ресурсами. «Новая норма: Китай и глобальное управление ресурсами», в которой говорится, что одним из преимуществ инициативы «Один пояс и один путь» является расширение китайского экспортного рынка и обеспечение безопасности сырья, поставляемого в Китай, как на суше, так и на море [2]. Что касается природных ресурсов, то запасы природного газа в странах вдоль «Одного пояса и одного пути» составляют 50%, угля — 25%, железной руды — 20%. Из них около 50% мировых запасов газа и 16% нефти находятся в собственности стран «Экономического пояса Шелкового пути». В то время как запасы нефти и газа в странах, расположенных вдоль «Морского Шелкового пути», составляют всего 1% и 3% от мировых соответственно [15]. Тем не менее главным приоритетом строительства «Морского Шелкового пути» является не торговля ресурсами. «Морской Шелковый путь» играет важную роль в укреплении энергетической безопасности Китая, обеспечивая безопасную транспортировку нефти с Ближнего Востока.

Конечно, в такой политике есть определенные риски и проблемы. В частности, политическая нестабильность в странах вдоль маршрута привела к нестабильности торговых и инвестиционных отношений. Тем не менее «Один пояс и один путь» обеспечивает хорошее стратегическое видение, которое необходимо для Китая и других экономик в будущем, чтобы преодолеть границы роста, связав экономический рост и управление ресурсами.

Кроме того, Китай должен преодолеть свои «пределы роста» с помощью инноваций в области «зеленых» технологий. Научно-технические инновации являются ключевыми переменными в модели экономического развития. Однако в условиях обостряющегося глобального кризиса ресурсов и окружающей среды это внешнее ограничение определяет будущее направление научно-технических инноваций, что является существенным отличием между четвертой промышленной революцией и третьей доиндустриальной.

Цель «зеленой промышленной революции» состоит, прежде всего, в том, чтобы добиться «разъединения» выбросов углерода, которое можно

рассмотреть в трех областях. Во-первых, использование ископаемых видов энергии с более низким энергопотреблением для снижения интенсивности загрязнения на единицу потребления энергии. Во-вторых, сведение к минимуму доли ископаемых видов энергии в экономическом производстве и потреблении. В-третьих, содействие использованию неископаемых видов энергии, возобновляемых источников энергии [4]. Для достижения этой цели необходимы технологии, институты, организационное управление и финансирование, которые в совокупности изменят существующие способы производства и повысят эффективность использования ресурсов.

Направление инноваций в области «зеленых» технологий — это то, с чем сталкивается Китай сегодня. В сегодняшней ситуации «массового предпринимательства инноваций», разработок в области «зеленых» технологий не так много. Политика правительства должна быть направлена на поощрение и объединение инновационной деятельности общества со стратегическими целями. Только тогда Китай сможет использовать свои сильные стороны и осуществить мечту о подъеме великой державы на волне четвертой промышленной революции с новой моделью экономического развития, основанной на зеленых инновациях.

Таким образом, несмотря на устойчивое экономическое развитие на протяжении 30 лет, Китай вынужден столкнуться с рядом проблем. В первую очередь, это проблемы нехватки ресурсов и загрязнения окружающей среды, которые оказывают непосредственное влияние на снижение темпов роста экономики КНР. Несмотря на то, что проблема нехватки ресурсов уже давно решается с помощью инициативы «Один пояс — один путь», а также посредством сотрудничества со странами поставщиками со всего мира, Китай сталкивается с проблемой безопасности и напряженностью в отношениях со странами-экспортерами.

Что касается проблемы окружающей среды, помимо проблем загрязнения воздуха, воды и почвы внутри страны, Китай является первым среди стран по объему выбросов углерода, в связи с чем сталкивается с огромным давлением со стороны мирового сообщества. Однако это давление открывает возможности для изменения модели экономического роста КНР. Чтобы преодолеть пределы роста и решить проблемы, Китаю необходимо продолжать совершенствование правовой системы, а именно законов об охране окружающей среды, кроме того, необходимо продолжать политику глобального управления ресурсами и развивать инновации в области «зеленых» технологий.

REFERENCES

1. China mineral resources 2018. Ministry of natural resources, PRC (In Chin.) URL: <http://www.gov.cn/xinwen/2018-10/22/5333589/files/1bf146ddd1fd4ab998ba375aa0e98714.pdf> (accessed 30.05.2019)
2. Experts: Integrating the green economy into the “Belt and Road”. *People Finance*. 28.06.2015 (In Chin.) URL: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0628/c1004-27219932.html> (accessed 04.06.2019)
3. Global Trends in Renewable Energy Investment 2018. Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF. URL: <https://europa.eu/capacity4dev/unep/documents/global-trends-renewable-energy-investment-2018> (accessed 04.06.2019)
4. Green F., Stern N. (2015). China’s “New Normal”: structural change, better growth, and peak emissions. URL: http://www.lse.ac.uk/GranthamInstitute/wp-content/uploads/2015/06/China_new_normal_web.pdf (accessed 04.06.2019)
5. Hu Wenjuan (2016) China's role in the face of global resource governance. *China WTO Tribune*, 5, 51–53 (In Chin.). URL: <http://www.doc88.com/p-4187660713898.html> (accessed 30.05.2019)
6. Jackson, R. B. (2016) Reaching peak emissions. *Nature Climate Change*, 6, 7–10. URL: https://www.globalcarbonproject.org/global/pdf/Jackson_2015_Reaching%20peak%20emissions.NatureCC.pdf (accessed 30.05.2019)
7. Meadows, D. H., Meadows, D. L. et al. (1972) *The Limits to Growth*. New York: Univers Books, 205.
8. Ministry of Environmental Protection: 2018 China State of the Environment Bulletin (In Chin.) Available at: <http://www.mee.gov.cn/hjzl/zghjzkgb/lnzghjzkgb/201905/P020190529498836519607.pdf> (accessed 04.06.2019)
9. Nie Yongyou, Yin Feng (2018) New political economics of the rise of great country. Sichuan People's press, 257. (In Chin.)
10. Preston, F., Bailey, R., Bradley, S. (2016) Navigating the New Normal: China and Global Resources Governance. A joint DRC and Chatham House report. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-01-27-china-global-resource-governance-preston-bailey-bradley-wei-zhao-final.pdf> (accessed 04.06.2019)
11. Sun Xiuyan (2015) The annual task of reducing the total number of major pollutants is successfully completed. *People*, 05.06.2015 (In Chin.) URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0605/c1001-27106608.html> (accessed 04.06.2019)
12. Xia Guang (2014) Ecological environment risk in China and its countermeasures. *Green leaf*, 8, 92–106 (In Chin.) URL: <http://www.doc88.com/p-9793583622056.html> (accessed 30.05.2019)
13. Zhang Cuiju (2016) Study on influencing factors, convergence and spillover of carbon emission intensity in China. Chongqin University. (In Chin.)
14. Zhang Mei (2013) Green development: global trend and China's way out. *Research on international issues*, 5 (In Chin.) doi 10.3969/j.issn.0452-8832.2013.05.009
15. Zhao Yabo, Liu Xiaofeng, Ge Yuejing (2017) Analysis of the oil and gas resource distribution pattern along the Belt and Road and the interdependence relationship with China. *Geographical Research*, 36 (12), 2305–2320. (In Chin.) Doi: 10.11821/dlyj201712003 <http://www.dlyj.ac.cn/article/2017/1000-0585/1000-0585-36-12-2305.shtml> (accessed 04.06.2019)
16. Zhou Dan (2015) China is the world's largest clean energy investor. *Sino-global energy*, 3 (In Chin.)

Поступила в редакцию: 14.06.2019.

Принята к печати: 02.07.2019.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Алабина Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия), e-mail: madam-alabina@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-0600-0584 0000-0002-0600-0584

Ан Евгений Алексеевич, доктор экономических наук, руководитель Центра аналитических исследований Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алма-Ата, Казахстан), e-mail: an_vko@mail.ru.

Бакума Дмитрий Анатольевич, магистрант кафедры экономики агропромышленного комплекса Дальневосточного государственного аграрного университета (Благовещенск, Россия), e-mail: bakuma95@mail.ru

Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belyaevvi@mail.ru

Бутакова Марина Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: marina.butakova.59@mail.ru. ORCID ID 0000-0001-6331-0258.

Волкова Светлана Сергеевна, старший инспектор Министерства образования и науки Алтайского края, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: swetlof@mail.ru.

Воронкова Ольга Юрьевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olka2004@yandex.ru. ORCID ID 0000-0002-3106-4643.

Горянинская Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olga.goryaninskaya@mail.ru. ORCID ID 0000-0001-7461-5989.

Грентикова Инна Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры фармации Кемеровского государственного медицинского университета (Кемерово, Россия), e-mail: grentikova@mail.ru

Добрынина Инна Юрьевна, маркетинг-менеджер ООО «Альтерра», аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: dobrynina_inna_28@mail.ru.

Дубина Игорь Николаевич, доктор экономических наук, профессор Новосибирского национального исследовательского университета (Новосибирск, Россия), Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: igor_dubina@yahoo.com

Ковалева Ирина Валериевна, доктор экономических наук, профессор кафедры управления Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: irakovaleva20051@rambler.ru. ORCID ID 0000-0002-3184-5642.

Крохмаль Лариса Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики агропромышленного комплекса Дальневосточного государственного аграрного университета, проректор по экономике Дальневосточного государственного аграрного университета (Благовещенск, Россия), e-mail: krokhmal_la@mail.ru.

Крышка Виктор Иванович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kryshka@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-3817-9662.

Кулмаганбетова Альмира Саркытбековна, докторант Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: kulalmira@mail.ru.

Кундиус Валентина Александровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, анализа и статистики Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kundiusv@mail.ru.

Лякишева Валентина Григорьевна, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: vova_new@mail.ru.

Мищенко Валерий Викторович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ikmischenko@mail.ru.

Перекаренкова Юлия Александровна, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: perekarenkova@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-9572-3716.

Рахметулина Жибек Берлибековна, кандидат экономических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: rahmetulina_zh@mail.ru

Семина Лариса Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: seminalarisa@yandex.ru.

Солопова Наталья Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: natasha.solopova@yandex.ru

Троцкий Александр Яковлевич, доктор социологических наук, заведующий лабораторией Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), заведующий кафедрой экономической теории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: trotskovskiy@dc.asu.ru, ORCID ID 0000-0002-3233-8570.

Федорова Дарья Сергеевна, магистрант Шанхайского университета (Шанхай, Китай), e-mail: df-29@mail.ru.

Фефелова Александра Алексеевна, магистрант кафедры экономики агропромышленного комплекса Дальневосточного государственного аграрного университета (Благовещенск, Россия), e-mail: 529147@mail.ru.

Nie Yongyou, доктор экономических наук, декан экономического факультета Шанхайского университета (Шанхай, Китай), e-mail: nyu2000@163.com.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА. ПРОФЕССИЯ. БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS. PROFESSION. BUSINESS"

Статья представляется в электронном варианте по адресу ef@asu.ru:

- название файла по фамилии автора или первого из авторов;
- используется одна из последних версий текстового редактора WORD;
- объем публикации не должен превышать 20 000 знаков (0,5 п. л.), включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации; для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 40 000 знаков (1,0 п. л.). Минимальный объем статьи составляет 12 000 знаков (0,3 п. л.);
- публикации принимаются на русском и английском языках;

1. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
- название статьи, аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
- название статьи, аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
- собственно текст статьи;
- библиографический список;
- таблицы с заголовками;
- рисунки с подписями;
- сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCIDID (при наличии).

2. Для основных текстов на английском языке сначала указываются инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

3. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

4. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат A4 (21x30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше (таблицы и рисунки — MSWord, MSExcel, CorelDraw 12, 13);

- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

5. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. № 2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М.: Статут, 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Горшков В. Г. О некоторых подходах к решению экономических и организационных проблем промышленных предприятий: монография. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2004. 168 с.;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы латиницей учитывать порядок библиографического списка на русском языке. Список литературы латиницей оформлять под заголовком «References».

6. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;
- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

7. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

ЭКОНОМИКА. ПРОФЕССИЯ. БИЗНЕС

2019. № 3

Журнал зарегистрирован
в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Алтайскому краю и Республике Алтай
(Управление Роскомнадзора по Алтайскому краю и Республике Алтай).
Свидетельство о регистрации ПИ №ТУ22–00576 от 20 ноября 2015 г.

Литературный редактор *С. И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Свободная цена

Подписано в печать 09.09.2019.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 11,2. Тираж 500 экз. Заказ 422.

Типография Алтайского государственного университета
656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66
